

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Итоги
и перспективы
исследований

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Итоги и перспективы
исследований

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

В книге рассмотрены комплексные (междисциплинарные) сравнительно-исторические и сравнительно-типологические исследования в области энтогенеза, формирования наций, истории культуры и международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. В основу сборника положены материалы научной конференции «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации», состоявшейся в 1978 г.

Редакционная коллегия:

В. К. ВОЛКОВ, В. А. ДЬЯКОВ, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ (ответственный редактор),
А. С. МЫЛЬНИКОВ, А. М. ОРЕХОВ (ответственный секретарь)

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканстики
АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько. Художник В. С. Поплавский
Художественный редактор И. В. Разина
Технические редакторы И. И. Жмурукова, Ф. М. Хенох
Корректоры Т. В. Гурьева, Г. Н. Джоевка

ИБ № 15299

Сдано в набор 23.02.79. Подписано к печати 14.05.79. Т-08629. Формат 84Х108^{1/32}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 1400 экз. Тип. зак. 4492
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

© Издательство «Наука», 1979 г.

К 10603—167 87—79. 0504000000
042(02)—79

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние годы в советском обществоведении все более широкое распространение получают сравнительно-исторические и комплексные исследования. Они позволяют плодотворно сочетать всесторонний анализ фактического материала с теоретическими обобщениями, глубоко проникать в закономерности общественного развития. Практика подтверждает, что именно сравнительно-исторические и комплексные исследования прокладывают главные магистрали в современной науке. Со всей убедительностью это было подчеркнуто на XXV съезде КПСС.

Советские ученые, работающие в области славяноведения и балканстики, активно участвуют в постановке и решении актуальных проблем истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы, внедряют при этом новые, перспективные методы изучения. Исследуя исторические и историко-культурные процессы в странах региона, они стремятся выявить типологию фактов и явлений, выражющихся в многообразии национально-особых форм.

Научный совет АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканстики, призванный координировать соответствующие исследования в масштабах страны, организовал в марте 1978 г. в г. Звенигороде Московской области научную конференцию «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований; вопросы координации». В работе конференции приняли участие ученые более тридцати научных учреждений и высших учебных заведений страны. Это был весьма представительный форум, на котором состоялся широкий обмен мнениями по актуальным вопросам истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Были подведены итоги работы на важнейших научных направлениях, определены ближайшие перспективы их изучения.

Немало внимания участники конференции уделили вопросам координации научно-исследовательской работы.

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит доклады и сообщения Звенигородской конференции. Публикуемые работы объединены в шесть проблемно-тематических разделов, отражающих основные направления сравнительно-исторических и комплексных исследований в области славяноведения и балканстики. В целом они образуют достаточно полную картину многоаспектной проблематики, которую в настоящее время разрабатывают советские слависты и балкансты. Читатель найдет в книге значительный материал об опыте Института славяноведения и балканстики АН СССР по внедрению сравнительно-исторических и комплексных исследований в производственную практику коллектива. Представлены также основные направления научной деятельности в сфере славяноведения и балканстики, ведущейся в других академических учреждениях, а также в высших учебных заведениях и в неакадемических научных центрах Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии.

Д. Ф. Марков

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В наши дни, в условиях развитого социалистического общества, движения к коммунизму, значительно возросла роль общественных наук. Это, как известно, с особой силой подчеркнул XXV съезд КПСС. В острой идеологической борьбе современного мира мы выступаем с позиций самой объективной философии — марксизма-ленинизма, дающей возможность ясно видеть несостоительность буржуазных концепций общественного развития и в то же время с подлинной научностью раскрывать реальную связь социальных явлений, закономерности мирового исторического процесса, утверждающие логику движения народов к социализму.

Возрастание роли общественных наук, новые задачи, поставленные XXV съездом КПСС перед Академией наук СССР как центром теоретических исследований и координатором научной работы в масштабах всей страны, потребовали новой организации исследований.

Как же мы видим свою проблематику в общей системе общественных наук, чего мы достигли в ее разработке и как представляются нам перспективы нашей работы?

Институт славяноведения и балканстики АН СССР, являющийся центральным научным учреждением по указанной проблематике, ежегодно анализирует результаты своей деятельности, подводит итоги выполнения пятилетних планов, определяя вместе с тем новые задачи. Очень широко, с привлечением всего коллектива института, обсуждался и принимался пятилетний план научно-исследовательской работы на 1976—1980 гг. Основная концепция этого плана — курс на сравнительно-исторические и комплексные исследования — представляется нам делом первостепенной важности.

Об этих наших обсуждениях, об их результатах можно судить по печати: в журнале «Советское славяноведение»

ние» и в некоторых других изданиях публиковались статьи, в которых содержалась характеристика основных направлений наших исследований¹. Несомненно, такого рода обсуждения, подведение итогов и определение очередных задач проводятся и в других научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова и других городов страны. Но у нас давно не было всесоюзного форума ученых, занимающихся проблемами истории, культуры, языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Таким форумом явилась Звенигородская конференция, состоявшаяся в марте 1978 г.

В 1961 г. было проведено Всесоюзное координационное совещание по славяноведению². Оно сыграло свою позитивную роль: содействовало более широкому привлечению внимания к этой проблематике, решению ряда вопросов координации исследований. Его особенность состояла в том, что оно было чисто славяноведческим. С точки зрения организации исследований оно стремилось к всеохватности проблем в изолированных рамках отдельных научных дисциплин — истории, литературоведения, языкоznания. Были, правда, попытки обосновать идею междисциплинарных исследований хотя бы некоторых проблем, но они не определяли характера совещания и не получили в дальнейшем своей реализации.

Продолжая добрые традиции, Звенигородская конференция отразила в то же время, вполне естественно, новый этап развития исследований в общественных науках вообще, в области нашей проблематики в частности. Чем он обусловлен и в чем его сущность?

В последние годы значительно возрос теоретический уровень советского обществоведения. В практику научной работы все шире входят системный анализ, сравнительно-исторические и комплексные исследования. Важность проведения таких исследований была подчеркнута с высокой трибуны XXV съезда КПСС, уделившего много внимания науке. В Отчетном докладе съезду Л. И. Брежнев говорил о том, что «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фунда-

ментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук...»³ Это требует, конечно, объединения усилий представителей различных областей знания.

Здесь я не буду входить в теорию вопроса, мне уже приходилось писать об этом. Подчеркну только, что путь сравнительно-исторических и комплексных исследований обусловлен системной структурой самих исторических реалий. Мы идем к раскрытию живой связи элементов изучаемых явлений и процессов, их сходств, однотипности, проявляющихся в многообразных формах в разных странах. Исследование диалектики общего и национально-специфического ведет нас верной дорогой к установлению важнейших закономерностей общественного и культурного развития.

Переход от страноведческих исследований к исследованиям сравнительно-исторического и комплексного характера — главная особенность нынешнего этапа нашей работы. Сам этот переход отнюдь не означает забвения страноведческих исследований. Во-первых, без их накопления, т. е. без предшествующего периода, мы не могли бы перейти к новому этапу, во-вторых, они и теперь занимают и впредь будут занимать свое определенное место. Речь идет о расширении возможностей наших исследований, о внедрении исследований сравнительно-исторического и комплексного плана, несомненно, ведущих к широким обобщениям.

Мы рассматриваем славяноведение и балканстику не как особые науки сами по себе, а как комплексы наук о славянских и балканских народах. Комплекс включает историю, языкоznание, историю общественной мысли и культуры в широком смысле. В древний и средневековый периоды истории народов, да и в эпоху национального возрождения, существовала более непосредственная связь между отдельными сферами общественного сознания. Указанные науки комплекса были, естественно, более сближены между собой, нередко совмещались в деятельности одного ученого. Наступившая впоследствии глубокая дифференциация различных сфер духовной жизни, выделение резко выраженных специфических ее форм

¹ Советское славяноведение, 1974, № 3; 1976, № 3; 1977, № 3; Вопросы истории, 1973, № 10.

² См.: Актуальные проблемы славяноведения: Материалы первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

³ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики: Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М.: Политиздат, 1976, с. 87.

привели и к дифференциации наук. Классовая структура общества, острота идеологической борьбы, отражающейся во всех сферах жизни, ставят перед нами сложные задачи — средствами различных наук мы должны по возможности всесторонне раскрывать объективный ход социально-исторического и культурного процесса в славянских и балканских странах.

Понятие славяноведения некоторые ученые относят только к изучению прошлого — к изучению исторической общности происхождения славянских народов, славянской письменности и языка; другие механически переносят понятия общности, терминологию типа «славянское единство», «славянская взаимность», имевшую распространение в XIX в., на сегодня.

В указанных взглядах, безусловно, сказалось отсутствие чувства историзма. Я не стану разбирать их в данном случае, это сделано в книге, посвященной методологическим проблемам славяноведения, которая недавно вышла в свет⁴. Но подчеркну, что славистика, занимаясь общественной жизнью славянских народов, охватывая упомянутый выше круг научных дисциплин, обязана следовать реальному ходу истории, изучать не только прошлое, но и современность. И видеть в современности и жизненности традиций прошлого, и новейшую историю славянских народов — то, что они входят теперь в новую историческую общность — социалистическую, объединяющую их с другими народами, неславянскими, также вставшими на путь строительства социализма.

Наши исследования в настоящий момент фактически охватывают проблематику истории и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы, что, разумеется, шире и славяноведения, и балканстики вместе взятых. И надо исходить из фактического положения вещей. Нерешенных проблем, конечно, много. Стремиться к их полному охвату, без отбора, пассивно составлять общий план работы только на основе фиксации заявок отдельных ученых — это расточительно и по отношению к кадрам, и к финансовым затратам. Такая стихийность нас не устраивает. Задача состоит в том, чтобы соединить индивидуальный дар ученого с масштабными научными направлениями. Крупные ученые всегда понимают это и активно участ-

вуют в определении таких направлений. В результате мы идем к программно-целевому планированию — к сосредоточению усилий на главных направлениях и проблемах.

Коллектив Института славяноведения и балканстики АН СССР, начиная с прошедшей пятилетки, приступил к реализации большого плана сравнительно-исторических и комплексных исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В настоящее время у нас есть уже существенные результаты в этом направлении. Стоит сказать о некоторых особенностях и путях развития таких исследований.

Назову прежде всего тип сравнительно-исторических исследований, ведущихся в рамках какой-либо одной науки, например истории, литературоведения или языкоznания. Суть здесь в том, чтобы идти к обобщению разнонациональных фактов и явлений, устанавливая и различия и сходства. Начальной стадией такого рода исследований являются обычные сборники статей, в которых выступают соответствующие специалисты по разным странам. Более результативной формой объединения (своебразной переходной формой к собственно сравнительно-историческим исследованиям) являются книги, в центре которых — определенная стержневая проблема, на решение которой нацелены усилия всего авторского коллектива. У нас немало таких работ⁵. И хотя авторские тексты во всех этих книгах носят страноведческий характер, они, будучи объединены вокруг одной проблемы, образуют своеобразные параллельные ряды, объективно относящиеся между собой и таким образом подводящие к выводам сравнительного плана. Этому способствуют и обобщающие вводные статьи, как правило, сопровождающие эти сборники.

Крупным нашим успехом, несомненным завоеванием являются труды, которые с полным правом можно характеризовать как сравнительно-исторические. В них обобщен исторический опыт ряда стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Материал анали-

⁴ Например, книги: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX в.: Реализм и другие течения. М.: Наука, 1976; Новые явления в литературе европейских социалистических стран: Художественная проза 70-х годов. М.: Наука, 1976, и др.

⁵ Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978.

зируется в них не изолированно-страноведчески, а в проблемном плане установления общих закономерностей исторического развития. При этом, разумеется, непременно учитывается специфика общественных процессов каждой страны. Структура этих книг проблемная, они — коллективные монографии.

Назову в этой связи книгу «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», вышедшую к 60-летию Октябрьской революции⁶. О ее значении авторы справедливо пишут: «Предпринятая в книге попытка сравнительно-исторического анализа социально-экономических преобразований, осуществленных Советской властью в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции и народной властью, установившейся в 40-е годы в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, подтверждает общезначимость выдвинутых К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитых в новых условиях В. И. Лениным положений о том, что процессы социалистической революции основываются на закономерностях, присущих всем странам, вступающим на путь созидания нового общества»⁷.

Авторский коллектив, естественно, преодолел немалые трудности, ведь пришлось идти непроторенными путями. В советской исторической литературе метод сравнительного исторического изучения социально-экономических преобразований в странах нашего региона в период формирования предпосылок для строительства основ социализма представляет собой новое явление. Но нет сомнений в плодотворности и перспективности этого метода. С этой точки зрения данный труд находится на магистрали обществоведческих исследований.

Большой интерес вызывает труд о борьбе коммунистических партий за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы⁸. Имея в виду метод исследования, укажу на то, что авторский коллек-

⁶ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. Редколлегия: Д. В. Кузнецов, А. Я. Манусевич, Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1977.

⁷ Великий Октябрь и революции 40-х годов., с. 524.

⁸ VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977.

тив стремился в сравнительно-историческом плане осветить общие и специфические черты движения за создание единого рабочего и широкого народного фронта против угрозы фашизма и войны в рамках указанного региона в 30-х — начале 40-х годов. И надо сказать, что это в основном удалось сделать. Хотя внутри отдельных глав не всюду последовательно выдержан принцип сравнительного обобщения материала, введенные в книгу страноведческие очерки в общем вписываются в поставленные и освещаемые проблемы.

Я назвал уже вышедшие из печати труды. Из выполненных коллективом Института славяноведения и балканстики сравнительно-исторических работ можно назвать еще «Очерки современного социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы».

До сих пор речь шла о работах, так сказать, «однодисциплинарного» плана, т. е. о таких, в которых изучение темы ведется в рамках одной науки. Вместе с тем у нас есть исследования, в которых осуществляется интеграция различных наук. Вот уже ряд лет в Институте славяноведения и балканстики ведется разработка большой проблемы «История и история культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Как известно, явление национального возрождения представляет собой многосоставное целое: это прежде всего процесс формирования наций и, конечно же, процесс формирования национальных культур, национальных литературных языков. Этим обусловливается необходимость комплексного исследования проблемы. Создание работ такого рода — дело трудное, но необычайно важное.

К настоящему времени уже выполнены исследования: «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», «Освободительные движения народов Австро-Венгерской империи». Заслуживает признания целеустремленная работа наших культурологов, которая уже дала заметные результаты⁹. Интересно наблюдать динамику исследовательской мысли ученых, изучающих проблемы

⁹ См.: Культура и общество в эпоху становления наций: Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII—70-х годах XIX в. М.: Наука, 1974; Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука 1977.

культуры этого периода. В ней отражен трудный процесс постепенного расширения диапазона исследований сложных явлений: ведь культура является компонентом макросистемы национального возрождения и в то же время сама представляет собой сложный комплекс, отличающийся глубокой дифференциацией составляющих его компонентов. И ученые шли от работ страноведческих, посвященных лишь одному какому-либо виду культуры (например, изобразительному искусству, театру и т. д.), к более широкому охвату национальной культуры в целом, с учетом различных сфер ее проявления и далее — к сравнительному исследованию национальных культур региона. Книга «Формирование национальных культур...» отличается тем, что в ней участвуют искусствоведы, историки, фольклористы, литературоведы, лингвисты.

Представители разных наук иногда идут к углубленной разработке аспектов проблемы национального возрождения в отдельных книгах. И это отнюдь не изолированные друг от друга работы. Выполненные по единому плану, они связаны между собой, входят в большую серию работ сходного типа. Назову в этой связи недавно вышедшую книгу о формировании славянских литературных языков, которая, несомненно, влияется в общую разработку проблемы¹⁰. То же можно сказать о труде «Просвещение и романтизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы». Важна соотнесенность проводимых исследований с процессами национального возрождения: явления романтизма или формирование литературных языков рассматриваются не замкнуто филологически, а в широкой связи с историческим процессом становления наций, национального самосознания.

Говоря о развитии наших исследований комплексного характера, следует сказать еще о разработке проблемы этногенеза народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь у нас также есть некоторые результаты. В сборнике, посвященном вопросам методологии и историографии проблемы этнической истории славян и восточных романцев, плодотворно сотрудничали историки, археологи и лингвисты¹¹. Осуществляется сотрудничество

историков Института славяноведения и балканстики с историками Молдавии по ранней истории славян и восточных романцев, что нашло свое отражение в изданных совместно сборниках¹². Есть ряд важных лингвистических работ, связанных с исследованиями славянских древностей, с анализом древних географических названий севернобалканского и прикарпатского ареалов. Важные результаты дали полесские этнолингвистические и этноисторикокультурные полевые исследования. Существенно при этом отметить, что в Полесье проводились комплексные полевые экспедиции с участием московских, белорусских и украинских ученых. Интенсивно проводится работа по изучению интерференции и взаимодействия языков карпатского ареала. Работа над «Общекарпатским диалектным атласом» ведется совместно учеными РСФСР, Украины, Молдавии и в сотрудничестве с учеными ряда социалистических стран.

И все же проведение и организация этногенетических исследований оставляет желать лучшего. Ведь мы пока не можем назвать коллективных работ историков или лингвистов монографического плана, целостно освещивающих те или иные аспекты проблемы в рамках своей науки; нет у нас еще работ, органически интегрирующих исследования представителей разных наук. Эти две задачи остаются открытыми, и их необходимо решать.

Характеризуя развитие сравнительно-исторических и комплексных исследований в области нашей проблематики, я называл преимущественно работы Института славяноведения и балканстики. Но есть, пусть еще и не много, работы подобного характера и в других научных учреждениях нашей страны. Важно иметь в виду, что наши исследования, разумеется, отнюдь не ограничиваются только названным кругом проблем. Объектом исследования, безусловно, являются и другие явления, например революционное движение, исторические и культурные связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы между собой и с народами СССР, литературные направления, область фольклора, балканского языкового союза и т. д.

¹⁰ Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978.

¹¹ Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М.: Наука, 1976.

¹² Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972; Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1973.

Для всех нас, очевидно, ясен и приемлем вывод о том что сравнительно-исторические и комплексные исследования — принципиально важный путь исследований в общественных науках вообще, в области изучения истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в частности. Есть у нас на этом пути определенные успехи, которые необходимо закрепить и развить далее. Впереди еще много нерешенных задач. И, собственно, достигнутое — это только начальный этап разворота исследований, о которых идет речь. Их выполнение требует широкого объединения ученых в рамках одной науки и интегрирования различных наук. В связи с этим в настоящее время с особой остротой выдвигаются на первый план задачи организации научных исследований и координации их в масштабах всей страны.

Нельзя сказать, что мы проводим свою работу изолированно друг от друга. Можно назвать примеры различных форм координации Института славяноведения и балканстики с институтами истории, литературы, языкоznания АН Украинской ССР, с институтами истории, литературы, языкоznания АН Белорусской ССР, с учеными Ленинграда, Кишинева, Львова, с учеными ряда московских институтов АН СССР. При всем том, однако, координация наша иногда носит спорадический характер и, несомненно, требует большей четкости и планомерности.

Спросим себя: все ли мы ясно представляем себе методологию и методику комплексных исследований? Вопрос отнюдь не праздный. Мы знаем по опыту нашего института, что переход к таким исследованиям — процесс сложный, связанный с изменением принципов планирования. Вопросы организации авторских коллективов, методики работы — все это требует пристального внимания. И кажется, что надо систематически обмениваться накопленным опытом — выступать с лекциями и докладами друг у друга, со статьями.

Большую организующую роль в нашем деле призван сыграть Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканстики. Он имеет пять секций: 1. Этногенез славянских и балканских народов. 2. Проблемы формирования наций Центральной и Юго-Восточной Европы. 3. Проблемы истории культуры славянских и балканских народов. 4. Славянские и балканские наро-

ды в системе международных отношений и 5. Историография и источниковедение.

Мы не считаем эту структуру абсолютно совершенной и готовы идти на ее улучшение, если последуют предложения. Но, к сожалению, и существующие секции работают недостаточно интенсивно. Между тем это важные звенья совета, определяющие в сущности его жизнедеятельность. Каждая секция должна курировать и координировать работу по своей проблематике в масштабах страны, знать, что и где в этом направлении делается, может быть, иметь библиографию вышедших в свет статей и книг, располагать данными о планируемых работах, притом не пассивно фиксировать эти данные, но и участвовать в выборе отдельными учеными тем и проблем. Этому должны способствовать различные формы контактов, в том числе проводимые периодически секциями проблемно-тематические совещания и симпозиумы. Такие научные форумы могут проводиться не только в Москве, но и в других городах.

Обобщая говоря, координация не означает сосредоточения работы по всем направлениям в одном научном центре. Наоборот, она предполагает целесообразное распределение усилий с учетом необходимого для исследований материала, наличия кадров и других условий. По той или иной конкретной теме головным может быть в одном случае Институт славяноведения и балканстики, в другом случае — научные центры Киева или Ленинграда, Минска, Кишинева или Львова. Речь идет о координации не абстрактных идей, а конкретных тем и трудов, вокруг которых объединяются авторские коллективы.

Надо, чтобы секции обсудили эти вопросы и дали свои рекомендации. Наряду с текущей работой секций нужно, очевидно, периодически созывать сессии Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканстики — примерно один раз в пять лет, на которых бы обсуждались итоги работы и основные направления новых пятилетних планов. Представляется необходимым расширить сферу деятельности Научного совета путем создания отделений в наиболее крупных научных центрах. У нас существует Ленинградское отделение совета. На мой взгляд, оно накопило хороший опыт работы. Назрел вопрос создания таких отделений в других городах.

Нам нужно использовать все возможности и средства, способствующие лучшей организации наших исследований. Журнал «Советское славяноведение» в последние годы опубликовал ряд важных статей по комплексной проблематике истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Но удельный вес таких статей все еще недостаточен. Необходимо печатать части работ в процессе их выполнения, обсуждать на страницах журнала живо интересующие ученых вопросы методологии и методики таких работ. И не пассивно дожидаться притока материала в редакцию, а планировать и целестремленно организовывать его.

Я говорю об организации наших исследований внутри страны. Но по роду нашей работы мы связаны со всеми социалистическими странами Европы. У нас существуют широкие контакты и сотрудничество с учеными этих стран. В общем, эти связи регулируются межведомственным Научным советом по международному сотрудничеству. Наш Научный совет должен содействовать этому, должен определить свое место и участвовать в организации исследований, совместно выполняемых с зарубежными учеными.

Наши международные связи все более разрастаются: мы активно участвуем в международных съездах славистов и балканистов, в различных международных комиссиях, самым непосредственным образом участвуем в работе двух международных ассоциаций при ЮНЕСКО — по истории и истории культуры Юго-Восточной Европы и по изучению и распространению славянских культур.

Дел у нас много, и ответственность велика. Мы должны иметь ясное представление о своих задачах и путях их решения, должны постоянно заботиться об организации научных коллективов, добиваясь неуклонного повышения эффективности и качества нашей работы.

I. ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

*

Н. И. Толстой

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Весьма часто в прошлом, но нередко и в настоящем лингвистический аспект этногенеза славян воспринимался и воспринимается как дополнительный, добавочный к археологическому, как аспект, который должен компенсировать относительную немоту археологических культур, способствовать этнической атрибуции той или иной культуры, подкрепляя и дополняя археологические данные данными лингвистическими, в первую очередь топонимическими (а в их пределах прежде всего гидронимическими).

Считалось и справедливо считается до сих пор, что лингвистика может выявить или способствовать выявлению исторических фактов тех эпох, от которых до нас не дошло прямых исторических свидетельств, что лингвистика может быть «лопатой для историка» при выяснении древнейших этнических контактов, этнического родства, культурной общности, культурных влияний и т. п. В этих случаях, помимо уже упоминавшейся топонимии (гидронимии), большую роль играли словарные и иные заимствования и, конечно и более всего, компаративные, сравнительно-исторические исследования в области фонетики, грамматики и лексики.

Однако этим не ограничивается лингвистический аспект этногенетической (resp. «доисторической») славянской проблематики. Роль лингвистики в ней гораздо шире и значительнее, хотя именно эта широта ведет к тому,

что лингвистика присутствует не столь явственно, как бы в скрытом виде. Это объясняется тем, что лингвистика в основной этногенетической проблематике выступает не сама по себе, а в комплексе дисциплин, и только такой комплексный подход при общей или близкой методологии (во многом разработанной прежде всего на языковом материале) и может обеспечить значительные результаты. Поясним это положение.

Проблема этногенеза славян важна и интересна не только сама по себе, как призванная ответить на вопрос: «Откуда суть пошли славяне?», — вопрос, который в несколько иной форме ставил еще древнерусский летописец: «Откуда есть пошла Русская земля?». Проблема этногенеза славян имеет более общее, более генеральное значение, как платформа или основное связующее звено для целого ряда иных проблем, как некий генератор, механизм (структура) которого организует и связывает механизмы других систем, систем, решающих другие проблемы.

По своей сути проблема славянского этногенеза — это проблема реконструкции праславянского состояния, проблема создания и описания такой максимально приближенной к конкретному прасостоянию модели, которая бы отражала жизнь древних славян во всех ее формах и проявлениях — общественное устройство, юридические отношения, быт, материальная и духовная культура, мифология.

Такая модель должна строиться как динамическая модель, так как необходимо учитывать фактор исторического развития в праславянский период всех элементов жизни, материальной и духовной культуры и языка славян.

Для более ясного представления о том, какого характера может быть такая реконструируемая модель, обратимся к одной части проблемы славянского этногенеза, к проблеме глottогенеза, т. е. происхождения славянских языков. Такой глottогенетической моделью можно считать праславянский язык, выявляемый сравнительно-историческим методом и базирующийся на данных сравнительной грамматики славянских языков. Праславянский язык — это система звуков и форм и их соотношений (а также слов), не зафиксированных памятниками и потому представляемых под звездочкой, т. е. реконструи-

рованных. Подобным же образом реконструируется, или описывается, индоевропейский прайзык.

Следует отметить, что еще на ранних этапах развития сравнительно-исторического лингвистического метода возник вопрос о реальности, или о степени реконструемости такого языка. Мнение крайних оптимистов, к которым принадлежал Август Шлейхер, написавший, как известно, во второй половине XIX в. даже басню на индоевропейском языке, сменилось к началу XX в. пессимистическими настроениями, которые лучше всех, на наш взгляд, выражены Антуаном Мейе.

Мейе писал: «Сравнительная грамматика индоевропейских языков находится в том положении, в каком была бы сравнительная грамматика романских языков, если бы не был известен латинский язык: единственная реальность, с которой она имеет дело, это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык»¹.

Приведенная точка зрения ценна не только и не столько своею критичностью, сколько довольно четким и новым для своего времени определением принципов типологического анализа, применимого как к родственным, так и к неродственным языкам. И именно способность систематизировать и организовывать материал делает прайзыковую модель («прайзык») или надъязыковую модель («метаязык») жизненной и необходимой для исследователя. Такая модель может быть построена (и будет выполнять ту же роль) и для других сфер славянской (и неславянской) духовной культуры (мифологии, эпического творчества, семейного или календарного обрядового цикла и т. п.), о чем подробнее будет сказано ниже.

Лингвист-типолог отдает себе полный отчет в «фиктивности» (нереальности) метаязыка и тем не менее успешно им пользуется, что же касается «фиктивности» (нереальности) индоевропейского языка и особенно языка праславянского, то эти опасения в наше время отсту-

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкиз, 1938, с. 73.

пают все больше и больше на задний план, о чем свидетельствуют и работы над праславянским и общеславянским словарем, и опыты реконструкции праславянского текста, и анализ отдельных праславянских фразеологизмов и т. п.

Возвращаясь теперь от вопросов глоттогенеза к более широкой и объемлющей проблеме этногенеза, следует сказать, что реконструкция праславянского существования (в которой проблема прародины славян есть лишь часть всей проблемы) нуждается тоже в системе соответствий фактов археологических, этнографических, лингвистических, фольклористических и исторических, взятых порознь, но также и в системе соответствий фактов интердисциплинарных, рассматриваемых не одной дисциплиной, а несколькими. Это уже означает, что устанавливается внутренняя связь, внутренняя система соответствий археологии, этнографии, лингвистики, фольклора, истории. Для каждой из перечисленных дисциплин в отдельности и для всех их вместе взятых славянское прасуществование служит своего рода системой «отсчета» при исследованиях древнего периода². Однако, как и в случае с праязыком, прасуществование может выявляться и реконструироваться не только как определенная модель или исходная система положений, но и как определенная реальность, которую мы устанавливаем с той или иной степенью приближения. При выявлении этой реальности и обнаруживается значительное взаимодействие и взаимозависимость археологии, этнографии, лингвистики и истории.

Тесную связь этих дисциплин ощущали и в прошлом, часто называя отдельной наукой — науку о славянских древностях. Ее существование актуально и сейчас, а ее возникновение относится к периоду становления славяноведения как научной дисциплины и связывается непосредственно с выходом в свет книги П. И. Шафарика «Славянские древности» (1836). Следующий этап в развитии этой науки был связан с появлением многотомной серии Л. Нидерле «Славянские древности» (кн. I—IV, 1902—

1924) и серии того же автора «Жизнь древних славян» (кн. I—III, 1911—1925). Нидерле был последним крупным ученым, умело сочетавшим в себе талант археолога, историка, этнографа и отчасти лингвиста. В дальнейшем обобщающие исследования славянских древностей распались на две ветви — одна с преимущественно археологическим уклоном (труды П. Н. Третьякова, И. И. Ляпушкина, Б. А. Рыбакова, Ю. В. Кухаренко, В. В. Седова, И. Костшевского, Г. Ловмянского, В. Гензеля, Е. Налепы, Я. Филипа и др.), другая — с уклоном этнографическим. Ко второму направлению принадлежит многотомная работа К. Мошинского «Народная культура славян» (т. I—II, 1929, 1934—1939) и относительно недавно вышедшая работа Э. Гаспарини «Славянский матриархат» (1973).

Эти работы приведены нами как определенные вехи в развитии науки о славянских древностях, подобно тому как появление отдельных фундаментальных сравнительных грамматик славянских языков (от Ф. Миклошича до А. Ваяна) определяло этапы в истории славянской компаративистики³. Из этих работ можно сделать вывод о возрастающем значении этнографического и лингвистического материала при решении проблемы этногенеза славян, которая продолжает оставаться достаточно сложной и многосторонней.

При всей комплексности проблемы славянского этногенеза и общности задач реконструкции древнего состояния и установления соответствий фактов, относящихся к разным хронологическим и «семантическим» (сфера быта, труда, общественных отношений и т. п.) пластам, эта проблема может решаться и решается на первых этапах исследования разными конкретными дисциплинами, конкретными специалистами, оперирующими определенным и часто ограниченным (или лучше сказать, ограниченным) кругом источников. Такими выделившимися и автономными научными отраслями являются археологическое изучение материальной культуры (формы и типы керамики, жилища, поселений, утвари, оружия, погребе-

² Именно поэтому, видимо, и во время популярности марровской школы в нашей стране, отрицавшей генетическое родство языков, и позже, после языковедческой дискуссии на страницах «Правды», проблемы этногенеза славян считались в равной мере актуальными и кардинальными для археологов (историков) и лингвистов.

³ Естественно, что при все большей специализации отдельных отраслей науки и накоплении фактов все большую роль играют коллектизы, а не отдельные ученыe, однако в крупномасштабных обобщающих работах, равно как и в работах перспективных, роль отдельного учченого остается очень значительной.

ний и т. п.), антропологические исследования, а в сфере языкоznания — топонимические разыскания. Весьма интересные результаты новейших антропологических исследований, как можно судить по белорусскому и балтийскому материалу, часто совпадают или четко соотносятся с результатами диалектологических (лингвогеографических) исследований крупных славянских этнических зон. К сожалению, такое сопоставление еще не произведено нашими учеными славистами и баллистами. Более принятый и уже устоявшимся приемом, как мы уже отмечали, является прием сопоставления топонимических (в первую очередь гидронимических) изоглосс и археологических изопрагм.

Однако, на наш взгляд, при разысканиях такого рода должно выполняться следующее необходимое условие. На первом и достаточно длительном этапе археологические и топонимические исследования должны проходить независимо друг от друга, без оглядки в ту или иную сторону, без подведения лингвистической схемы под археологическую или наоборот. Лишь после независимо добывших результатов в каждой отдельной сфере следует приступить к их сопоставлению и анализу сопоставляемых фактов и выводов. Такое заключение следует сделать не только по отношению к археологическим и топонимическим данным, но и к данным собственно лингвистическим, этнолингвистическим, этнографическим и, как уже говорилось, антропологическим.

При этом важна координация действий, важен последовательный выбор то одного, то другого явления и рассмотрение его представителями разных дисциплин. Так, например, погребальный обряд может быть рассмотрен этнографом (его структура, действия и последовательность), фольклористом (плачи, причитания), лингвистом (терминология, лексика и стиль плача и т. п.), археологом (остатки захоронения, тип захоронения)⁴. При таком «разнодисциплинарном» рассмотрении желателен охват и описания явления с максимальной и равной полнотой.

⁴ При этом не следует думать, что какое-либо отдельное явление, к примеру, тот же погребальный обряд, может служить археологу (и не археологу) надежным определителем этнической принадлежности. Скорее всего для этнической паспортизации нужна определенная сумма показателей, часто разного плана.

Но равная полнота все же не может быть достигнута, так как археолог при исследовании того же погребального обряда столкнется с элементами материальными, с предметами материальной культуры, которые дадут возможность лишь частично проникнуть в сферу духовной культуры. Кроме того, серьезные трудности возникнут в связи с различной хронологией фактов, добывших представителями разных дисциплин — этнографии, языкоznания, археологии.

В связи с этим нельзя не остановиться на двух вопросах: во-первых, на различиях в характере материальной и духовной культуры и, во-вторых, на различии в характере материала и фактов, которыми пользуется археолог, лингвист и этнограф.

Начнем со второго момента. Археолог, имея дело преимущественно с материальной культурой, оперирует элементами или даже «микроэлементами» («атомами», «кирпичиками», «осколками»), которые ему не нужно реконструировать. Ему нужно лишь их датировать и на их основании восстанавливать (реконструировать) культуру, тип культуры, которой они принадлежат, затем преемственность или последовательность разных культур на определенных территориях, их соотношение (пространственное и временное) и, что достаточно сложно, — их этническую принадлежность. Но «кирпичи», формальные детали материальной культуры археологу даны. Положение лингвиста, этнографа и фольклориста совершенно иное; им нужно восстанавливать и сами «кирпичи» (слова, элементы обряда, элементы народной поэзии и прозы) и их способ «кладки» (грамматику, структуру обряда, жанр) и все здание (язык, обрядовый цикл, систему фольклора).

Именно поэтому археологи предпочитают свои выводы и результаты сопоставлять с гидронимическими (или топонимическими) показателями, с материалом, дошедшим до нас из глубины веков, хотя и подвергшимся некоторому изменению. Такой материал справедливо представляется археологам почти синхронным их фактам, исследуемым ими культурам и культурным напластованием. Все остальные лингвистические (и этнографические) показатели (часто не менее древние) им обычно представляются более зыбкими. Но сколь обильно и богато фактами это все остальное!

Что же касается приведенного выше первого момента, то здесь для нас важна прежде всего разница в характере самого развития (истории) материальной и духовной культуры. На наш взгляд, оно заключается в следующем. Если материальная культура в принципе в своей истории, в своем развитии сменяет одну форму другой, замещает одно другим (типы орудий, тип керамики, тип построек, оружие, утварь и т. п.), то духовная культура, принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым (или, точнее, старого с новым), наслаждается одно на другое. На эту особенность духовной культуры недавно вновь указал Б. А. Рыбаков, четко сформулировав ее по отношению к язычеству. «Спецификой языческого комплекса,— писал он,— которую непременно нужно учитывать при анализе любого его этапа, является своеобразный характер его эволюции: новое не вытесняет старого, а наслаждается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но они остаются ощущимы почти до наших дней»⁵.

Это положение, на наш взгляд, чрезвычайно важно. Но важен и другой момент. Материальная культура тесно связана с природной средой и во многих отношениях зависит от нее (материал и типы построек, типы орудий и т. п.), духовная же культура — более автономна по отношению к внешней среде, абстрагирована от нее. Для исследования духовной культуры чрезвычайно существенно еще одно положение. Оно заключается в том, что элементы старого, сосуществующие с новым, по-разному, с разной полнотой и разным соотношением сохранились в разных зонах славянского мира, в разных «диалектах» славянского мира. Такая ситуация давно отмечена в славянском языкоznании (сохранение двойственного числа в словенском и серболужицком, аориста и имперфекта в сербохорватском, македонском, болгарском и серболужицком и т. п.), разработавшем ряд методов лингвогео-

графического изучения и исторической интерпретации современных изоглосс. Лингвистические, а по сути дела общеэтнолингвистические, методы могут быть с успехом применены к исследованию славянской духовной культуры, и общий географический ландшафт нынешней (или недавней) славянской духовной культуры может быть прочитан как «диахрония, развернутая в пространстве»⁶, как определенная историческая последовательность, которая может быть установлена путем анализа разных архаических элементов культуры в разных славянских диалектных зонах.

Именно по этой причине успешная реконструкция праславянской духовной культуры, праславянской мифологии затруднительна и мало плодотворна без предварительной работы по созданию диалектологии славянской духовной культуры, диалектологии славянской мифологии. Диалектные исследования в области славянской духовной культуры нужны еще и потому, что реконструкция древней формы, древнего явления тем надежнее, чем больше разных рефлексов этой формы или явления зафиксировано, и притом зафиксировано в разных зонах. Это дает возможность делать ретроспективный анализ эволюции конкретной формы или явления и находить его место в древней системе. Такого материала часто оказывается недостаточно и его надо собирать. Носители славянских территориальных диалектов хранят еще огромные, во многом неизвестные науке богатства древней славянской духовной культуры. Еще не поздно заняться систематической фиксацией этих богатств, по единому плану, по единому вопроснику, так как к началу будущего столетия время уже будет упущено.

Наконец, если считать, что первой задачей реконструкции является не столько выявление отдельных праэлементов, сколько реконструкция системы⁷, то и в современной славянской духовной культуре нас должны

⁵ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского Средневековья.— Вопросы истории, 1974, № 4.

⁶ Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии.— В кн.: Славянское языкоznание: VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968, с. 342.

⁷ Хотя без элементов нет системы, а без системы элементы не могут функционировать и существовать и тем более быть описаны и восстановлены.

интересовать прежде всего определенные устойчивые системные явления, культурные блоки, институции. К таким, видимо, в первую очередь следует отнести славянские обычай и обряды — календарные, семейные и окказиональные. Если календарные обряды цикличны, семейные — не цикличны, но в жизни каждого индивида связаны определенной последовательностью, то окказиональные обряды лишены этих моментов и в значительной степени автономны. Календарные и семейные обряды тесно связаны с фольклором, так как они, как правило, включают в свою структуру значительный пласт песенного, музыкального и драматического народного репертуара. Окказиональные обряды по своей функции и по своей вербальной (словесной) направленности ближе к заговорам, заклинаниям, детскому фольклору. Все эти обряды вкупе с народной медициной и ветеринарией, народной демонологией и метеорологией и со всем примыкающим к ним фольклорным богатством, включая сюда и народное изобразительное искусство (вышивка, узор, резьба, надгробия, писанки, роспись прялок, посуды, мебели и т. п.), являются основным фондом источников для реконструкции славянской мифологии, праславянской духовной культуры.

В качестве ближайших задач, которые ставит перед собой коллектив Института славяноведения и балканстики и, в частности, группы этнолингвистики и славянских древностей, вкупе с сотрудничающими с ним коллективами ряда университетов (МГУ, ЛГУ, БГУ и др.) и пединститутов (Житомирский, Ровенский, Мозырский) в области исследования славянской духовной культуры являются: создание «Атласа духовной культуры Полесья», а в перспективе и духовной культуры Карпат, словаря славянских духовных древностей (в двух томах: I — от праславянского к индоевропейскому; II — от современных славянских к праславянскому), вопросников по всем циклам славянских обрядов, серии публикаций полевого материала полесских и иных экспедиций Института славяноведения и балканстики и МГУ.

Вяч. Вс. Иванов

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН
В СВЕТЕ ОТНОШЕНИЙ СЛАВЯНСКОГО
К БАЛТИЙСКОМУ И ДРУГИМ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ ЯЗЫКАМ

Древнейшие этапы славянского этногенеза по лингвистическим данным прослеживаются на основании исследования наиболее раннего диалектного членения индоевропейской языковой области. К числу самых древних изоглосс можно отнести те, которые позволяют объединить славянские и балтийские языки, с одной стороны, тохарский и анатолийский — с другой; к таким изоглоссам примыкают в ряде случаев армянский (но не греко-арийский) и албанский. Указанные индоевропейские диалекты еще в период, предшествовавший обособлению анатолийского, объединялись наличием ряда однотипных отглагольных именных производных, в частности, на *-l-* и на *-*p⁻l-*, и глагольных основ на *-sk-*, парадигматически противопоставленных основам без этого суффикса (при возможном отсутствии древней формы на *-ō* в позднейшем тематическом типе в части этого ареала)¹. В свете этих изоглосс существенными оказываются и другие структурные сходства системы флексий балтийского и славянского глаголов, в которых в явном виде не прослеживается противопоставление первичных и вторичных окончаний (как и в тохарском).

Две другие древние изоглоссы, касающиеся способов образования среднего залога и основы относительного местоимения, делят на две группы индоевропейские языки,

¹ См.: Иванов В. В. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — В кн.: Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968, с. 270—272; Он же. К типологии инфинитива в балканских языках. — В кн.: Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М.: Наука, 1976, с. 220, 227—229.

² См.: Rosenkranz B. Zur Entstehungsgeschichte der Indogermanischen Verbalflexion. Köln, 1971.

объединяя в одном ареале балтийский, славянский и германский вместе с индо-ирано-греческим, а в другом — анатолийский и тохарский вместе с итальянским и кельтским³. В этой связи стоит отметить, что балто-славянский противопоставляется кельто-итальянскому и по функционированию глагольных форм на долгий гласный: в балтийском и славянском они образуют прошедшее время, в итальянском и кельтском — конъюнктив. В обоих случаях речь идет о специализации образования, общего для данных диалектных групп.

По целому ряду изоглосс наряду с уже приведенными выше славянский объединяется вместе с балтийским и германским, противопоставляясь, с одной стороны, тохаро-кельто-итальянскому, с другой — индо-иранско-греческо-армянскому. Всего отчетливее эти диалектные различия обнаруживаются в формах образования родительного падежа единственного числа тематических основ, где форма на *-so (слав. *ceso) является общей для балто-славяно-германского. Если допустить принимаемое многими учеными образование балто-славянской формы род. пад. ед. ч. на *-ō из падежа, в других языках выступающих как творительный, то с приведенной изоглоссой можно связать и ту, которая касается форм творительного падежа⁴. Общим для балто-славяно-германского был и тип отражения слоговых сонантов.

Балто-славяно-германский образует вместе с тем и лексическое единство, как это было убедительно показано Стангом в его последней монографии⁵. Стоит обратить особое внимание на ряд терминов, показывающих явное сходство в материальной культуре. В частности, следует отметить сходство в названиях двух металлов — золота и серебра⁶, широкое использование которых относится ко времени после освоения меди. Если название золота образовано в балто-славяно-германском от обще-

³ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964. См. там же дальнейшую литературу о диалектном членении индоевропейского, которая в настоящей статье не повторяется за недостатком места.

⁴ См. хронологическую стратификацию изоглосс: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1979.

⁵ Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972.

⁶ См.: Иванов В. В. О происхождении некоторых балтийских названий металлов. — *Baltistica*, 1977, XIII, 1, с. 232—234.

индоевропейского названия цвета (представленного в сходном значении с другим суффиксом и в индо-иранском), то название серебра представляет собой заимствование средиземноморского миграционного термина. Этот термин в форме, наиболее близкой к балто-славяно-германским вариантам, встречается в баскском. Представляется, что этот факт можно было бы соотнести с новейшими археологическими данными, касающимися распространения культуры, близкой к позднейшей баскской. В Иберии границы названий мест, созвучных или близких к баскским, приблизительно совпадают с ареалом распространения мегалитической культуры (по новейшим датировкам около 4000—2000 лет до н. э.).

Культуры с каменными сооружениями того же типа распространены вдоль всего атлантического побережья Западной Европы вплоть до Южной Скандинавии. Кажется возможным допущение, что название серебра могло быть заимствовано из языков носителей этих культур, которые можно с большим основанием считать древними для западной части Европы. Заимствование могло осуществиться тогда, когда северная (балто-славяно-германская) подгруппа «древнеевропейских» (по Краэ) или «западноиндоевропейских» (по Порцигу) языков вступила (при своем продвижении на запад или северо-запад) в контакты (возможно, торговые) с исконным населением более западных областей Европы.

Из других терминов, касающихся материальной культуры, представляет интерес общее для германо-балто-славянского название ржи. Согласно разысканиям академика Н. И. Вавилова, рожь была одомашнена значительно позднее других культурных злаков, при которых рожь первоначально выступала в качестве сорняка. С этим согласуется и разная хронология названий культурных растений. Если для ячменя устанавливается общеиндоевропейское название, то рожь получила свое обозначение уже в период диалектной общности, в частности балто-славяно-германской. С общими нововведениями в земледелии согласуется и наличие общих названий для средств обработки зерна, в частности жернова.

Из других групп технической лексики, обращающих на себя внимание в славяно-балто-германской диалектной группе, стоит обратить внимание на такие, которые указывают на наличие новых средств передвижения по

воде (существительные 'ладья', 'плот', глагол 'грести' и т. п.).

Из других культурных терминов следует особенно отметить общее слово со значением 'тысяча'.

Балто-славяно-германский мог существовать как единое диалектное целое только до изменения палатализованных согласных в балтийском и славянском. Не вполне строгое проведение этого изменения, связанное с де-палатализацией палатализованных в определенных условиях (перед сонантами), способствовало в ряде случаев сохранению того звукового облика, который объединял балтийские и славянские слова с германскими. Но в целом это изменение позволяет определить нижнюю границу времени возможной балто-славяно-германской общности.

В еще более раннюю эпоху к указанной диалектной общности, по лексическим данным, могли прымывать восточно-иранские диалекты (в период открытых В. И. Абаевым «скифоевропейских изоглосс»⁷) и тохарский. Для исторического приурочения этих контактов наибольший интерес представляет название лосося, которое (ввиду невозможности приурочить восточных иранцев после их отделения от других индоиранцев к областям западнее Причерноморья) заставляет искать ареал этих связей скорее всего в Центральной Азии.

К периоду, более древнему, чем указанные выше диалектные различия между балто-славянским и италийско-кельтским, следует отнести существование единства всех «древнеевропейских» или «западнеевропейских» (включая балтийский и славянский) диалектов и тохарского. Наличие общего для всей этой диалектной группы названия власти и ее носителя позволяет предположить наличие единой социальной организации для всех индоевропейских племен, объединявшихся этим языковым единством.

Среди слов, общих для «древнеевропейских» диалектов, есть несколько заимствований из древних языков Передней Азии. К ним относится название красноватого цвета медной руды, восходящее к шумерскому (в свою очередь, заимствованному из дошумерского субстратного языка) названию меди. Другой термин, бесспорно ука-

зывающий на связи с переднеазиатскими языками,— это название яблока. Обнаружение архаической формы этого слова с начальной š- в хеттском⁸ позволило предположить его связь с хатти šaat (где -l-, как часто в хатти, может чередоваться с -l- в хеттском заимствовании,ср.: хатти tabarna-, хет. labarna- и т. п.).

Единство материальной и духовной культуры носителей «древнеевропейских» (или «западноиндоевропейских») диалектов подтверждается наличием таких общих слов, как название зерна (согласующееся с тем, что и позднее в пределах этого диалектного ареала осуществляются другие новообразования, касающиеся земледельческой терминологии) и название одного из видов ячменя, имеющие источник в семитском, а также название молнии (входящее в семантическое поле культа бога-громовержца, важное для всего этого ареала).

Для предположений о месте, где могла образоваться такая диалектная общность, существенно наличие во всех входящих в нее языках общего термина со значением 'море', которому в других диалектах (анатолийском, индо-ирано-армянском) соответствует слово со значением 'болото', 'стоячая вода'.

Внутри «древнеевропейской» диалектной группы выявляются изоглоссы, связывающие друг с другом славянский и некоторые другие диалекты. Значительный интерес представляет ряд общих слов и форм, объединяющих латинский со славянским, что было установлено в серии исследований В. Н. Топорова и других наших ученых, подытоженных в недавней специальной работе Поля⁹. В особенности существенным кажется то, что для двух этих диалектных групп общим является название секиры или топора, по-видимому, заимствованное из семитских языков (так же, как заимствовано из семитского и другое название боевого топора, общее для греческого и индоиранского). Хотя по традиции, идущей с XIX в., ранние индоевропейские традиции принято связывать с археологическими культурами боевых топоров, тем не менее общеиндоевропейское название этого вида оружия не удается восстановить. Более того, встретившиеся в от-

⁷ См.: Абаев В. В. Разыскания в области анатолийского языкознания.— В кн.: Этимология. 1976. М.: Наука, 1978.

⁸ Pohl H. D. Slavisch und Lateinisch. Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft, Reihe 3. Klagenfurt, 1977.

⁹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.

дельных диалектных группах термины, обозначающие боевые топоры, оказываются древневосточными заимствованиями.

Несколько изоглосс, существенных для грамматики, объединяет славянский и балтийский с индо-иранским. К ним принадлежит особая форма локатива множественного числа. Общими для этих же диалектов являются формы род.—мест. п. дв. ч. на **os* и парадигма личного местоимения I л. ед. ч. Еще более показательным оказывается образование сегментического аориста с помощью того типа основ, который в анатолийском, тохарском, итальянском и древнегерманском образует формы прошедшего времени, не связанные с аористическими значениями. С фонетической точки зрения эти диалекты объединяются изоглоссой, связывающей изменение палатализованных фонем в аффрикаты (и позднее фрикативные) и изменение спиранта *s* в позиции после *i*, *u*, *g*, *k*. Наконец, из числа лексических изоглосс стоит отметить несколько терминов, обозначающих масти лошадей и свидетельствующих о развивающемся коневодстве, роль которого для месопотамских арийцев видна уже из источников II тысячелетия до н. э.

Пространственно-временная интерпретация перечисленных изоглосс, которая позволила бы дать общую характеристику миграций ранних предков балтов и славян, должна учитывать прежде всего данные топонимии. Высказанная Краэ два десятилетия назад гипотеза о существовании древнеевропейской гидронимии, т. е. слоя названий рек Европы, образованных еще в период относительного единства всех древнеевропейских языков, нуждается в некоторых уточнениях. Такие названия рек известны по всей территории древнейшего расселения носителей древних индоевропейских диалектов, включая и Малую Азию (где они засвидетельствованы уже в начале II тысячелетия до н. э.), и Кавказ, и северные границы Индии. В качестве показательного примера можно было бы сослаться на название, родственное индийскому названию реки Синд, которое еще 100 лет назад Услар, а позднее Кречмер и другие лингвисты использовали для выявления следов индо-арийцев на Кубани. Но родственное название есть и на крайнем западе территории исторического расселения индоевропейцев. Приходится согласиться с доводами, согласно которым древнеиндоевропей-

ские гидронимы по своему типу оказываются общеиндоевропейскими¹⁰. Переходя на новые места поселения, индоевропейцы приносили с собой и свои способы названия рек. Поэтому гидронимия позволяет реконструировать путь переселения, но не дает возможности точнее определить, где была исконная область распространения определенной группы диалектов.

При определении возможного начального ареала распространения индоевропейцев — так называемой их прародины — в настоящее время приходится выбирать между Северным Причерноморьем (где, по мнению палеоэтнологов, мог находиться один из центров одомашнивания лошади, дальнейшее распространение которой связано с миграциями индоевропейцев), Передней Азией (в пользу которой говорит, в частности, значительное число древнепереднеазиатских заимствований в общеиндоевропейском и его диалектах) и Балканами (культура которых в древности начиная с VI—V тысячелетий до н. э. испытала столь значительное влияние малоазиатских культурных центров, что можно было бы говорить о едином балкано-малоазийском ареале). К числу проблем, которые могут быть предварительно решены для выяснения этого более общего вопроса, относится распространение колесных повозок и названий, их обозначающих. Вероятный путь колесных повозок из Малой Азии на Балканы (на котором настаивают, в частности, венгерские археологи) делает крайне сомнительным постулирование Северного Причерноморья как основной прародины. Интерес представляет и распространение погребального обряда, в котором используется колесница, на всем ареале от Пакистана до Европы.

Другим существенным вопросом, от решения которого может зависеть определение некоторых ключевых моментов славянского этногенеза, является происхождение славянских этнонимов. Как предполагается показать в специальном исследовании, выполненном совместно с В. Н. Топоровым, после вычленения тех этнонимов, которые так или иначе связаны с неславянскими названиями, остаются такие, которые имеют очень широкие индоевропейские параллели (так, например, название полян, кро-

¹⁰ Schmid W. P. Alteuropäisch und Indogermanisch.—In: Probleme der Namenforschung in deutschsprachigen Raum. Darmstadt, 1977, S. 98—116.

ме общеизвестной народной этимологии, сопоставляется с именем палайцев и рядом других древних индоевропейских этнонимов). Удревление типа славянских этнонимов, в частности, оказавшееся возможным для этнонимов с начальной приставкой *ро- (ср. соответствие в названиях некоторых индоевропейских «народов моря» по данным египетских источников конца II тысячелетия до н. э.), еще не решает вопроса о том, когда был образован тот или иной конкретный этноним. Но привлечение широкого индоевропейского фона и здесь оказывается необходимым для более полного освещения проблемы.

Намеченный круг проблем, как представляется, требует объединения специалистов разных профилей. С одной стороны, необходим контакт лингвистов, исследующих ранний этап истории славянских и других родственных языков, не только с историками и археологами, но и со специалистами в ряде конкретных областей, исследующими денотаты соответствующих названий (палеозоологами, палеоботаниками и т. п.). С другой стороны, требуется наладить более тесные связи между исследованием славянских языков на их древнейшем этапе и изучением других индоевропейских диалектов и неиндоевропейских языков, с ними взаимодействовавших в ранние периоды их истории. Этим определяется достаточно широкий круг ученых и научных учреждений (в частности, Института русского языка АН СССР, Института языкоznания АН СССР, Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, Вильнюсского государственного университета и ряда других), без взаимосвязи которых нельзя вплотную подойти к решению проблем.

Л. А. Гиноин

НАЧАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ СЛАВЯНИЗАЦИИ БАЛКАН КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Наблюдается, как нам кажется, существенная разница в подходе к вопросам ранних (племенных) этапов этногенеза западных и восточных славян, с одной стороны, не говоря уже о праславянском периоде, и южных, т. е. балканских славян,— с другой. Эти различия коренятся в характере источников, накладывающих определенный стереотип на методологию исследования. В первом случае отсутствие исторических свидетельств, синхронных конкретному факту, что целиком относится к доисторическому прото- и праславянскому периоду, вынуждает нас постоянно вращаться в сфере реконструкции лингвистической, археологической, исторической и даже фольклорной, различной глубины и достоверности. Во втором случае картина принципиально меняется, так как в нашем распоряжении имеются прямые исторические свидетельства, в частности, Прокопия Кесарийского, бывшего «очевидцем» описываемых событий и изложившего их в «Войне с готами» по годам. Хронологическая и географическая приуроченность фактов, объем трудов Прокопия, открывающих возможности для филологически достоверного перевода, перемещает исследования начальных периодов славянизации Балкан из регистра реконструкции в плоскость конкретно засвидетельствованных данных. Именно подобные факты могут служить отправной точкой более глубоких хронологических и пространственных построений в абсолютных величинах, фокусируя и корректируя усилия представителей различных дисциплин. Приоритет лингвистических данных (топонимия, антропонимия, этнонимия, этимология обычной лексики и т. д.), наблюдаемый при изучении доисторических этапов этногенеза, в характеризованной ситуации сменяется приоритетом прямого историко-литературного свидетельства.

Упоминая склавинов 33 раза на протяжении «Войны с готами», Прокопий сообщает некоторые даты и факты

первостепенной важности касательно появления славян на Балканах (территория к югу от Дуная) и в Карпато-Дунайском пространстве (Левобережье Дуная, Нижнедунайская низменность особенно). Впрочем, самое первое упоминание славян (склавинов и антов) на Балканах содержится в «Тайной истории» Прокопия, где говорится, что «гунны, и склавины, и анты почти всякий год совершают набеги с тех пор, как Юстиниан принял власть над ромеями, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи»¹; все это могло происходить не ранее 527 г., когда Юстиниан взошел на престол. Только в 547—548 гг. славяне далеко проникли в глубь Византийской империи, разойдясь «по всем окрестным местам Иллирии вплоть до Эпидамна» (VII 29, 1—3)²; впервые они решились на зимовку в 550/1 гг., после чего разграбили Астику и в плотную подошли к длинным стенам (VII, 40, 30; 41 сл.); другой долгосрочный поход славян был в 549/50 гг., но всегда славяне, согласно Прокопию, «переходили Истр» и затем возвращались за Истр «домой». От аутентичности указанных дат зависят многие далеко идущие построения относительно первоначальных этапов этногенеза балкано-славянских народов и этногенетической картины на Балканах во второй трети I тысячелетия н. э.

Верность этих дат и объективная наполненностьфиксированных под ними событий подлежит в первую очередь, на наш взгляд, комплексной проверке в аспекте целого круга исторических дисциплин: собственно истории, например, координация с данными Иордана и более поздних византийских авторов, филологии — критика текста и проверка переводов на филологическую достоверность применительно к литературной практике каждого отдельного автора (видимо, самая актуальная в настоящее время задача), археологии, лингвистики — топонимии, этненимии, субстратной этимологии славянских языков и т. п. И действительно, некоторые шаги, предпринятые нами в этом направлении, показали, что сведения Прокопия о

характере процесса появления славян на Балканах, кажется, соответствуют междисциплинарным данным: 1. Нижняя хронологическая граница раннеславянских памятников к югу от Дуная датируется концом VI — началом VII в. (работы Ж. Выжаровой, И. П. Русановой и др.). 2. Все усилия обнаружить в топонимике, в изобилии сообщаемой Прокопием и более ранними авторами, славянские названия не увенчались успехом. 3. Более косвенно о сравнительно позднем приходе славян на Балканы может свидетельствовать почти полное отсутствие в болгарском языке фракийской appellативной лексики.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что в случае с славянализацией Балкан исторические данные указывают направление поисков археологам, так как массовые раннеславянские находки несколько моложе исторических фактов.

Значительное сложнее обстоит дело с проблемой заселения славянами Карпато-Дунайского пространства. Выкладки Л. Нидерле, настаивавшего на приходе славян в этот район в I—II вв. н. э., можно считать спорными и даже преодоленными. Датировка второй половиной V в. н. э., хотя и вероятна (о чем ниже), но целиком строится на умозрительных построениях и общем историческом контексте, отправной точкой которых является все тот же Прокопий. Относительно антов Иордана, разбитых Винитарием, погибшим в 376 г., существует многочисленная и противоречивая литература, вплоть до утверждения о намеренной фальсификации Кассиодором, некритически повторенной Иорданом.

Значительный ресурс уточнения датировок заселения славянами Правобережья Дуная открывается в филологически аргументированном переводе глагольных форм, употребляемых Прокопием при указании местопребывания племен, в том числе склавинов и антов, нападавших на Византийскую империю. Так, совершенно очевидна неадекватность перевода С. П. Кондратьева формы ἰδρυνται в двух пассажах Прокопия о славянах в «Войне с готами» (V, 27, 2—535/6 гг.) καὶ αὐτῶν οἱ πλεῖστα Ούννα τε ἡσαν καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἀνται οἱ ὑπέρ ποταμὸν Ἰστρὸν οὐ μακρὰν τῆς ἐκείνης ἰδρυνται — «Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону Дуная, недалеко от

¹ Procopii *Caesariensis. Opera omnia*, ed. J. Haury, vol. III. Historia arcana, XVIII, 20. Lipsiae, 1963.

² Procopii *Caesariensis. Opera omnia*, vol. II. De bellis libri V—VIII. Здесь и далее ссылки на издание «Война с готами» даются в тексте.

его берега» (Кондратьев — Мишулин)³ и (VI, 26, 19) *παρά ποταμὸν Ἰστρον, ἔνακ ἰδρυνται...* — «у реки Истра, где их [славян] места обитания»⁴. Перефразический перевод стереотипной финитной формы невольно создавал впечатление, что славяне якобы издавна населяли эти земли. Более того, именно в последнем смысле оба эти пассажа, как правило, цитируются нашими историками. Не вдаваясь в филологические подробности, отметим, что медиальный перфект *ἰδρυμαι* обозначал, особенно в греческом византийского периода, «основывать (для себя)», «строить (для себя)», «обосновываться» и пр. В то же время перфект здесь может быть употреблен в смысле *Perfectum intensivum*, часто функционирующем в значении презенса (ср. *ἀλλημαι* «постоянно блуждать», *πετόμαι* «непрерывно летать»). Сверх того, проделанная Ф. Шеловым⁵ сплошная проверка текста «Войны с готами» показала, что *ἰδρύω* — *ἴδρυμαι* всегда употребляются по отношению к племенам, недавно появившимся на границах Византийской империи, в противоположность *οἰκέω* — аог. *ῳκώσα* — мед. *ῳκησαμην* — селиться, заселять, колонизировать, которые Прокопий употребляет по отношению к племенам, давно заселившим те области, где их застал Прокопий (ср., например, о герулах *ῳκήσαντο* VI, 15, 1 сл.).

Таким образом, лучше переводить *ἴδρυνται* в обоих приведенных выше пассажах как «обосновывались» или в крайнем случае «обосновались», наконец, «сели», «жили», находились в процессе «обосновования», «закрепления», чему очевидцем был Прокопий⁶. Добавим к этому, что гунны, упомянутые в первом пассаже вместе со славянами, вообще были кочевым народом. В той же позиции в VII, 14, 30 под 545/6 гг. употреблена форма *νέμονται*: *τὸ γέροντον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστρου ὅχθης αὐτοὶ νέμονται* — «они населяют противоположную часть берега реки Истр».

³ См.: Мишулин А. В. Материалы к истории древних славян.— ВДИ, 1941, № 1, с. 234.

⁴ Там же, с. 235.

⁵ Пользуюсь случаем принести Ф. Шелову глубокую благодарность за предоставление мне своих материалов.

⁶ Ср. перевод данной формы на болгарский — «живеели» — имперфект пересказательного наклонения в «Извори за българската история» (София, 1959, III, с. 117) и на сербский «обитавају» — презенс в «Византиски извори за историју народа Југославије» (Београд, 1955, I, с. 34).

В итоге филологический анализ текста склоняет нас к гипотезе, что славяне появились в Правобережье Дуная незадолго до эпохи Прокопия Кесарийского, используя эту территорию как плацдарм для набегов на Византийскую империю. Впрочем, точный промежуток времени указать трудно. Касательно же горных областей Карпат, укажем возможность появления там славян значительно ранее, так как Прокопий в нескольких местах отмечает привычку славян к жизни в горах и длительным горным переходам (VII 40,7; 15,2; 35,22; VIII 25,5)⁷.

Высказанные здесь соображения в большей степени, чем проблема заселения Балкан славянами, нуждаются в поддержке со стороны археологии, в которой, к сожалению, нет единого мнения относительно того, следы каких материальных культур в этом районе следует считать славянскими и каким образом разграничены пришлые и туземные элементы (например, дако-гетские).

⁷ Ср.: Королюк В. Д. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы: Славяне и волохи в VI—середине VII в.— Сов. славяновед., 1976, № 6.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СЛАВЯН
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОСТЕЙ

Говоря об изучении этих проблем раннеславянской истории, как и в целом вопросов славянского этногенеза, необходимо прежде всего подчеркнуть, что оно встречает большие трудности ввиду чрезвычайной узости и скучности источников базы. В самом деле, обращение к фрагментарным и нередко поздним письменным источникам дает зачастую весьма ограниченный и неопределенный материал, и поэтому необходимо полученные сведения сочетать с данными археологических памятников и не имеющих достаточно точных хронологических определителей лингвистических материалов. В то же время сама методика, критерии для сопоставления этих различных по своему характеру источников еще недостаточно выяснены, равно как и роль каждой группы исторических памятников (в том числе и источников антропологических, этнографических и др.) для изучения палеоэтногенетических процессов. Поэтому мы попытаемся подвести основные итоги и наметить перспективы исследований перемещения славян и становления раннесредневековых народностей в Юго-Восточной Европе, не ставя задачей подробное освещение и разбор всех сохранившихся свидетельств по данному, во многом еще спорному кругу вопросов.

Как известно, первые упоминания славян античными источниками содержатся в сочинениях Плиния, Тацита и Птолемея (I—II вв. н. э.). Из произведений этих авторов, для которых славяне оказывались обитателями самых дальних окраин тогдашней ойкумены, на периферии обширной Германии или Сарматии, т. е. целых регионов, населявшихся родственными или близкими по своему уровню народами, можно получить довольно незначительные (в смысле точной локализации) сведения даже для всей группы ранних славян, не говоря уже об отдельных племенах и союзах. Тем не менее, по нашему мнению, эти свидетельства все же дают определенную географическую

ориентировку, которая становится весьма полезной при сравнении с позднейшими историческими памятниками.

В данном случае особенно важно обратить внимание на материалы римской картографии, в частности на Певтингеровы таблицы (I—IV вв. н. э.)¹. Рассмотрение этих таблиц нам позволяет не только отметить определенное совпадение их данных с более ранними упоминаниями (например, у Тацита и Птолемея), но и судить о некоторых передвижениях славянского населения на юг и юго-восток. Как известно, венеды-сарматы помещены на самом краю VIII таблицы, на окраине Европы, омываемой океаном. Вместе с тем на этом же уровне отмечены здесь и Альпы Бастарские, т. е. Карпаты. Таким образом, на этом основании в литературе делается вывод о расселении венедов-сарматов от Вислы к Карпатам, что в известной мере согласуется и со словами Птолемея и Тацита, располагавших венедов в бассейне Вислы и на побережье Балтийского моря, на восток от Германии.

Однако этим не исчерпываются данные о славянах, зафиксированных римскими картографами. В той же VIII таблице отдельно от названных выше венедов-сарматов, в другом районе (именно между Дунаем, ближе к его дельте, и Днестром) помещены славяне-венеды. Даже допуская, что это название венеды в низовьях Дуная было приписано в III в. рукой неизвестного комментатора, мы можем говорить о перемещениях части славянского населения на юг и на юго-восток от прежнего их района локализации, очерченного весьма приблизительно в произведениях Птолемея и др. Вместе с тем, рассматривая этот сложный и спорный вопрос о перемещениях славян во II—III вв., мы должны учитывать и передвижение народов других (в особенности — восточногерманских) племен в этих пределах западной окраины античной Сарматии, более того — и существование на одной и той же территории (например, в ареале пшеворской культуры) славян, германцев, быть может, также кельтов². На этом основании возможно допустить и передвижение части славян — вместе с германскими племенами — на юг, в пре-

¹ Ср.: Королюк В. Д. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы. (Славяне и волохи в VI—середине VII в.). — Сов. славяновед., 1976, № 6, с. 49.

² См.: Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза. — В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 92.

дели Подунавья и отчасти на Балканы еще в III—IV вв.³

Но, естественно, не вызывает сомнений тот факт, что независимо от отсутствия подробных письменных источников о славянах для II—V вв. основная масса славянского населения перемещалась в V—VII вв., в эпоху Великого переселения народов. Именно в эту эпоху, как нам известно из раннесредневековых памятников, происходили грандиозные передвижения славянских племен и союзов, причем основными магистралями тогда были два направления — на юго-запад (вплоть до северных окраин Италии) и на юг — на Балканы, к Греции. Византийские источники и другие памятники той поры, как известно, сохранили много свидетельств о славянах, в том числе об их передвижениях и о славянских племенных называниях. Поскольку в литературе уже достаточно подробно рассмотрены эти материалы, нам представляется в данной связи необходимым остановиться на переменах в этнической терминологии применительно к славянам той эпохи.

Весьма примечательно, что готский историограф Иордан в своем сочинении уже различает этнические определения «многолюдного племени венетов». Так, применяя это общее название (венеты) как единого народа (этноса), уже известное из более ранних источников, Иордан в то же время указывает нам для венедов еще два уровня этнической терминологии: т. е. какие-то узкоместные, локальные наименования, которые, по его словам, «меняются соответственно различным родам и местностям», и, с другой стороны, два собирательных названия, существовавшие параллельно (склавены и анты). Другие письменные памятники той эпохи (например, сочинения Прокопия Кесарийского и др.), как известно, также называют склавенов и анти, четко различая их, но одновременно подчеркивая единство языка и обычая этих групп славянских племен. Иными словами, и анти, и склавены (склавины) представляли собой большие военно-политические объединения славянских племен, обладавшие также развитым этническим самосознанием.

³ См., например: Бромлей Ю. В., Королюк В. Д. Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 24.

Этот процесс развития этнического самосознания в рамках единого (по языку и обычаям) «племени» венедов проходил, как показывают свидетельства о склавенах и антах, наиболее интенсивно в тех областях, где славянское население граничило с «инородными» племенами двух «чуждых» и «враждебных» регионов — Германии и Сарматии. Однако названная выше иерархическая система этнических терминов, определявших этническое самосознание и внутренние связи ранних славян, вовсе не оставалась неизменной. В тот период изменения этой системы были обусловлены и продолжавшимися передвижениями славянского и неславянского населения в этих районах Европы, конфронтацией славян и их контактами с Восточно-Романской империей и «волохами» — романским населением в горных областях (Динариды, Карнейские и Юлийские Альпы, Балканы). Наглядным примером этого является исчезновение в начале VII в. из письменных памятников имени анти⁴.

Причиной этого, равно как и распространения сферы применения термина «склавены» на весь славянский мир, были решительные изменения во взаимоотношениях славянских племен на территориях Юго-Восточной Европы. В силу этого на первый план тогда выдвинулась проблема конфронтации славян с Восточно-Романской империей и волохами, потребовавшая определенной консолидации славянского этноса. Иными словами, развитие термина «склавены», приобретавшего тогда уже значение общеславянского обозначения, можно расценивать как признак возрастания славянского этнического самосознания. Разумеется, распространенность общеславянского названия несколько не исключала начавшихся в ту эпоху новых перемен в сфере этнической терминологии славян, связанных с процессами образования раннесредневековых государств и народностей⁵.

⁴ См., например: Королюк В. Д. Перемещение..., с. 52—53; Москаленко А. Е. Зарубежные славянские народы в средние века. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1973, с. 17 и сл.; Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973, с. 77 и сл.

⁵ См., например: Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. — В сб.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М.: Наука, 1972; Он же. Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории. — Сов. славяноведение, 1974; № 1; и др.

Говоря об этих сложных проблемах развития этнического самосознания и этнической терминологии ранних славян, необходимо сопоставить динамику конкретного содержания термина «склавены» (славины) с тем значением, которое имело в ту эпоху, в частности, в VII—VIII вв., отчасти и позже наименование «Склavinия» (Славиния), встречающееся во многих византийских источниках и вовсе не известное более ранним письменным памятникам⁶. Разумеется, не вызывает сомнений, что этот термин обозначал «землю славян», в то же время лишь такое толкование было бы неполно. Речь идет уже о независимых (например, от Византии) славянских военно-политических образованиях, княжествах или союзах племен, развитие которых было взаимосвязано и с процессами этнической интеграции славян, их контактов с неславянским населением.

Вполне понятно, что конфронтация славян с Восточно-Романской империей и волохами, вторжения новых народов в этот регион (в особенности кочевников — авар) имели своим следствием новые передвижения славянского населения. Это перемещение (в отличие от охарактеризованных выше) следует назвать своего рода возвратной волной славян. Некоторые сведения о ней сохранились в древнерусской летописи, свидетельства которой в известной мере, вероятно, восходят к исторической традиции Великой Моравии и отчасти, видимо, Польши.

Переходя таким образом к привлечению (в целях данной работы) не только неславянских письменных памятников (византийских и др.), но и раннеславянских источников, мы закономерно приступаем к оценке весьма сложного и многогранного комплекса вопросов, связанных с образованием раннефеодальных государств и народностей. Процессы становления феодализма и этнической интеграции приводят к формированию новых территориально-этнических общностей — болгар, мораван, а затем в Восточной Европе — русской народности. Определенным замедлением характеризуются процессы возникновения народностей в Чехии, Польше, на землях полабских славян, на Балканах об особой специфике этнических процессов следует говорить применительно к сербам и хорватам.

⁶ См., например: Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971, с. 106.

Так, расценивая предпосылки и этапы формирования раннесредневековых народностей, необходимо подчеркнуть, что на основной территории Центральной и Восточной Европы речь шла об интеграции родственных по языковому и обычаям этнических элементов, протекавших в рамках относительно единых раннефеодальных государств.

Иначе обстояло дело на Балканах, где происходило поглощение славянским элементом иноязычного (фракийского, иллирийского, восточнороманского, протоболгарского и др.). Сам процесс этнического синтеза прежде всего на Балканах был связан с синтезом социально-экономическим, поскольку в ходе его новое население осваивало в той или иной мере античное наследство. Разумеется, при этом, говоря о роли античного наследства, важно учитывать и уровень развития славянских племен, т. е. наличие у них (или отсутствие) непосредственных контактов с провинциально-римской культурой. Для Балкан целесообразно иметь в виду также другое немаловажное обстоятельство — частичное заселение областей Юго-Восточной Европы населением западнославянского происхождения (как известно, в литературе уже высказывались мнения о западнославянском происхождении сербов и хорватов)⁷.

Решение сложных вопросов, связанных со славянскими перемещениями, может сыграть важную роль в дальнейшем исследовании проблем социально-экономического синтеза в Юго-Восточной и отчасти Центральной Европе (так называемая контактная зона) и процессов образования раннесредневековых народностей⁸. Продолжение таких исследований не только целесообразно, но и в высшей степени актуально для понимания механизма этногенеза славян и всего сложного комплекса этноисторического развития данного региона⁹.

В соответствии с этим можно наметить следующие конкретные темы и объекты научного сотрудничества и координации усилий ученых разных специальностей и разных научных учреждений (как в масштабах СССР, так

⁷ См. например: Новаковић Р. Да ли су сви Захумљани пореклом Срби.—Историјски часопис. Београд, 1975, књ. XXII, с. 19 и сл.

⁸ См., например: Ангелов Д. Образуване...; Гавлик Л. Моравская народность в эпоху раннего феодализма.—В кн.: Вопросы этногенеза...

⁹ Ср.: Королюк В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— В кн.: Вопросы этногенеза..., с. 6 и сл.

и в зарубежных славянских странах). Речь идет о таких темах:

1. Античное наследство (анализ материальной и отчасти духовной культуры). Изучение этой темы должно быть комплексным, предусматривающим участие археологов, этнографов и историков СССР и всех зарубежных славянских стран. Если говорить о конкретном вкладе ученых СССР, то необходимо подчеркнуть важность привлечения специалистов из научных учреждений Москвы, Киева, Кишинева, Львова, Ужгорода (прежде всего археологов и этнографов).

2. Проблема возвратной волны славян. Для изучения этой темы желательно привлечь ученых из ЧССР, Польши, ГДР, а также соответствующих специалистов из научных учреждений СССР (Москвы, УССР, БССР), лингвистов, отчасти историков и археологов.

3. Балкано-дунайская культура и возникновение народностей болгар и отчасти восточнороманских. Для изучения этих вопросов, в частности спорных проблем генезиса восточнороманских народностей, необходимо сотрудничество ученых из научных учреждений Молдавской ССР (археологов и этнографов — под руководством Национального совета АН МССР по изучению славяно-воловских связей и происхождения молдавского народа), а также Болгарии и Румынии (археологов и этнографов).

4. Славянское самосознание на основе свидетельств письменных источников (I—XII вв.). Основную роль в разработке данной темы могут сыграть историки (Москва, Львов), лингвисты (Москва), археологи (Москва, Киев, Кишинев, Ужгород), этнографы (Москва, Кишинев, Ужгород, Львов). Важное место в исследованиях данной широкой темы принадлежит коллективному труду «Развитие этнического самосознания славянских народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы», который подготавливается Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (в настоящее время уже создан авторский коллектив, подготовлен проспект труда, обсуждавшийся совместно со специалистами Москвы и Львова). Одной из форм сотрудничества по данной теме, в частности по этому коллективному труду, могут быть консультации с учеными Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, ГДР (археологами и историками).

5. Социально-политическая терминология письменности Великой Моравии, сравнительное сопоставление ее с письменностью Древней Руси и Болгарии. В данном случае может быть плодотворным сотрудничество лингвистов и историков, речь идет об участии специалистов из научных учреждений Москвы, быть может, также Киева и других центров. Разработка данной темы, по всей видимости, поможет получить новые данные для анализа процессов классообразования и формирования раннесредневековых народностей у славян. Во-вторых, необходимо изучение терминологии древних памятников славян в сравнении с данными языков германских народов, балтов, иранцев. Это направление исследований, таким образом, должно содействовать попыткам реконструкции славянского общества еще до появления славян на исторической арене, равно как и социально-экономических и этнических процессов в древнеславянском обществе. Вполне понятно, что главные задачи здесь должны выполнять лингвисты, историкам будет принадлежать вспомогательная роль, и только на следующем этапе историки смогут приступить к активной разработке названных выше задач, т. е. к реконструкции древнего общества, его процессов и структуры. Вероятно, для обсуждения данных вопросов (так же как и по некоторым из названных выше крупных тем) было бы целесообразно провести научную конференцию.

СЛАВЯНЕ И БАЛКАНО-ДУНАЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В последние десятилетия балкано-дунайская археологическая культура привлекает к себе пристальное внимание археологов и историков-медиевистов различных стран, прежде всего Болгарии, Румынии и СССР. Происходит интенсивное открытие и изучение памятников этой культуры. Следует подчеркнуть, что в настоящее время исследование балкано-дунайской культуры только вступает в зрелую фазу. Это, естественно, наложило отпечаток на все выводы и интерпретацию этой культуры.

Напомним, что в северной части нынешней Болгарии между Балканскими городами и Дунаем в конце VII в. н. э. возникло I Болгарское царство. В основном именно в его пределах и сложилась балкано-дунайская культура. Ядром ее формирования были северная Болгария, Добруджа и, видимо, левобережная полоса Дуная в Мунтении. Именно на этой территории тюрко-болгары на Балканах вошли в тесный и длительный контакт со славянами. Ареал этой культуры в период ее максимального расцвета был весьма обширен. Если сопоставить территорию I Болгарского царства в период его расцвета (893—927 гг.) с ареалом балкано-дунайской культуры, то мы увидим, что их границы в основном совпадают.

Балкано-дунайская культура в целом была относительно однородной во всем своем ареале. Эта однородность проявляется в одинаковой конструкции жилищ, печей, хозяйственных сооружений, самом расположении поселений, в основных категориях вещей, в своеобразном керамическом комплексе, в котором наряду с преобладающей керамикой славянского облика встречается и керамика тюркского типа, в небольшом количестве и византийская посуда, наконец, в славянской письменности, которая была распространена не только в Болгарии, но и в Румынии, и в южной части Прутско-Днестровского междуречья.

Уместно подчеркнуть, что в центре образования I Болгарского царства, в северо-восточной Болгарии, помимо

славянских и тюркских черт в материальной культуре прослеживается и восприятие византийских традиций, особенно в каменном зодчестве (в столицах царства — в Плиске и Преславе).

В археологической литературе эта культура выступает под различными наименованиями. Болгарские ученые называют ее культурой I Болгарского царства или славяно-болгарской, румынские — культурой Дриду, балкано-дунайской или карпато-балканской, в СССР — одни ученые называют эту культуру придунайским вариантом тюркской салтово-маяцкой культуры, наложившейся на местную славянскую придунайскую культуру, другие именуют ее культурой I Болгарского царства или балкано-дунайской¹. Последнее название этой культуры было дано в апреле 1960 г. во время дискуссии, проходившей в Институте археологии АН СРР в Бухаресте между М. Комшей и Г. Б. Федоровым. С середины 50-х годов и до настоящего времени вопросы датировки и этнической атрибуции этой культуры являются предметом острой дискуссии, а роль этой культуры в этнокультурных процессах в конце I и начале II тысячелетия н. э., с нашей точки зрения, значительно преувеличивается, особенно румынскими археологами.

Датируют эту культуру по-разному. Болгарские и почти все советские археологи — VIII — началом XI в., и мы согласны с этой датировкой. Некоторые болгарские ученые удревняют нижнюю дату ее до VI в., связывая начальный этап развития этой культуры с появлением славян на Балканах². В отдельных регионах ареала нижняя и верхняя датировки действительно колебались. Так в северо-восточной Болгарии и по обеим берегам Нижнего Дуная эта культура датируется VIII—X вв., в Добрудже — на отдельных памятниках — IX—X вв., в Трансильвании — IX—X вв. В остальных регионах эта культура исчезает полностью в конце X — начале XI в. (Валаш-

¹ См.: Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румании. М.: Наука, 1973, с. 307—324; Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 5—7, 87; Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф. Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев: Штиинца, 1974, вып. 6, с. 40—52.

² См.: Въжарова Ж. Славяне и праболгары: В связи с вопросом средиземноморской культуры. — В кн.: Славяните в средиземноморският свет VI—XI век. София: 1973, с. 258—266; Милчев А. Формирование староболгарской культуры. — Там же, с. 121—124.

ская равнина и Олтения на левобережье Нижнего Дуная, степная зона Прутско-Днестровского междуречья, регион между Карпатами и Прутом, северо-восточная Болгария). Основанием для датировки служат сопутствующие в комплексах византийские монеты и хорошо датируемые со- суды — амфоры, кувшины. Вопрос о датировке балкано-дунайской культуры в отдельных регионах подлежит уточнению, однако, судя по византийским монетам, украшениям, посуде, самый расцвет этой культуры падает на IX — начало XI в.

Большинство компонентов балкано-дунайской культуры имели длительный период бытования и встречались у многих оседлых племен Восточной Европы, а потому не могут служить ни для определения датировки, ни для этнической атрибуции (большинство орудий труда, оружие, бытовые предметы). Можно лишь сказать, что носители этой культуры были оседлыми земледельцами и скотоводами, у которых известное развитие получили гончарное, железоплавильное, кузнецкое и другие ремесла. Однако имеются и такие элементы, которые могут служить и для этнической атрибуции и для датировки и в своем сочетании являются характерными именно для этой культуры.

Прежде всего это относится к такому массовому материалу, как керамика, которая для балкано-дунайской культуры (вся сделана на гончарном круге) делится по форме, орнаментации и технологическим особенностям на две неравные группы. Керамика первой группы — это посуда славянского типа, которая преобладает. Характерным отличием балкано-дунайской посуды этого типа от западного и восточнославянской являются многорядные вертикальные полосы линий, прочерченных перпендикулярно к горизонтальному орнаменту. Вторая группа керамики — салтово-маяцкого типа.

Салтово-маяцкая культура сложилась гораздо восточнее Подунавья, в Прикубанье и Подонье, в пределах Хазарского каганата, где она достигла расцвета в VIII—IX вв. Она исследовалась и исследуется отечественными археологами³. Сопоставление собственно салтово-маяцкой и тюркской серелощеной керамики балкано-дунайской культуры показало, что между ними имеется очень

большое сходство, а для ряда форм и полное тождество. В балкано-дунайском керамическом комплексе встречаются и сосуды византийского типа — амфоры и кувшины, изредка горшки. В самом облике балкано-дунайской культуры, прежде всего в ее керамическом комплексе, нашел отражение процесс этногенеза болгарского народа, ассимиляции славянами тюрок-болгар. Любопытно, что соотношение между собственно славянской (70—90%) и собственно тюрко-болгарской (30—10%) керамикой, видимо, отражало реальное соотношение между славянским и тюркским населением I Болгарского царства. О степени слияния тюркских и славянских элементов можно судить по результатам исследования керамики балкано-дунайской культуры конца IX — начала XI в. из селища Криничного Болградского района Одесской обл. Микроскопическое исследование показало, что глина и примеси к ней в серелощеноной керамике тюркского типа и желтой или коричневой керамике с линейно-волнистым орнаментом славянского типа совершенно одинаковы, т. е. оба эти вида керамики были сделаны из одного теста и одним и тем же гончаром, лишь разными методами обжига и орнаментации.

Другими элементами, которые могут послужить для этнической атрибуции, являются жилища. Для кочевников тюрок-болгар характерны юртообразные жилища с очагами. Подавляющее большинство жилищ создателей и носителей балкано-дунайской культуры представляют собой именно землянки и полуземлянки с печами-каменками, иногда и с очагами. Ничтожный процент юрт даже по сравнению с процентом керамики тюрко-болгарского типа объясняется, видимо, тем, что не только славянское, но и тюркское население I Болгарского царства перешло к прочной оседлости. В материальной культуре, видимо, произошло слияние между тюрко-болгарскими и славянскими элементами и сохранились лишь различные традиции в единой культуре. О симбиозе между этими двумя элементами свидетельствует и такой консервативный фактор, как обряд погребения.

В центре образования этой культуры, в северо-восточной Болгарии и Добрудже на ранних этапах существовали отдельно могильники с трупоположениями, характерные для тюрок-болгар, и могильники с трупосожжениями славянского типа. Для более поздних этапов характерны

³ См. труды И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. А. Якобсона, А. В. Гадло, В. А. Кузнецова.

погребения и тюркской и славянской традиций — трупоположения и трупосожжения, однако погребения эти производились на одних и тех же могильниках вперемежку. С принятием христианства стал господствовать и соответствующий обряд погребения. Таким образом, балкано-дунайская культура — это культура I Болгарского царства, существовавшая в его границах и для него характерная. Основными создателями этой культуры были славяне, в меньшей степени тюрко-болгары, аланы и в какой-то мере носители провинциальной византийской культуры. Такова точка зрения почти всех советских, всех болгарских, польских и других археологов. Между ними имеются незначительные различия, которые, однако, не затрагивают существа датировок, этнической атрибуции и общей интерпретации этой культуры.

Особую позицию по вопросу о балкано-дунайской культуре занимают почти все румынские археологи. Между их взглядами также имеются различия, однако имеется и нечто общее, которое вкратце можно свести к следующему: балкано-дунайская культура, или как ее чаще называют — культура Дриду — это проторумынская культура, имеющая на территории Румынии свою восточно-романскую предшественницу (культураproto-Дриду) и продолжающая развиваться, постепенно изменяясь, и после XI в. вплоть до XIV в., когда она становится культурой придунайских восточнороманских княжеств⁴. К этой точке зрения фактически примыкает один из советских археологов И. Г. Хынку. Он определяет балкано-дунайскую культуру как полиэтническую и на первое место в ней выдвигает дако-романский элемент, считая, что эта

⁴ Nestor I. Contributions archeologiques au probleme des Proto-Roumains. La civilisation de Dridu—Davia. N. S., 1958, t. II, p. 371—382; Nestor I. Les donnees archeologiques et le probleme de la formation du peuple roumain.—Revue roumaine d'histoire. Bucuresti, 1964, III, 3, p. 383—423; Nestor I. Continuitate in istoria formarii poporului roman.—Magazin istoric, Bucuresti, 1969, III, N 6, p. 25—27; Nestor I. Formarea poporului roman.—In: Istoria poporului roman. Bucuresti, 1970, p. 107—113; Nestor I. Autochtones et slaves en Roumanie. Les slaves et le monde mediterraneen VI—XI siecles. Sofia, 1973, p. 33; Zaharia Eug. Sapaturile de la Dridu. Bucuresti, 1967, p. 135; Zaharia Eug. Citeva observatii despre arheologia si istoria sec. VIII—XI pe teritoriul RSR—Aluta, I. Sfintu—Georghe, 1959, p. 115—130; Zaharia Eug. Donnes sur l'archeologie des IV—X siecles sur le territoire de la Roumanie. La culture Bratei et le cultura Dridu—Dacia. N. S., 1971, XV, p. 269—281.

культура существовала вплоть до XIV в. Единственным отличием его взглядов от взглядов румынских археологов является расширение сферы ранней романизации (с первых веков н. э.) и на территорию Прутско-Днестровского междуречья⁵.

Точка зрения большинства румынских археологов подвергалась убедительной и аргументированной критике прежде всего в самой Румынии. Уже в начале 60-х годов основной исследователь славянских древностей на территории Румынии Мария Комша утверждает, что балкано-дунайская культура принадлежит большинству населения I Болгарского царства, которое состояло из южных славян, тюрок-болгар и древнерумынского населения⁶. К. Дайковичу вообще отрицает правомерность выделения культуры Дриду. Она, по его мнению — просто часть балкано-дунайской культуры, распространенной в IX—XI вв. на значительной территории между Хемусом (Балканскими горами) и Нижнем Дунаем, в том числе и на территории Румынии. Балкано-дунайская культура имеет восточное происхождение и является прежде всего «смешанной культурой болгаро-славянского характера с сильным византийским, провинциально-римским и pontийским

⁵ Хынку И. Г. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. в лесостепной полосе Молдавии.—В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев: Штиница, 1968, с. 106—124; Он же. Балкано-Дунайская культура.—Молдавская энциклопедия. Кишинев: 1970, т. I, с. 342; Он же. Этнические черты в жизнях населения Молдавии (X—XIV вв.).—В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, [вып. 2], с. 224—231; Он же. Балкано-дунайская культура лесостепной Молдавии X—XIV вв. и ее этнокультурный состав.—В кн.: Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев: Штиница, 1971, с. 119—178.

⁶ Comşa M. Die bulgarische Herrschaft nördlich der Donau während des IX und X. Jh. im Zichte der archäologischen Forschungen.—Dacia, N. S.: 1960, IV, p. 395—421; Comşa M. Cu privire la evoluția culturii balcano-dunărene în sec. IX—XI. SCIV, 1963, I, p. 107—117; Comşa M. La civilisation balcano-danubienne (IX—XI siecles) sur le territoire de la RPR (origine, evolution et appartenance ethnique). Etude préliminaire.—Dacia, N. S.: 1963, VII, p. 413—438; Comşa M. Sur L'origine et l'évolution de la civilisation de la population romane et ensuite protoromaine, aux VI—X siecles sur la territiuire de la Roumaine.—Dacia, N. S.: 1968, XIII, p. 355—380; Daicoviciu C. Originea poporului roman după cele mai noi cercetări. In carte Unitate și continuitate in istoria poporului român. Bucuresti, 1968, p. 89—90.

влияниями». Определение этой культуры как культуры проторумынской или румынской в целом не доказано. Далее К. Дайковичу пишет, что «в тех районах, где, по мнению некоторых ученых, находился центр культуры Дриду — в Молдове и Мунтении никогда не господствовали римляне и не было романизации. Если предположить, что культура Дриду, т. е. балкано-дунайская, — это культура проторумынская, то какой же была культура болгаро-славянская в период создания I Болгарского царства? — Ведь это именно и есть балкано-дунайская культура, и она хорошо известна на территории I Болгарского царства. Данные исторической географии также категорически опровергают возможность существования проторумынской популяции или постоянного романского населения в открытых, не защищенных равнинах, без укреплений, когда различные кочевые племена приходили с Востока»⁷.

Соответствующую оценку концепции румынских археологов получили в работах болгарских⁸ и польских ученых⁹, которые, не соглашаясь со своими румынскими коллегами, считают и называют балкано-дунайскую культуру прежде всего южнославянской культурой I Болгарского царства. В советской науке точка зрения большинства румынских археологов и примыкающие к ней воззрения И. Г. Хынку были подвергнуты критике С. А. Плетневой, Г. Б. Федоровым, И. А. Рафаловичем, Г. Ф. Чеботаренко, П. П. Бырня и др.

И. Г. Хынку датирует балкано-дунайскую культуру суммарно X—XIV вв. Это противоречит фактам и логике. В этой культуре нет ни одного закрытого комплекса (жилище, печь, погребение и т. д.), который можно было бы датировать временем позже начала XI в. Кроме того, вообще невозможно представить себе, чтобы материальная культура на протяжении пяти столетий совершенно не развивалась, оставалась бы неизменной. Это особенно недопустимо по отношению к Карпатско-Днестровским и

Балкано-Дунайским землям — территории, где издавна и интенсивно происходило развитие материальной культуры, а частые и разнообразные миграции способствовали изменению не только этноса, но и культуры. И. Г. Хынку без всяких на то оснований приписывает балкано-дунайскую культуру восточнославянскому племени тиверцев, которых он, вопреки прямому указанию летописи, связывает не с восточными славянами, а с конгломератом, в котором главную роль играл якобы восточнороманский элемент¹⁰.

Следует отметить, что на всем ареале характерный для балкано-дунайской культуры керамический комплекс, как и другие элементы этой культуры, прекращает свое существование в начале XI в. Попытки возродить понимание черняховской культуры (III—IV вв. н. э.), как провинциально-римской и интерпретировать распространение памятников этой культуры как свидетельство частичной романизации, равно как попытки связать между собой черняховскую и балкано-дунайскую культуры, оказались неудачными и не были приняты. Эти попытки связаны с усилиями сторонников «континуитета», пытающихся доказать непрерывность обитания в Карпато-Дунайских землях восточнороманского населения с первых веков н. э.

Материальная культура II Болгарского царства большинством элементов не связана с балкано-дунайской культурой и имеет в основном провинциально-византийский характер, а также включает ряд элементов культуры поздних кочевников, в частности половцев. Вместе с тем, как нам известно по письменным источникам, во всяком случае на территории Болгарии продолжало жить южнославянское население — болгарский народ. Таким образом, здесь мы встречаемся с одним из нередких примеров того, что при изменении материальной культуры этнос остается неизменным.

Мы полагаем, что многие недоразумения, неточности в датировке и этнических определениях происходят из-за отсутствия должной координации между учеными различных стран и специальностей, изучающих балкано-дунайскую культуру. Перед археологами, как и перед уче-

⁷ Daicovici C. Originea poporului român..., р. 88—97.
⁸ Михайлова Ст. Археологически извори на европейската цивилизация. — Археология, София, 1969, XI, 1, с. 66—69; Божилов Ив. Култура Дриду и Първото Българско царство. — Исторические проблемы. София, 1970, кн. 4, с. 115—124.
⁹ Hilizerówna Z. Le probleme de la civilisation de Dridu (Remarques polemiques). — Slavia Antica, 1970, XVII, p. 37—62.

¹⁰ Хынку И. Г. К вопросу о расселении тиверцев и ульций в Поднестровье. — В кн.: Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 159—175.

ными других специальностей, занимающихся этой культурой, стоят следующие основные задачи: определить пути и время проникновения носителей тюрко-болгарской культуры на Нижний Дунай и прилегающие территории, соотношение между собственно тюркской (салтово-маяцкой, аланской) и балкано-дунайской культурами, между тюрко-болгарским и славянским компонентами в различных регионах ареала балкано-дунайской культуры, проследить более детально фазы ее развития от ее зарождения, складывания, до конца существования, ее взаимосвязи с восточнославянской культурой, выяснить какие ее элементы вошли в материальную культуру в этих же регионах в последующее время, т. е. после начала XI в., а также какие этнические общности, кроме основной — славяно-болгарской, могли быть ее носителями и были ли такие.

Плодотворное исследование балкано-дунайской культуры возможно только при тесных взаимосвязях, координации усилий ученых, работающих в юго-западных регионах СССР, в Карпато-Дунайских и Балкано-Дунайских землях.

II. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

*

A. С. Мыльников

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
«ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА
К КАПИТАЛИЗМУ»

Рассматриваемая проблема относится к числу важнейших направлений научной работы Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР. Она входит также составной частью в круг деятельности Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, что способствует объединению и координации усилий в этой области специалистов из родственных академических, высших учебных заведений и других научных учреждений Советского Союза.

Постановка данной проблемы как комплексной отражает современный уровень развития советской науки на путях интердисциплинарной разработки фундаментальных теоретических и конкретно-научных исследований. Заслуга выдвижения и разработки круга вопросов о закономерностях перехода от феодализма к капитализму в Центральной и Юго-Восточной Европе принадлежит Институту славяноведения и балканистики АН СССР. Она была, в частности, закреплена начатой в 1960-е годы серией научных конференций по теме «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальных культур в славянских землях». Изучение этой темы в настоящее время отражает качественно

новый уровень исследований, поскольку предполагает переход от преимущественно страноведческого изучения славянских народов зарубежной Европы (не прекращая, естественно, разработки этих вопросов) к комплексному сравнительно-историческому осмыслиению развития в переходный от феодализма к капитализму период в рамках всего региона, т. е. не только у славянских, но и у остальных народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Реализация этого принципа зафиксирована организованным институтом всесоюзным симпозиумом 1972 г. «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII—70-е годы XIX в.)»¹.

Следует обратить внимание на два важных научно-организационных канала координации разработки этой проблемы во всесоюзном масштабе. Во-первых, это проведение всесоюзных конференций и симпозиумов, организуемых Институтом славяноведения и балканстики. После названной встречи 1972 г. были проведены научные конференции «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1973), «Формирование наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы» (1975), «Социальные структуры в переходный период от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1977). Трудно переоценить значение подобных встреч для объединения творческих усилий специалистов разных областей славяноведения и балканстики на решении конкретных задач изучения комплексной проблемы. Свидетельством широкого сотрудничества в этой области стало участие в работе конференций специалистов не только различных научных центров Советского Союза, но и ученых из братских социалистических стран. Важную роль играет и Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканстики. Наряду с работой, которую он, начиная с 1975 г., проводит во всесоюзном масштабе, можно сослаться на некоторый опыт деятельности в этой области на местах, например его Ленинградского отде-

ления. Здесь в 1976—1977 гг. было проведено шесть научных заседаний по интердисциплинарному рассмотрению вопросов формирования наций и национального самосознания в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, роли в этом процессе русского языка, особенностях формирования наций на Балканах и т. д.²

Другим существенным каналом координации является новая издательская серия Академии наук СССР «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Выступая инициатором создания этой серии, Институт славяноведения и балканстикиставил своей задачей привлечь внимание широкой научной общественности к разрабатываемой проблематике, а также — и это важно подчеркнуть — содействовать координации работы в этой области. Намеченные планы успешно претворяются³. Завершена длительная и сложная работа над коллективным трудом «Освободительные движения народов Австрийской империи». Это — одна из первых попыток создания целостной, синтетической и построенной по единому плану коллективной монографии, в написании которой помимо сотрудников института участвовали специалисты из других учреждений (исторический факультет Московского университета, Институт общественных наук

² В Ленинградском отделении Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканстики.—Сов. славяновед., 1976, № 4, с. 135; Жакова Н. К. Роль славянских матриц в развитии культуры и национального самосознания славянских народов.—Сов. славяновед., 1976, № 6, с. 106—109; Вопросы истории, 1977, № 9, с. 188.

³ В серии вышли следующие сборники, коллективные труды и монографии: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время: Сб. статей. М.: Наука, 1974; Львова Е. П. Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М.: Наука, 1975; Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное сознание, культура. М.: Наука, 1977; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. К упомянутой серии тематически примыкают и другие издания Института славяноведения и балканстики: Культура и общество в эпоху становлений наций. Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII—70-х годах XIX в., М.: Наука, 1974; Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976; Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX в. М.: Наука, 1975, и ряд других.

¹ См.: Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения.—Сов. славяновед., 1972, № 4, с. 31—41.

АН УССР во Львове). В последующие годы увидят свет сборники, посвященные социальным структурам переходного периода, эпохе Просвещения и романтизма в истории литератур региона, развитию художественной культуры. Следует также назвать коллективные труды, посвященные Польше и Венгрии этого периода, особенностям формирования чешской нации, работы, в которых раскрывается история русско-балканских связей — фундаментальная публикация «Россия и болгарское национально-освободительное движение в 1865—1876 гг.» и сборник статей в двух томах «Болгарское Возрождение и Россия». Оба издания готовятся институтом совместно с рядом советских научных и архивных учреждений и в сотрудничестве с Болгарской академией наук. Шеститомный цикл исследований и публикаций «Польское общественное движение и культурная жизнь 30-60-х годов XIX в.» подготавливается совместно с Польской академией наук. Серия монографий осветит отдельные вопросы истории венгерской, польской, словацкой и других национальных художественных культур народов региона в переходный от феодализма к капитализму период. Намечено проведение двух всесоюзных научных конференций — «Просвещение и романтизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы» и «Основные проблемы развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму».

В самой общей форме можно, вероятно, утверждать, что, коль скоро речь идет об исследовании комплексной проблемы закономерностей перехода народов Центральной и Юго-Восточной Европы от феодализма к капитализму, очевидно, сравнительно-историческому рассмотрению подлежат все элементы базисного и надстроичного порядка, все компоненты материального и духовного производства. Не претендую на то, чтобы очертить весь круг возможной проблематики, остановимся лишь на некоторых вопросах, постановка которых, на наш взгляд, подготовлена всем ходом предшествующей разработки комплексной темы.

Прежде всего это сравнительно-историческое изучение экономических структур. Вслед за проведенной в 1977 г. научной конференцией, а в дальнейшем и изданием на ее базе сборника «Социальные структуры в переходный период», представляется целесообразным обратиться к

аналогичному, комплексному же рассмотрению коренных проблем экономического развития Центральной и Юго-Восточной Европы в целом и отдельных ее зон (особенно Балкан). Это содействовало бы лучшему пониманию многих принципиальных вопросов не только экономического и социального, но и этнокультурного и политического развития народов региона в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Другой вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, это сравнительно-историческое изучение государственно-правовых институтов в пределах ареала исследования. Тот факт, что подавляющая часть народов Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемую эпоху не обладала государственной независимостью, не делает названную проблему ни очевидной, ни тем более — второстепенной. Скорее наоборот. Хорошо известна, например, глубокая мысль Ф. Энгельса об использовании «феодальных форм старой венгерской конституции» в интересах антиавстрийского освободительного движения⁴. Но ведь сословные органы представительства существовали не только в Венгерском королевстве (где, между прочим, использовались и представителями других освободительных движений), но и в ряде других земель. И государственные и правовые институты зачастую оказывались полем борьбы центростремительных и центробежных сил, выступая и как орудие закабаления со стороны правящих кругов многонациональных держав и как одно из средств оппозиционного движения. Борьба эта оказывала влияние на различные стороны духовной жизни, в частности на культуру. Между тем проблематика эта изучена крайне слабо даже в национальном масштабе, не говоря уже о ее сопоставительном анализе в пределах региона и отдельных его частей.

Постановка этих вопросов интересна не столько сама по себе, сколько в контексте процессов генезиса наций. И потому комплексное изучение этнического развития периода перехода от феодализма к капитализму по праву должно считаться одной из первоочередных задач. Заслуживает специального рассмотрения такой существенный аспект, как постепенное складывание австрийской нации. Возможно, следовало бы затронуть и вопросы пакио-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 6, с. 181.

нальной эволюции турецкой этнической общности, по крайней мере в той степени, в какой это связано с развитием (в том числе и культурным) на Балканах.

Вопросы изучения генезиса наций непосредственно соприкасаются с необходимостью дальнейшей углубленной разработки проблем национального самосознания и народной культуры. Уже начавшаяся работа над коллективной монографией «Чешская нация на завершающем этапе ее формирования» (Институт славяноведения и балканистики) свидетельствует об актуальности этих проблем. В самом деле, вопрос, очевидно, сводится к более широкой теме — о характере и формах проявления этнического самосознания в эпоху формирования наций не только в образованной среде ведущих участников национальных движений, но в этническом коллективе в целом, в народных массах, которые и были основой борьбы за национальное и социальное освобождение.

О важности такого подхода неоднократно высказывались в последние годы многие советские и зарубежные исследователи. Однако в изучении генезиса национального самосознания и его обратного воздействия на этнические процессы сделано еще явно недостаточно. В особенности это относится к подключению данных истории народной культуры эпохи перехода от феодализма к капитализму. Заслуживающий внимания опыт накоплен, например, исследователями Чехословакии, Болгарии и некоторых других социалистических стран. Так, пражский Институт этнографии и фольклористики ЧСАН на протяжении ряда последних лет ведет успешную работу по изучению этнографической ситуации в эпоху чешского национального возрождения. Выходит в свет серия работ по истории быта города и деревни той эпохи. На фоне подобных материалов многие ключевые вопросы социального характера (например, влияние капиталистической индустриализации и урбанизации на духовную жизнь), проблемы генезиса наций, становления и подъема антифеодальных освободительных движений получают дополнительные и во многом новые характеристики. А это будет стимулировать разработку теоретических аспектов сравнительно-исторических исследований.

В самом деле, развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму происходило в рамках более широкого между-

народного, прежде всего европейского контекста. Поэтому дальнейшая разработка международных контактов народов данного региона, несомненно, заслуживает всяческой поддержки. При этом следует обратить внимание как на изучение межславянских связей в их полном объеме (т. е. включая сюда связи с восточнославянскими народами — русскими, украинцами и белорусами), так и на более интенсивный, чем до сих пор, анализ двусторонних и многосторонних контактов между славянскими и другими соседствовавшими с ними народами, в частности, славяно-германских, славяно-венгерских, славяно-румынских связей. Совокупное рассмотрение системы экономических, политических и культурных взаимоотношений во внутрирегиональном и более широком международном планах заслуживает того, чтобы составить особое направление в комплексном сравнительно-историческом исследовании проблем истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Закономерно поставить вопрос о теоретической и практической значимости данной проблемы в целом. Ограничается ли ее изучение только задачами раскрытия экономической, социальной, политической, культурной или этнической ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе в период перехода от феодализма к капитализму, т. е. носит ли это изучение только конкретно-исторический характер? Или оно имеет более общий историко-теоретический интерес? На современном уровне научного познания на последний вопрос можно ответить утвердительно. До тех пор, пока творческая мысль оставалась в рамках страноведческого или исключительно славянского контекста, многие изучаемые явления могли представляться лишь под углом зрения их местной специфики. Нисколько не умаляя важности такого конкретного изучения, думается, что комплексно-сравнительно-исторический анализ материалов Центральной и Юго-Восточной Европы показал черты поразительного не только генетического, но и типологического сходства многих явлений переходной от феодализма к капитализму эпохи (социальные структуры, пути формирования наций, национальные программы, художественная культура, на конец, формы и методы освободительных движений). Сошлемся на пример общности многих черт развития

Польши и Венгрии рассматриваемых десятилетий или на типологическую близость ряда институциональных явлений, включая феномен так называемого национального Возрождения, у различных по этнической специфике народов Австрийской и Османской империй.

Резонно продолжить цепь подобных типологических сопоставлений, выйдя за пределы Центральной и Юго-Восточной Европы. Обращаясь, в частности, к другим регионам мира, где имели место процессы формирования наций в обстановке угнетения и вызванной этим фактором борьбы за национальную независимость, можно выявить многие черты, характерные для феномена типа национального Возрождения, включая совпадение применяемой к исследованию таких ситуаций терминологии. Так, интересный сопоставительный материал дает эпоха индийского (в том числеベンガルの) Возрождения XIX в. или период становления новой культуры у ряда арабских народов. Примечательно, что эпоха эта, приходящаяся в истории культуры Сирии, Ливана и Египта на XIX — первые десятилетия XX в., именуется по-арабски «нахда», т. е. подъем, пробуждение.

Ссылаясь на подобные примеры, нельзя, разумеется, проводить полную аналогию между процессами, протекавшими в разных с хронологической и географической точек зрения условиях, в обстановке воздействия различных, в том числе и культурно-религиозных традиций и внешних влияний⁵. Но для более полного понимания закономерностей общеисторического развития важно, что в основе отмеченных явлений лежал близкий по содержанию комплекс причин, связанный с постепенным переходом от феодализма к капитализму и обусловленный этим переходом процесс формирования наций в условиях внешнего угнетения и полной или частичной утраты государственной независимости. Следовательно, речь идет о типологическом сопоставлении, помогающем глубже осмыслить механизм этнических и культурно-политических процессов переходной эпохи⁶.

⁵ Нельзя поэтому считать правильной попытку именовать те или иные эпохи культурного подъема у народов Европы и Азии «ренессансом», отвлекаясь от реальной социально-экономической и классовой природы таких явлений. См.: Рутенбург В. И. Итальянское Возрождение и «возрождение мировое». — Вопросы истории, 1969, № 11. с. 93—115.

⁶ Отдельные элементы феномена типа национального возрождения

В этом смысле изучаемый нами ареал оказывается достаточно представительным для историко-теоретического рассмотрения проблем закономерностей развития в эпоху перехода от феодализма к капитализму в целом. Это определяется рядом факторов социально-экономического и культурно-политического характера. Во-первых, несмотря на некоторые локальные и стадиальные различия, народы Центральной и Юго-Восточной Европы в основном переживали в рассматриваемые десятилетия во многом сходные процессы. Во-вторых, данная часть Европейского континента обнаруживает богатство и многообразие условий, которые возникали, употребляя определение К. Маркса, «благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.»⁷

Действительно, здесь проживали угнетенные и господствующие этносоциальные общности, обладавшие как сходными, так и отличными государственно-правовыми и культурными традициями. На духовную жизнь тех или иных народов региона оказывали воздействие разнообразные географические и климатические факторы (прибрежные и горные области и т. д.), церковные институты (не только христианские в их главных конфессиях — католицизм, протестантство и православие, но и мусульманские и иные), экономические и культурные контакты со странами и народами как Европы, так и Азии. Эти и подобные им факторы дают возможность обобщения опыта развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы с перспективой более широкого типологического выхода.

* * *

Ближайшие перспективы изучения закономерностей развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму выдвигают на повестку дня то, что можно назвать расширением методологического инструментария исследования. Больше,

прослеживаются в истории разного рода локальных этнокультурных процессах. Подробнее об этом см.: Мыльников А. С. К вопросу о локальных особенностях культуры и этнических процессах. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1975, т. 5, с. 42—54.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 354.

чем прежде, внимания следовало бы обратить на методику применения различных конкретно-научных подходов к анализу фактического материала. Сравнительно-исторический метод, который, по словам В. И. Ленина, «имеет громадное значение с точки зрения марксизма»⁸, нашел ныне прочное и широкое употребление в ходе изучения рассматриваемой нами комплексно проблемы. Он все более увязывается с приемами типологического и системного анализов. Думается, что заслуживают внимания разрабатываемые советской философской и науковедческой мыслью методические принципы структурно-функционального и квадратического подходов, некоторые положения семиотики. Например, изучение этнической специфики знаковых систем коммуникации (т. е. не только национально-культурной специфики речевого поведения, но и народных обычаях, художественных стилей, символики костюма и других средств этнокультурной оппозиции) может оказаться плодотворным при изучении духовной жизни народов региона, некоторых черт общности и своеобразия форм и методов национально-освободительных движений и т. п. Важно лишь, чтобы эти и подобные конкретно-научные подходы применялись совокупно и подчинялись общим методологическим принципам исторического материализма.

Нельзя не подчеркнуть важности информационной и историографической разработки вопроса. В частности, это касается истории славяноведения, поскольку само возникновение науки о славянах явилось прямым следствием процессов формирований наций и национальных культур у славянских народов и подъема национально-освободительных движений. Наконец, заслуживают дальнейшего обсуждения и уточнения отдельные понятийные категории, такие, как «культура», «национальное сознание» и «национальное самосознание», «национальное возрождение» и др.

Разработка методологических аспектов изучаемой проблемы во многом способствует конкретизации самого принципа комплексности, а следовательно, служит практическим задачам координации научно-исследовательской деятельности.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 268

Уже сейчас наметилось достаточно гибкое понимание комплексности. С точки зрения содержания она может быть условно разделена на несколько ступеней. Во-первых, это синтетические, обычно коллективные труды, охватывающие максимально широкий круг вопросов в рамках комплексной темы. Во-вторых, — обобщающие работы, в которых в сравнительно-историческом плане рассматривается развитие группы народов региона (например, формирование славянских наций, отдельные проблемы истории художественной культуры и т. п.). В-третьих, — страноведческие работы по общим и частным вопросам истории и культуры отдельных народов региона. Наконец, это научные публикации, тематически связанные с кругом вопросов переходного периода. Каждая из перечисленных ступеней отвечает единой задаче раскрытия комплексной проблемы и сочетает исследования сравнительно-исторические и страноведческие, отражает различные целевые установки. Важно, чтобы намеченные темы координировались, способствуя тем самым и решению актуальных, первоочередных вопросов и разумной расстановке кадров специалистов. Иными словами, ступени комплексности, для того чтобы они были действительно плодотворными, должны в перспективе образовывать целостную систему.

Проведенные к настоящему времени исследования позволили не только подтвердить, но и разрешить на практике многие ключевые методические и научно-организационные вопросы комплексного подхода. Все более очевидным, например, становится, что этот подход предполагает не только объединение ученых различных специальностей вокруг определенной темы, но и использование при написании коллективных и — подчеркнем это — индивидуальных монографий выводов и наблюдений разных дисциплин. Такой интердисциплинарный подход приводит к более полному, целостному пониманию предмета исследования и способствует стыковке данных различных дисциплин, преодолению своеобразных перегородок между ними. Весьма плодотворным, например, оказывается контакт между историками и историками культуры, с одной стороны, и лингвистами — с другой. Это стимулируется повышением со стороны первых внимания к итогам языковедческих исследований, а лингвистов побуждает к более широкой постановке историко-культурных аспектов

предмета своих исследований. Все же приходится признать, что между рядом дисциплин, связанных со славистическим комплексом, существующие контакты не соответствуют тем возможностям, которые в них заложены. Сказанное можно отнести к таким областям знания, как этнография, история эстетической и философской мысли и некоторым другим. Укрепление сотрудничества между представителями различных дисциплин и повышение эффективности координации чрезвычайно важно.

Нельзя забывать, что конечной целью разработки комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму» является в сущности изучение человека того времени, его экономического и социального положения, классовой борьбы, общественной психологии, духовных интересов и исканий, художественных представлений — словом, всего, что формировало человеческую личность и в свою очередь оказывало воздействие на общеисторический процесс, зависевший в конечном счете от уровня общественного производства. Если угодно, этот аспект имеет огромное принципиальное значение. Огромную роль придавали ему классики марксизма-ленинизма. В раскрытии реального места личности в историческом процессе находит одно из многочисленных проявлений глубоко гуманистический характер марксистско-ленинского учения. Это имеет первостепенное значение и для рассматриваемой комплексной проблемы.

Ю. А. Писарев

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БАЛКАНАХ

Одной из ключевых и в то же время малоизученных проблем истории балканских стран в конце XVIII — начале XX в. является вопрос о становлении государственности, совпадающей с процессом развития в этом регионе капитализма.

Буржуазная историография с идеалистических, антинаучных позиций освещала эту проблему. К числу наиболее распространенных буржуазных концепций государственности на Балканах можно отнести волюнтаристскую теорию как называемого исторического права и государственно-правовой традиции, или преемственности, и теорию надклассовости, или общественного характера государства. Первая исходила из предпосылки, что создание государств на Балканах было следствием политической деятельности монархов, крупных военных и государственных сановников или влиятельных политических групп.

Разновидностью этой концепции была «теория силы», разработанная польским буржуазным социологом и правоведом XIX в. Людвиком Гумпловичем, согласно которой государства на Балканах создавались в результате войн, насильственных захватов и территориальных присоединений¹. Сторонники волюнтаристской теории преувеличивали роль отдельных личностей, а последователи Гумпловича игнорировали роль народных масс в освободительном движении. Они не видели разницы между войнами захватническими, которые велись в интересах правящих кругов, и войнами национально-освободительными, сыгравшими роль в становлении балканских государств.

В. И. Ленин, критикуя сторонников этой теории, отмечал, что к войнам на Балканах надо подходить дифференцированно. Он называл войны, развязанные буржуазными

¹ См. подробнее: Culinović F. Državopopravni razvitak Jugoslavije. Zagreb, 1963, s. 1—2.

правительствами, «империалистскими», противопоставляя им войны национально-освободительные. Ленин писал, что национальные войны на Балканах, которые велись в XVIII—XIX вв., содействовали созданию национальных государств, в то время как захватнические войны задерживали этот процесс².

Классики марксизма-ленинизма подходили конкретно-исторически ко всем другим вопросам, связанным с проблемой становления государственности на Балканах. Они в корне расходились со сторонниками идеалистико-схоластических концепций «исторического права» и так называемой исторической преемственности, которые переносили закономерности эпохи феодализма на буржуазное общество³. Эти теории не были способны объяснить природу буржуазного государства и служили лишь средствами междоусобной политической борьбы отдельных фракций буржуазии.

Так, хорватская партия права Анте Старчевича («праваша»), апеллируя к средневековому государству князя Трипимира в Хорватии, выступала в 1903—1918 гг. за представление этой области прав автономии в рамках Австро-Венгрии. В королевской Югославии хорватская оппозиция во главе с хорватской народной крестьянской партией Степана Радича под теми же лозунгами вела борьбу за преобразование централистской Югославии в федерацию. Напротив, сербская великодержавная буржуазия, отстаивая принцип гегемонии Сербии в объединенном государстве, тоже ссылалась на исторические традиции — сербское средневековое государство Душана Сильного⁴.

Буржуазная теория об «общенародном характере» сербского государства первой четверти XIX в. обходила вопрос о его классовой природе. Ее авторы, сербские историки С. Новакович и Я. Проданович, игнорировали факторы капиталистического развития Сербии, сводя дело к изучению одних лишь юридико-правовых институтов⁵.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 28.

³ Culinović F. Državopopravna historija jugoslavenskih zemalja. Zagreb, 1961, knj. I, с. 3—5.

⁴ См. подробнее: Culinović F. Državopopravni razvijat Jugoslavije, с. 1—2.

⁵ Њоваковић Ст. Уставно питанје и закони Карапорћева времена. Београд, 1907, с. 6—10; Продановић. Историја политичких странака Србије. Београд, 1947, књ. 1.

Сербский экономист и историк права Б. Неделькович, на-против, изучал лишь вопросы экономического развития сербского общества, отрицал значение внешних факторов в становлении сербской государственности⁶.

Опровергнув буржуазные теории о государстве как феномене правового, психологического, философского, религиозного и этического порядка, историки-марксисты базируются в своих исследованиях на диалектико-материалистической концепции классиков марксизма-ленинизма о государстве, которая исходит из учения об общественно-экономической формации и соответствующей ей целостной социальной системе с присущими данному способу производства специфическими объективными законами развития.

Основоположники научного коммунизма применяли термин «государственность», понимая под ним научную категорию, которая выражает находящиеся в системной связи наиболее существенные признаки государства одного и того же типа. Маркс, Энгельс и Ленин дали научную периодизацию становления буржуазной государственности в Европе, раскрыли общие закономерности ее развития и отметили специфические особенности исторического процесса на Балканах⁷.

Труды основоположников марксизма-ленинизма о государстве служат ключом к пониманию изучаемой проблемы.

Для определения объекта исследования необходимо прежде всего остановиться на вопросе о его хронологических рамках. Для Балканских стран, как и для Европы в целом, становление буржуазной государственности совпадало по времени с периодом капитализма. В. И. Ленин определял эту эпоху, как «эпоху национальных движений», начавшихся на рубеже средних веков и нового времени, т. е. перехода от феодализма к капитализму⁸. Он указывал, что характерной чертой периода капитализма является пробуждение «массовых национальных движений, борьба с абсолютизмом и феодализмом, свержение

⁶ Неделковић Б. Историја баштинске својине у Новој Србије од XVIII века до 1931 г. Београд, 1931.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143; т. 22, с. 151—155.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.

национального гнёта и создание государств на национальной основе⁹.

Подчеркивая главную задачу национально-освободительной борьбы, — завоевание независимости и создание национального государства, В. И. Ленин писал: «История национальных движений во всем мире — создание национальных государств»¹⁰. Но при этом он отмечал, что в различных странах в силу объективных и субъективных условий национально-освободительные движения протекали с разной степенью интенсивности и в разное время.

На Балканах произошло смещение хронологических рубежей перехода от феодализма к капитализму, переход значительно запоздал по сравнению с Западом. Соответственно запаздывало на Балканах и становление государственности. В. И. Ленин отмечал, что в некоторых балканских странах оно затянулось вплоть до первой мировой войны¹¹.

Все сказанное позволяет примерно определить хронологические рамки изучаемого периода, который можно разделить на следующие три главных этапа: конец XVIII — начало XIX в. (по 30—40-е годы, а для некоторых стран даже по 50-е годы) — первый этап, когда складываются предпосылки буржуазного государства и возникают первые его институты (исключение — Греция, где уже в 30-е годы создается государство); 40—90-е годы XIX в. — второй этап, когда конституируется государственность в Сербии, Болгарии, Румынии и Черногории; 90-е годы XIX в. — 1918 г. — третий этап, когда балканские страны вступили в новую историческую эпоху, эпоху империализма, которой свойственны свои закономерности.

Другим важным вопросом является вопрос о роли национально-экономического фактора в процессе становления государственности. В целом XIX в. — особенно его вторая половина — был периодом развития капитализма на Балканах, вовлечения этого региона в общеевропейский рынок. Однако далеко не во всех странах Юго-Восточной Европы наблюдалось совпадение процесса капиталистического развития со строительством буржуазного государства. Хорватия и Словения, наиболее передовые в

экономическом отношении страны, так и не добились самостоятельности, в то время как полуфеодальная Черногория уже при владыке Петре I и особенно при Петре II имела свое государство, добившееся независимости де-факто от Турции. Или, например, такая любопытная особенность: развитие капитализма в Сербии началось в основном лишь после всеобщего восстания 1804—1813 гг.; в Болгарии же оно предшествовало Апрельскому восстанию 1877 г. Оба эти события имели для народов Сербии и Болгарии значение национальной революции, в результате которой возникла сербская и болгарская государственность, но происходили они по-разному и в разный исторический отрезок времени.

В трудах советских историков В. Д. Конобеева, Н. Г. Левинтова, К. Л. Струковой, В. И. Фрейдзона и других исследовался вопрос о соотношении базиса и надстройки, о взаимодействии социально-экономических факторов и национально-освободительной борьбы, но, несомненно, эта работа должна быть продолжена.

Третьей проблемой, ожидающей своего изучения, является проблема «нация и государство». В советской литературе она уже нашла известное отражение¹². В последнее время на эту тему появились работы и за рубежом.

На Балканах в ряде случаев наблюдалось несовпадение процессов складывания нации и становления государственности. Югославянские народы Австро-Венгерской монархии, например, сформировались в нации до появления национального государства, албанцы — после завоевания независимости, а сербы, румыны и болгары — в период возникновения своей государственности.

Одним из аспектов проблемы становления государственности на Балканах является вопрос об идеологических предпосылках возникновения буржуазного государства, или, говоря в более широком плане, о воздействии на этот процесс эпохи возрождения. В. И. Ленин подчеркивал огромное значение национальной идеологии и культуры в развитии государственности. «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 388.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 355.

¹² Фрейдзон В. И. К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австро-Венгерской империи. — Доклады и сообщения: III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1974.

пробуждение) и создание национального государства, — таковы главные факторы исторического развития XIX в.», — писал он¹³.

В середине XIX в. почти во всех странах Юго-Восточной Европы началось культурное возрождение, оказавшее сильное влияние на формирование национальной идеологии и становление государственности. Большую роль в пробуждении национального самосознания балканских народов сыграли просветители Досифей Обрадович и Вук Караджич в Сербии, Людовит Гай в Хорватии, Паисий Хилендарский и Софроний Врачанский в Болгарии, культурно-просветительские центры — «матицы»: сербская (создана в 1826 г.), чешская (1831), хорватская (1842) и словенская (1864), а также научные организации и учреждения — «Общество сербской словесности» (1841—1864), «Сербское ученое общество» (1864—1886), Югославянская академия наук и искусств в Загребе (1866) и «Болгарское литературное общество» (1869), преобразованное затем в Болгарскую академию наук (1911).

Несомненно, колossalное влияние на развитие революционной мысли на Балканах оказали революции в Европе — Великая Французская 1789—1794 гг., национальная революция в Греции 1821—1829 гг., буржуазно-демократические революции в Австрии, Венгрии, Германии и Италии (1848—1849), а также Рисорджименто в Италии и объединение Германии, революционное движение в России. В ходе этих революций решался вопрос о власти, о государственности.

В эпоху империализма огромное влияние имели три русские революции — 1905—1907 гг., Февральская и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция, которая открыла новую эру в мировой истории.

При изложении истории государственности на Балканах нельзя обойти также вопрос о проектах создания демократического строя, принадлежавших революционным демократам Светозару Марковичу в Сербии, Васо Пелагичу в Боснии, Георгию Раковскому, Василу Левскому и Христо Ботеву в Болгарии, а также буржуазным демократам — Михаилу Полит-Десанчику и Светозару Милетичу в Сербии, Любену Каравелову в Болгарии, Имбро

Игнатовичу-Ткалу в Хорватии и левому либералу Францу Левстику в Словении.

Они выдвигали передовые для того времени идеи создания демократической федерации балканских народов, которые в новую историческую эпоху и на новой основе включили в свою программу социалистические партии балканских стран.

Вопросы становления государственности были объектом внимания и буржуазных правящих партий, которые формировались в значительной мере под влиянием консервативных концепций объединения национальных государств «сверху», путем войн и действия дипломатии. Одна из задач исследования проблемы становления государства на Балканах — показать и эту ее сторону.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.

К. Л. Струкова

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
(КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX в.)
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Национально-освободительные движения — одно из магистральных направлений в изучении истории народов Балканского полуострова нового времени. Проблема эта неразрывно связана с целым комплексом явлений: с процессом формирования наций, с зарождением в недрах разлагавшегося османского феодализма буржуазного строя, с происходившими вследствие этого коренными изменениями в экономике, социальной структуре, общественной жизни. Главной целью национально-освободительной борьбы балканских народов было освобождение от турецкой зависимости и феодального гнета, создание самостоятельных национальных государств. При общегеографических чертах типологической общности национально-освободительные движения каждого народа имели свою специфику, обусловленную историческими судьбами и географическим положением тех или иных земель, характером их зависимости от Порты и т. п. На развитие и результаты национально-освободительной борьбы на Балканах отрицательно влияло соперничество крупнейших европейских государств, их стремление сохранить на Балканах статус-кво. При всей реакционности русского царизма, своеокрыстии его балканской политики официальная Россия в силу ряда исторических факторов сыграла решающую роль в освобождении балканских народов от многовекового чужеземного владычества. Разносторонние связи с Россией, русским народом были отличительной чертой национальных движений на Балканах.

Целостное изложение истории национально-освободительного движения балканских народов впервые в советской историографии было дано в трудах по истории

Болгарии, Югославии, Албании, Румынии¹. Пока не написана лишь история Греции. Первым изданием, давшим общее представление о сущности и итогах национально-освободительной борьбы славянских народов Балкан, был вузовский учебник, подготовленный Московским государственным университетом². Но в нем вне рассмотрения остались, естественно, Албания и Греция. В фундаментальной «Всемирной истории» сжато охарактеризованы освободительное движение различных балканских народов, история образования и развития национальных государств на Балканах³. Более углубленно эти проблемы разрабатывались в монографических исследованиях, число которых начиная с конца 50-х годов неуклонно возрастает.

Как обобщающие труды, так и конкретные монографические работы являются важным вкладом в исследование истории народов Балканского полуострова. Их авторы, основываясь на богатом фактическом материале, не только опровергают предвзятые, тенденциозные построения буржуазных историков, но и по-новому освещают многие кардинальные вопросы, углубляющие представления по узловым проблемам истории Балкан.

Обзор важнейших работ в этой области целесообразно дать в соответствии с хронологией национально-освободительного движения. Это позволит, в частности, выявить пробелы в изучении отдельных стран и периодов, в границах которых шли процессы развития национально-освободительного движения. В связи с этим встает вопрос о научной периодизации национально-освободительного движения в странах Балканского полуострова. Основываясь на соображениях, которые содержатся в работах Г. Л. Арша, И. С. Достян, А. М. Станиславской,

¹ Державин Н. С. История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1948; История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 1. История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. I; Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965; Виноградов В. Н., Карпецченко Е. Д., Лебедев Н. И., Языкова А. А. История Румынии нового и новейшего времени. М.: Наука, 1964; История Румынии. 1848—1917. М.: Наука, 1971.

² История южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1957; 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1967. «Очерки по истории южных и западных славян» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1957) являются пособием для учителей средней школы.

³ Всемирная история. М.: Наука, 1958—1960, т. V—VII.

В. Г. Карасева и других, мы попытаемся дать общую схему развития национально-освободительного движения балканских народов, выделив в рамках рассматриваемой эпохи три периода.

Первый период охватывает конец XVIII — 30-е годы XIX в. В начале его признаки качественного перелома, обусловленного наступлением новой эпохи в истории Европы и новой фазы в общественно-экономическом развитии большинства балканских народов, только намечались. Но с начала XIX в. освободительное движение балканских народов приняло четко выраженные новые формы, новый характер и цели. Во главе борьбы народных масс становится новая социальная сила — национальная торговая буржуазия. Восстания против турецкой власти перерастают в национальные революции, превращаются в серьезный международный фактор.

Известно, что национально-освободительные движения на Балканах развивались несинхронно и с различной интенсивностью. В авангарде этой борьбы оказались сербы и греки, первыми среди балканских народов поднявшие знамя национальной революции. И. С. Достян⁴ впервые в советской историографии детально рассмотрела социально-экономические предпосылки Первого Сербского восстания (1804—1813), определившие характер сербской революции, ее буржуазно-демократическое содержание и последствия. И. С. Достян вскрыла совокупность причин, обусловивших широкий размах революционной борьбы в Белградском пашалыке в тот период, когда в других, экономически более развитых частях Европейской Турции национально-освободительное движение не набрало большой силы. Исследовательница проанализировала эволюцию политической программы сербского освободительного движения конца XVIII — первой трети XIX в. Неразрывную общность социально-революционной и национально-освободительной сторон Первого Сербского восстания, начало формирования основ буржуазного общества и национального государства показал В. В. Зеленин в первом томе «Истории Югославии» и ряде статей.

⁴ Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV—начало XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Она же. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972.

Необходимо также отметить, что в книге И. С. Достян «Россия и балканский вопрос» впервые дана сравнительно-историческая характеристика освободительного движения всех балканских народов в конце XVIII — первой четверти XIX в.

Работ по новой истории Греции пока немного, но они отличаются высоким профессиональным уровнем. В книге А. М. Станиславской⁵ наряду с другими проблемами дана общая характеристика греческого национально-освободительного движения конца XVIII — начала XIX в., показано значение Ионической республики (1798—1807) как первого греческого государства нового времени.

Г. Л. Арш дал детальный и углубленный анализ многих узловых вопросов борьбы греков за национальную независимость. Материал его многолетних изысканий наиболее полно суммирован в его монографии «Этеристское движение в России» (М.: Наука, 1970). Впервые в советской историографии Г. Л. Арш прослеживает историю создания и деятельности «Филики Этерии», показывает ее национальную сущность, социальную природу, борьбу в рамках этой организации различных политических направлений. Автор анализирует социальную структуру населения Греции и греческих колоний за рубежом, обуславивших подъем греческого освободительного движения и переход его на новый этап в конце XVIII в. Г. Л. Арш показывает, что греческая революция оказала огромное воздействие на Балканы. Вместе с сербской национальной революцией 1804—1813 гг. она открыла для балканских народов эру национального освобождения⁶.

Значительные успехи за последние два десятилетия достигнуты советскими учеными в разработке проблем новой истории Румынии. Помимо двух коллективных трудов вышло в свет большое количество исследовательских статей, монографий⁷. В этих исследованиях рас-

⁵ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в.: Политика России в Ионической республике. 1798—1807. М.: Наука, 1976.

⁶ См. также: Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М.: Наука, 1976.

⁷ Виноградов В. Н. Россия и объединение Румынских княжеств. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969, и др.

смотрены особенности положения Дунайских княжеств, в течение столетий пользовавшихся в Османской империи автономными правами, раскрыты внутренние предпосылки обострявшейся борьбы, сложная расстановка классовых сил, разнообразие общественных группировок, препятствовавшее складыванию единой политической программы национально-освободительного движения, показана роль России в создании основ для образования единого независимого румынского государства.

Второй период национально-освободительного движения на Балканах можно датировать 40—70-ми годами XIX в. Он характеризуется нарастанием мощного подъема борьбы балканских народов против чужеземного ига, отличается большим разнообразием идеологических течений, политических программ, непосредственных практических задач движения. Для одних стран речь шла о международном признании фактической независимости (Черногория), для других — о завершении процесса национального объединения, ликвидации остаточных прав Порты на вмешательство во внутреннюю жизнь молодых балканских государств (Сербия, Греция, Румыния), наконец, о прямой борьбе за национальную свободу и независимость (Болгария, Босния, Герцеговина, Албания и др.).

Данный период изучен в советской историографии весьма неравномерно. В упомянутых выше работах по истории Румынии достаточно четко представлено социально-экономическое положение в Дунайских княжествах в эти десятилетия, проанализировано революционное и национально-освободительное движение в Молдове, Валахии и Трансильвании пакануне и в период революции 1848—1849 гг., показана расстановка классовых сил, выявлены причины сравнительно умеренной позиции буржуазии и т. д. В. Н. Виноградов обращал внимание на узловые проблемы румынской истории после революции 1848 г.: необходимость, с одной стороны, объединения Дунайских княжеств, создания единого румынского государства, завоевания национальной независимости, с другой — проведения буржуазных социально-экономических и политических преобразований⁸. Совокупность

⁸ Виноградов В. Н. Узловые проблемы истории Румынии в середине XIX в.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука. 1974.

этих проблем исследована В. Н. Виноградовым, В. Я. Гроздулом, Е. Е. Чертаном.

Советские историки обращались к истории Критского восстания 1866—1869 гг., которое вызвало движение в Эпире и Фессалии, патриотический подъем в Греции и оказало революционизирующее влияние на балканские народы. Впервые (в связи с рассмотрением позиции России) эти события были исследованы И. Г. Сенкевич⁹. О национальных задачах Сербского княжества в 40—70-е годы XIX в., его роли в освободительной борьбе балканских народов того времени, сложных и трудных путях к завоеванию независимости в 1878 г. дают представление отдельные статьи, а также разделы в «Истории Югославии» (В. Г. Карасев, В. И. Фрейдзон). Борьбу Черногории за государственную независимость в течение многих лет исследовала Н. И. Хитрова¹⁰.

Национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине, достигшее кульминации в восстании 1875—1878 гг., всколыхнувшем все Балканы и положившем начало Восточному кризису 70-х годов XIX в., до сих пор не изучено монографически. Имеющиеся работы — статьи Е. В. Елисеевой в трудах Томского государственного университета (т. 136, 150, 165, 167), главы в первом томе «Истории Югославии», написанные Н. П. Даниловой, далеко не исчерпывают темы. Этот вывод не снимает книга В. Д. Кондратьевой, посвященная социальному-экономическим предпосылкам восстания¹¹, и статьи Д. Ф. Поплыко о Васо Пелагиче.

Рассматриваемый этап был решающим в судьбах болгарских земель. Надо сказать, что история болгарского национально-освободительного движения давно и плодотворно изучается нашими учеными. Первым в советской историографии разработку этой проблемы начал академик Н. С. Державин. Новый вклад в исследование поднятых вопросов внес С. А. Никитин¹². Он дал верную

⁹ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание. М.: Наука, 1970.

¹⁰ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения. 50—70-е годы XIX в. М., 1978.

¹¹ Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М.: Наука, 1971.

¹² История Болгарии, т. 1, гл. IX, X; Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970.

характеристику социально-экономического развития Болгарии в конце XVIII—70-х годах XIX в., расстановки классовых сил, роли болгарской буржуазии в национально-освободительном движении, четко выделил два главных его направления (буржуазно-либеральное и революционно-демократическое). Ряд статей С. А. Никитина имеет общебалканское направление. Автор рассматривает в них важные моменты борьбы за национальную независимость народов Болгарии, Сербии, Черногории, Дунайских княжеств, Крита.

Большой интерес представляет сборник монографических статей В. Д. Конобеева¹³. Главная заслуга автора заключается в анализе формирования политической программы болгарского национально-освободительного движения во второй половине XVIII—первой половине XIX в., новом представлении о масштабах и значении болгарского национально-освободительного движения в 1806—1813, 1828—1829 и 1853—1854 гг. Однако некоторые положения книги (о степени организованности выступлений народных масс в первой половине XIX в., о программных требованиях национальной автономии Болгарии) требуют определенной корректировки.

Представление о решающем, революционном этапе борьбы болгарского народа за национальную независимость в 60—70-е годы XIX в., о развитии болгарского национально-освободительного движения в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг. значительно расширяют исследования С. И. Сидельникова, В. П. Чорния, А. А. Улуняна¹⁴.

В 40-е годы XIX в. в борьбу балканских народов за национальную независимость включились албанцы. Предпосылки национальной консолидации албанцев, зарождение и развитие албанского национально-освободительного движения, его особенности проанализированы в работах Г. Л. Арша и И. Г. Сенкевич¹⁵.

¹³ Конобеев В. Д. Българското националоосвободително движение: Идеология, программа, развитие. София, 1972.

¹⁴ Сидельников С. И. Болгарский революционный центральный комитет. 1869—1872. Харьков, 1970; Чорний В. П. Апрельское восстание 1876 г.: Героическая эпопея болгарского народа. Львов, 1976; Улунян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М.: Наука, 1971; Он же. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М.: Наука, 1978.

¹⁵ Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в. М.:

Для этого периода выявлен также большой новый документальный материал. Он относится преимущественно к 60—70-м годам XIX в. Особено важное значение имеет фундаментальная публикация документов, подготовленная совместными усилиями советских и болгарских ученых¹⁶.

Задачи национально-освободительного движения на Балканах в третий период — 80-е годы XIX — начало XX в. — определялись необходимостью завершения национального освобождения балканских народов и создания независимых объединенных национальных государств. В новой исторической обстановке, сложившейся после событий 70-х годов XIX в., в условиях перехода капитализма в империалистическую стадию, слабости демократических сил и усилившегося вмешательства крупных европейских империалистических держав, национальный вопрос на Балканах решался преимущественно с помощью политических комбинаций и войн, возглавляемых националистической буржуазией и монархами балканских государств.

В изучении этого периода советской исторической наукой сделано пока немного. Общая характеристика событий 1885 г. в Болгарии, усилившегося в начале XX в. национально-освободительного движения на остававшихся под властью Османской империи европейских территориях (Македонии, Албании и др.), Балканских войн 1912—1913 гг., положивших конец владычеству султанской Турции над народами Балкан, даны К. Л. Струковой, И. Г. Сенкевич и М. А. Бирманом в обобщающих трудах по истории Болгарии, Югославии, Албании. Имеется несколько монографий, в частности, И. Г. Сенкевич, В. А. Жебокрицкого¹⁷. Следует также выделить труд И. С. Галкина¹⁸. Это первая советская обобщающая

Изд-во АН СССР, 1963; Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании; Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881). М.: Наука, 1965.

¹⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, т. I—III, 1961—1967.

¹⁷ Сенкевич И. Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959; Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн. Киев, 1960; Он же. Болгария во время Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961.

¹⁸ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960.

работа по истории национально-освободительной борьбы народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.

Подводя итог, можно сказать, что советскими славяноведами и балканистами сделан большой вклад в разработку проблемы национально-освободительного движения на Балканах в конце XVIII — начале XX в. Изучены основные черты социально-экономического развития балканских земель, показано значение борьбы народных масс, рассмотрен процесс формирования классов нового буржуазного общества, национальной идеологии, политических программ. Создана база для перехода к сравнительно-историческим исследованиям и сделаны первые шаги в этом направлении. В то же время ощущается настоятельная необходимость заполнить имеющиеся лакуны в исследовании отдельных стран и периодов. Особого внимания требует более детальное изучение вопросов идеологии и программ национально-освободительных движений, ряда аспектов социально-экономического развития, расстановки классовых сил.

Т. М. Исламов, В. И. Фрейдзон

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(КОНЕЦ XVIII — 70-Е ГОДЫ XIX В.)

Мы остановимся на некоторых общих для всего региона проблемах, в изучении которых в Институте славяноведения и балканстики АН СССР в последнее время получены определенные результаты; при этом были учтены также важные достижения историков социалистических стран, равно как и новейшие работы представителей буржуазной историографии.

Внимание ученых было сосредоточено на изучении общего и особенного в освободительных движениях народов Австрийской империи, прежде всего их идеологий и программ. В связи с этим были рассмотрены проблемы периодизации истории региона, типологии освободительных движений на основе исследования социальных структур отдельных народов и эволюции этих структур примерно в течение столетия (имеются в виду два основных типа движений в зависимости от того, существовало или отсутствовало национальное дворянство); проблемы изменения форм освободительных движений в зависимости от социальных структур последних, а также в связи с характером социально-экономического и политического строя империи, социальным содержанием национального гнета, международными условиями и др.; изучались проблемы соотношения и взаимосвязи социального и национального в освободительных движениях на разных этапах. Для решения перечисленных вопросов основное значение приобретало выяснение роли отдельных классов и общественных слоев в освободительных движениях в разные периоды, а именно: разных групп дворянства, крестьянства, городских мелких производителей, полупролетариата, формирующихся классов буржуазии и пролетариата. В связи с этим в области изучения идеологических основ движений важное место заняла оценка исторического места и значения так называемой национальной идеологии — национализма, критика его с позиций историзма,

и далее — рассмотрение вопроса о распространении интернационалистических идей. Наконец, одним из объектов исследования был процесс формирования наций в «австрийском» регионе с учетом многообразных факторов, воздействовавших на этот процесс: социально-экономических, территориальных, политических, культурных, в частности, традиций, особенностей этнического самосознания у славянских и других народов.

При изучении прошлого народов Австрийской империи авторский коллектив руководствовался марксистско-ленинским положением о диалектике взаимодействия социального и национального в историческом процессе. Решающую роль в истории играют, как известно, социально-экономические факторы и борьба классов. Вместе с тем существенное воздействие на процессы, происходящие в социально-политической и идеологической сферах, оказывают этнические (национальные) факторы.

Результаты исследований наряду с целым рядом других работ изложены в двух коллективных монографиях «Освободительные движения народов Австрийской империи», которые в настоящее время готовятся к изданию.

Изучаемый отрезок времени состоит из трех периодов, содержание которых составляют кризис феодальной формации (последние десятилетия XVIII — 40-е годы XIX в.), буржуазная революция 1848—1849 гг., утверждение капитализма в Австрийской империи (50—60-е годы XIX в.).

Отметим наиболее существенные из результатов, изложенных в названных трудах. Для периода, предшествующего революции 1848 г., важное значение имеет исследование «предвозрожденческого» этапа, идейных связей народов региона с общественной мыслью других стран Европы, распространения идей Просвещения, их своеобразного преломления в условиях отсталой в социально-экономическом отношении Австрийской империи (с этим связано влияние в первую очередь политически более умеренной немецкой разновидности идеологии Просвещения, а не более радикальной французской). Удалось раскрыть непосредственное воздействие Великой Французской революции, в частности якобинской диктатуры, как на общественную мысль, так и на освободительное движение прежде всего итальянского, венгерского и польского народов, интересы освободительной борьбы ко-

торых наиболее остро сталкивались с габсбургским абсолютизмом.

Национально-освободительное движение части народов, входивших в состав габсбургской империи, в первой половине XIX в., а частично и позднее находились на «культурно-языковом» этапе. В связи с этим возник вопрос об освещении проблем культуры в труде, имеющем общеисторический характер. То обстоятельство, что здесь, хотя бы и кратко, рассматриваются проблемы формирования национальных литературных языков, развития науки и художественной культуры, казалось бы, дает некоторые основания считать монографию исследованием комплексного характера. Но все указанные проблемы рассмотрены лишь историками и в той мере, в какой эти проблемы являлись элементом — содержанием и формой — национального движения. У одних народов эти проблемы выдвигались с самого начала возникновения национальных движений, переплетались с непосредственно политическими и социальными требованиями, у других же составляли самостоятельный этап, предшествовавший политическому. Правда, эта «самостоятельность» не означает, например, что собирание и публикация произведений народного творчества, кодификация общенационального литературного языка и применение его в письменности, устройство музеев, читален, издание исторических источников и вообще обращение к прошлому народа, появление художественных произведений на национальном литературном языке и, наконец, борьба за свободу развития национальной культуры объективно не имели политического и даже социального содержания. Наоборот, это было формой борьбы против монополии феодально-дворянских и вообще инонациональных кругов в сфере культуры и не только культуры: имеются прямые указания на то, что нередко борьба «за права языка» увязывалась с задачами развития национальной экономики и политической жизни. Выдвижение требований о правовых гарантиях развития национальной культуры имело уже открыто политический характер. Так движение, условно называемое «культурным», перерастало в непосредственно политическое.

Этой особенностью, в частности, объясняется то, что в изучении истории первой половины XIX в. столь большое место занимают историко-культурные проблемы.

Кроме того, рассматриваются вопросы этнического самосознания и эволюция идеологии национальных движений. В последующих разделах, наоборот, преобладающее внимание уделено социально-политической проблематике. Это понятно, если учесть, что борьба за решение тех или иных культурных задач шла в рассматриваемые здесь десятилетия непосредственно в рамках общественно-политического движения.

При изучении политической борьбы во время революции 1848—1849 гг. отправной точкой было теоретическое положение классиков марксизма-ленинизма о национальных, народных войнах как форме освободительного движения, и с этой точки зрения рассматривались все классовые, социально-политические взаимоотношения в рамках отдельных наций в конкретных революционных условиях. Национальные программы и политические движения анализировались с точки зрения их соответствия как общему направлению общественного прогресса отдельных народов, так и решения общедемократических задач революционных движений на всем Европейском континенте.

Для выяснения характера освободительных движений в период утверждения капитализма (третья четверть XIX в.) особое значение имела проблема соотношения социальной борьбы масс и национальных движений. В этой связи рассмотрены взаимоотношения революционных демократов и буржуазных революционеров в ходе борьбы за национальную независимость (вопрос о сотрудничестве и противоборстве между ними). Изучение начала рабочего движения и распространения интернационализма показало, что освободительные движения угнетенных наций, направленные против власти помещичье-капиталистической олигархии (за демократию и национальное равноправие или за независимость), объективно способствовали созданию лучших условий для укрепления и более свободного развития буржуазных отношений и вместе с тем для развития рабочего класса и его борьбы за свои социальные интересы. Экономическая и политическая борьба рабочего класса, в свою очередь, ускоряла общественный прогресс, прямо или косвенно содействовала национально-освободительным движениям. Мы не считаем, что сумма этих вопросов, имевших место в конкретных условиях габсбургской монархии, исследова-

на в полной мере, тем не менее сделана попытка показать взаимосвязь между освободительными движениями отдельных народов и интернациональным социалистическим движением сознательного рабочего класса. Пролетариат господствующей австронемецкой, а с 1867 г. и венгерской нации объективно был заинтересован в поддержке со стороны угнетенных народов и ввиду своих собственных интересов, с точки зрения интернационализма, не должен был игнорировать национально-освободительную борьбу. Указания методологического характера по этому вопросу имеются в сочинениях основоположников научного коммунизма.

Наиболее ярко возможность и необходимость гегемонии рабочего класса в общедемократическом движении была продемонстрирована в ходе первой русской революции 1905—1907 гг., опыт которой теоретически был обобщен В. И. Лениным. Такая же задача стояла перед рабочим классом Австро-Венгрии в рассматриваемый нами период, однако в силу ряда условий (сравнительная немногочисленность крупнопромышленного пролетариата, неразвитость его организаций, недостаточная теоретическая разработанность проблем соотношения социального и национального, доктринерский подход к проблеме интернационализма со стороны ряда лидеров рабочего движения, живучесть шовинистических и националистических настроений и др.) она не получила должной разработки и осуществления, хотя в 1874 г. и была принята программа социал-демократической партии, содержавшая пункт о признании права наций на самоопределение.

Представляет интерес, на наш взгляд, попытка сравнительно-исторической характеристики развития Австрии и России в период утверждения капитализма. В России в пореформенный период либерализм всегда отличался политическим бессилием. В Австрийской же империи объективное соотношение сил абсолютизма и либерализма было иным. Здесь либеральное дворянство и буржуазия опирались на быстро возраставшую экономическую основу и действовали в обстановке, когда народные массы, демократия, революционные течения не обладали значительной силой. В этой ситуации либералы — австронемецкие и особенно в среде угнетенных наций (до 1867 г. — венгры прежде всего) — упорно отстаивали свои интересы, не шли на капитуляцию перед абсолютизмом и доби-

лись нужного им результата, т. е. компромисса, ограниченного их классовым интересом, соглашения, которое легло в основу социально-политического строя дуалистической Австро-Венгрии.

Осуществление указанных исследований стало возможным в результате сотрудничества специалистов института и научных учреждений Москвы, Ленинграда и Львова (ученые из этих городов составили авторский коллектив монографии, посвященной Австрийской империи; в рецензировании же и обсуждении рукописи монографии приняли участие ученые Киева, Львова, Ужгорода, Винницы, а также специалисты Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии).

Одной из задач, требующих внимания сравнительно-исторического, комплексного является, например, периодизация процесса формирования наций в зависимости, во-первых, от социально-экономической эволюции региона в целом; во-вторых, от изменения социальной структуры данной нации; в-третьих, от формирования национального самосознания. Необходимо углубленное сравнительно-историческое изучение воздействия формированвшегося рынка многонационального государства на позицию различных классов угнетенных народов, на отражение их интересов в программах общественных движений и в национальном сознании. Уже накопленный опыт изучения этих вопросов показывает, что у народов, оставших в социальном развитии, появление буржуазных идей предшествовало складыванию соответствующей социально-экономической структуры, т. е. значение разного рода внешних контактов возрастило. Серьезного внимания заслуживает слабо изученный вопрос о формировании национального рынка в условиях многонационального государства. Немало проблем возникает при выявлении существа отмеченного В. И. Лениным процесса складывания «буржуазных связей» как основы сплочения нации. Следует продолжать выяснение вопроса о том, всегда ли наличие территориально-экономической общности является критерием возникновения и развития буржуазной нации в многонациональном государстве. Необходимо изучение иных побудительных причин формирования национального сознания и национальных программ.

Важные проблемы возникают при рассмотрении роли отдельных классов в процессе формирования наций и

идеологии освободительных движений. Например, мы полагаем, что не вполне изучено значение феодально-дворянской государственной традиции как компонента формирующейся буржуазной национальной идеологии. Не удовлетворяет и состояние наших знаний конкретного материала, освещавшего характер сознания народных масс и значение народной культуры в формировании наций, а также воздействия классовой борьбы крестьянства и пролетариата на этот процесс. Вопросы, встающие здесь перед исследователем, непросты. Для их изучения как раз и необходим комплексный подход, предусматривающий привлечение данных истории, этнографии, фольклора, художественной литературы и других материалов. Следует продолжать изучение роли отдельных слоев национальной буржуазии и мелкой буржуазии в общественных движениях как до, так и после революции 1848 г. Необходим аргументированный ответ на вопрос, во всех ли случаях была исчерпана прогрессивность буржуазии или других выполнявших ее функции социальных слоев после того, как в рамках данного государственного организма в основном утвердились буржуазные отношения при сохранении существенных пережитков феодализма в экономике и социальной структуре общества.

Что касается более раннего периода, то, как свидетельствует обсуждение этих вопросов в советской и зарубежной историографии, до сих пор еще не вполне ясны и обоснованы хронологические рамки периода кризиса феодальной формации в Австрийской империи. Это понятие подчас подменяется понятием «кризис абсолютизма», что, конечно, не одно и то же.

Наконец, следует продолжать сравнительное исследование социально-экономических и политических процессов, приведших в конечном счете к распаду Австрийской и Османской империй, принимая, конечно, во внимание очень большое различие между ходом событий в каждом из этих регионов.

Как видно из сказанного, изучение «австрийского» региона дает основу для сравнений его с другими регионами восточной части Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы¹. Здесь можно обнаружить немало общего и особенного и тем самым продвинуться в изучении закономерностей исторического развития всего указанного территориального комплекса. Очевидно, это является одной из задач историков на более длительный период.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Формирование наций — фокус всех основных процессов, происходивших в период перехода от феодализма к капитализму, — процессов экономических, социальных, политических, идеологических, культурных. Уже это само по себе определяет сложность этого явления. Эту сложность еще больше усиливает факт взаимовлияния отдельных сторон процесса формирования нации, обуславливающий в результате его специфику.

Изучение этой проблемы требует исследования ее различных аспектов как в отдельности, так и в целом, в их взаимодействии, т. е. исследования своеобразия этого процесса у различных народов, выявления его общих и специфических черт и проведения затем на этой основе типологических сопоставлений в масштабах всего региона. Базой для таких комплексных исследований является разработка важнейших вопросов как в рамках одной нации, так и Центральной и Юго-Восточной Европы. К ним относятся прежде всего: генезис капитализма и развитие капиталистической экономики, складывание национального рынка; кризис сословной структуры и формирование классов буржуазного общества, расширение сферы действия буржуазного права собственности; становление и развитие буржуазной, буржуазно-демократической и революционно-демократической идеологии; распространение просвещения, демократизация культуры и формирование национальной культуры; складывание национального самосознания, развитие национально-освободительной борьбы и национальной государственности¹.

К числу наиболее разработанных на сегодняшний день можно отнести идеологический и общественно-

политический аспекты (вопросы развития общественной мысли, эволюции идеологических программ, идейно-политической борьбы). Применительно к польской нации здесь можно назвать исследования И. М. Белянской, В. А. Дьякова, С. М. Фалькович, Г. И. Маражова, Б. С. Попкова, О. П. Морозовой, Т. Ф. Федосовой. Тот же круг проблем освещен в работах, посвященных идеологическим и политическим проблемам чешской (И. И. Удальцов, А. С. Мыльников), словацкой (Л. П. Лаптева), румынской (В. Н. Виноградов, Э. А. Джапаридзе, С. А. Мадиевский), венгерской (Т. М. Исламов), греческой (Г. Л. Арш) наций, вопросам истории общественной мысли и политической истории народов Югославии (В. Г. Карасев, И. И. Лещиловская, Д. Ф. Поплыко, К. Л. Струкова, И. В. Чуркина, В. И. Фрейдзон).

Значительная степень разработанности отличает и такие крупные проблемы, как вопросы национально-освободительной борьбы, общественных и революционных связей народов региона. Изучением особенностей национально-освободительного движения и его роли в процессе формирования наций занималась большая группа исследователей (Г. Л. Арш, Л. В. Баженов, В. Н. Виноградов, И. С. Достян, В. А. Дьяков, И. С. Миллер, В. Д. Конобеев, И. И. Лещиловская, А. А. Улуниан, В. И. Фрейдзон и др.). Эта тематика отражена также в тематических сборниках, вышедших под редакцией И. С. Миллера о польском восстании 1863 г. и польско-русских революционных связях).

Большое внимание в последнее время советские ученые уделяют изучению особенностей национальной культуры народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, развития их национального самосознания как важных проблем в исследовании процессов формирования нации. Это нашло отражение в подготовке ряда монографий, посвященных вопросам культуры и искусства чешского (И. Ф. Бэлза, В. Егорова, А. С. Мыльников, Н. А. Прокофьева, Л. Н. Титова, Л. П. Солнцева, Н. А. Полякова), словацкого (И. А. Богданова, Л. П. Лаптева), польского (И. Ф. Бэлза, Б. И. Ростоцкий, Л. И. Тананаева, И. И. Свирида), болгарского (Е. П. Львова), венгерского (А. А. Гершкович) и других народов исследуемого

¹ В нашей статье изучению проблем национальной культуры, национальной государственности и национально-освободительной борьбы уделено меньше внимания в связи с наличием статей, специально посвященных этой проблематике.

региона. Эти исследования, проводившиеся нередко на стыке различных областей культуры и тесно соприкасающиеся с исследованиями литературного процесса и процесса развития национальных языков в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, цепны не только детальной разработкой отдельных вопросов. Ряд авторов, не ограничиваясь рамками одной страны, дают типологические наблюдения и выводы. Такой характер носят, в частности, работы И. А. Богдановой, А. В. Липатова, А. С. Мыльникова, посвященные эпохе Просвещения.

Гораздо менее разработаны вопросы социально-экономического развития стран данного региона. Проблемы социально-экономического развития рассмотрены в исследованиях И. И. Костюшко, В. А. Якубского, В. М. Зайцева для Польши, В. Н. Кондратьевой, Е. П. Наумова, И. И. Лещиловской, В. И. Фрейдзона для сербо-хорватских земель, Я. С. Гросула для Румынии, В. Д. Конобеева для Болгарии, К. П. Гогиной и А. С. Мыльникова для Чехии и др. При разработке социально-экономических аспектов проблемы формирования наций нужно обратить особое внимание на роль экономического фактора в тех странах, где существовало «второе издание крепостничества». Требует выяснения вопрос об особенностях и сроках складывания национального рынка у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Недостаточно изучена специфика формирования структуры нового, буржуазного общества у этих народов, в частности, в условиях наличия или отсутствия «своего» господствующего класса. Следовало бы большее внимание обратить на изучение проблемы национальной государственности как существенного фактора развития нации. За малым исключением такие работы фактически отсутствуют. Правда, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в настоящее время осуществляется подготовка коллективного труда «Россия и становление болгарской государственности» (отв. редактор В. Д. Конобеев). Однако разработка этого и других государственно-правовых вопросов эпохи становления наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы должна, несомненно, быть усиlena, и здесь вполне возможно подключение специалистов соответствующего профиля, так же как

сравнительно-историческое исследование социально-экономического развития предполагает координацию усилий историков с экономистами и социологами.

Необходимо отметить, что уже сейчас исследование комплексной проблемы формирования наций осуществляется общими силами ученых — историков, литературоведов, лингвистов, историков культуры. В работе участвуют как научные коллективы, так и отдельные исследователи из институтов АН СССР, республиканских академий наук и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Кишинева, Минска, Воронежа, Куйбышева, Харькова, Каменец-Подольска, Гомеля, Ивано-Франковска и других городов. Задача секции «Проблемы формирования наций Центральной и Юго-Восточной Европы» Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики состоит в том, чтобы координировать работу этих исследователей, четко наметить место исследуемых ими вопросов в разработке проблемы формирования наций, расширять круг специалистов, привлекаемых к исследованию «белых пятен», т. е. вопросов, освещение которых необходимо для решения общей проблемы. Достигнутый уровень разработки позволяет уже теперь ставить и решать задачи более высокого порядка, и прежде всего задачу многоаспектного комплексного анализа национальной проблематики для каждого из народов исследуемого региона. Одной из первых работ в этом плане явилась статья И. С. Миллера «К вопросу о формировании польской буржуазной нации» (1952). В настоящее время коллективом Института славяноведения и балканистики сделан новый шаг в этом направлении. Ведется работа по подготовке ряда коллективных трудов, посвященных комплексному анализу процесса формирования нации в одной стране. Это коллективные монографии: «Польша на путях перехода от феодализма к капитализму» (отв. ред. С. М. Фалькович); «Основные проблемы истории Венгрии в период перехода от феодализма к капитализму» (отв. ред. Т. М. Исламов); «Чешская нация на заключительном этапе ее формирования (40—60-е годы XIX в.)» (отв. ред. К. П. Гогина). В их написании принимают участие историки, историки культуры, литературоведы, искусствоведы, лингвисты. Монографии призваны осветить комплекс основных

проблем формирования наций — экономических, социальных, государственно-правовых, политических, идеологических и культурно-языковых. При этом большое внимание будет уделено уточнению периодизации процесса формирования отдельных наций, изучению роли так называемого ядра нации. Анализу подвергнутся такие вопросы, как значение фактора территориально-экономической общности, специфика формирования нации в условиях расчленения национальной территории. Комплексное исследование процессов национальной консолидации у отдельных народов региона предполагает решение существенных вопросов, связанных с государственно-правовым фактором, — выяснение особенностей формирования и развития нации при наличии или отсутствии самостоятельного государства и правовых институтов, выявление закономерностей национального развития отдельных народов в составе многонационального государства и т. п. Создание вышеуказанных коллективных монографий даст возможность ответить и на многие вопросы соотношения социальной и национальной структуры складывающегося в каждой стране буржуазного общества, в частности, осветить такой дискуссионный вопрос, как значение для формирования наций национальной принадлежности господствующего класса. Необходимую ясность должны получить и вопросы формирования и развития национальной идеологии и национального самосознания: роль этнических моментов и феодально-дворянской сословной идеологии, исторических традиций самостоятельной государственности, влияния формирующегося классового самосознания и классовой борьбы. Важной задачей исследователей будет изучение вопроса о характере и формах распространения национального самосознания среди различных классов и социальных слоев.

Как видно, труды по проблеме формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе эпохи перехода от феодализма к капитализму призваны не только дать целостную картину локальных процессов, но и внести новые наблюдения и выводы для сравнительно-исторического изучения в этом плане всего региона.

Исследование важных аспектов общей проблемы на материале этого региона уже начато. Среди опубликованных и находящихся на разных стадиях подготовки

коллективных и индивидуальных работ сравнительно-типологического характера преобладают работы по проблемам культуры, в которых прослеживается общее и особенное в процессе формирования национальных культур: изучается связь культурных факторов с утверждением национального самосознания, с различными формами национально-освободительного движения, анализируется роль национальных контактов в развитии искусства, определяется место, которое занимали вопросы борьбы за единый национальный язык.

Два крупных коллективных труда Института славяноведения и балканстики АН СССР, в настоящий момент готовящиеся к печати, имеют особое значение, так как они означают принципиальный шаг вперед в деле создания сравнительно-исторических трудов на материале ряда народов. Так, в центре внимания авторов коллективной монографии «Освободительные движения народов Австро-Венгерской империи» — анализ идеологических основ и программ национально-освободительных движений в зависимости и в связи с их общественной основой и политико-экономической ситуацией. Рассмотрена роль классов и социальных слоев в общественном движении; много места уделено проблематике формирования наций у народов Австро-Венгерской империи.

Вторая из вышеупомянутых работ — тематический сборник «Социальные структуры формирующихся наций в Центральной и Юго-Восточной Европе». В нем будет дана общая характеристика эволюции социальных структур феодального общества в процессе его преобразования в буржуазное, показана специфика развития дворянства, крестьянства, формирования интеллигенции, буржуазии и пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, выявлены особенности развития социальных структур в отдельных странах и зонах региона. Это один из немногих типологических трудов по историко-социальным проблемам в масштабах всего изучаемого региона, и дальнейшая разработка этих вопросов должна быть продолжена. Представляется также, что, углубляя работу по созданию историко-культурных и лингвистических трудов сравнительного характера, нужно активизировать в этом плане усилия историков, обращая внимание в первую очередь на те аспекты, которые более разработаны

для отдельных стран и, следовательно, лучше обеспечены материалом для сравнения и обобщения.

Более высокая ступень в исследовании рассматриваемой проблемы — создание синтетических комплексных трудов по формированию наций народов всего региона. Широкие обобщения такого характера были сделаны в статьях С. А. Никитина (по южнобалканским странам) и И. С. Миллера (где проблема формирования наций рассматривалась для всего региона в ряду других проблем переходного периода). Первым опытом комплексного подхода к изучению проблемы в целом является подготовленный в Институте славяноведения и балканистики коллективный труд «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе». Он посвящен различным аспектам формирования наций в переходный период от феодализма к капитализму: общесторическим, языковым и историко-культурным. В книге дан сравнительный анализ процессов формирования польской, чешской, словацкой, венгерской, сербской, болгарской и румынской наций. Рассмотрен широкий круг вопросов: генезис капитализма и смена феодальных отношений капиталистическими, формирование новой, буржуазной структуры общества, классовая борьба и национально-освободительное движение, формирование национальной идеологии и национального самосознания, важные аспекты эволюции общественной мысли и национальной культуры, становление и роль национальных литературных языков.

В дальнейшем нужно иметь в виду создание более полного сравнительно-исторического и типологического исследования. Для реализации этой задачи, в частности, на будущее пятилетие Институт славяноведения и балканистики АН СССР планирует подготовку коллективной монографии на тему: «Основные проблемы развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму». Проблема формирования наций в этом труде будет одной из главных.

Говоря о перспективах работы, нужно учитывать, в первую очередь, насущную необходимость разработки методики исследования проблемы формирования наций. Заслуживает внимания и задача разработки терминологических вопросов, в частности, требует уточнения

термин «возрождение». Как уже отмечалось выше, следует продолжить углубленную разработку общей проблемы за счет более детального исследования и уточнения отдельных вопросов переходного периода. Представляется оправданным исследование процесса формирования наций в более широких хронологических рамках: подключение ранних и позднейших периодов для изучения генезиса процесса и его результатов, выявления постепенности накопления отдельных элементов национальной эволюции и специфики запоздалого завершения процесса формирования некоторых наций в условиях иной исторической эпохи. Речь идет о периоде перерастания капитализма в империалистическую стадию и связанных с этим качественно новых противоречиях, о таких признаках нации, как, например, национальная государственность, компактная национальная территория и пр.

Необходимость более широкого рассмотрения процесса формирования наций во времени подтверждается и аналогичной постановкой данной проблемы учеными ряда стран изучаемого нами региона. Не лишним будет подчеркнуть, что в европейских социалистических странах исследователи сталкиваются с такими же проблемами и ставят перед собой те же задачи, что и советские ученые. Поэтому разрабатывать проблему формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы можно и нужно в тесном взаимодействии с зарубежными коллегами, творчески используя накопленный ими материал, выводы и обобщения.

И. И. Лещиловская

ОСВЕЩЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ОБЩЕИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ

Культура как специфический способ человеческой деятельности все больше привлекает внимание исследователей разных отраслей научных знаний. Глубокое и всестороннее познание истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы невозможно без изучения духовной культуры как ее неотъемлемой части. В силу этого назрела необходимость проанализировать освещение истории культуры эпохи перехода от феодализма к капитализму и формирования наций в обобщающих исторических трудах, вышедших в СССР и зарубежных социалистических странах в последние десятилетия¹. Это будет способствовать выработке принципов изучения истории культуры в целом, выяснению оптимального способа ее познания, а также определению путей комплексного исследования исторического процесса в названном регионе.

В наши дни складывается новый подход к истории культуры, которая как самостоятельное научное направление обладает своей особой методикой исследования. Выясняются методологические и теоретические проблемы культуры, уточняется понятийный аппарат, определяются основные исследовательские задачи. Над этим усиленно работают представители разных наук: философы, социологи, теоретики культуры, историки и т. д. Многое, что касается изучения истории культуры, находится еще в стадии становления. Но твердо определился комплексный подход к исследованию духовной культуры как многогранной, но внутренне единой системы.

В рамках эпохи перехода от феодализма к капитализму исследование культуры имеет важное значение для понимания закономерностей формирования и развития капиталистических наций, этого важного процесса новой истории. Национальные особенности классо-

во противоречивой культуры входят в число признаков марксистско-ленинского определения нации².

Духовная жизнь этносоциальных организмов была важной сферой напряженных классовых столкновений, ареной противоборства передовых и реакционных сил. Идеи, теории, лозунги в первую очередь и непосредственным образом оформляли интересы, потребности и устремления борющихся классов, отражали процесс развития национально-освободительных движений. Без всестороннего анализа культуры трудно разобраться в процессе становления капиталистического общества в изучаемом регионе.

Культура была той специфической областью социальной жизни, где в XIX в. при всей сложности межнациональных отношений особенно интенсивно протекал процесс взаимообогащения народов. История культуры этого периода позволяет поэтому глубже раскрыть прогрессивные традиции взаимного сближения народов Центральной и Юго-Восточной Европы в контексте общеевропейского развития.

Среди советских общеисторических трудов, в которых освещаются вопросы культурного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы, можно назвать страноведческие исследования, многотомную «Всемирную историю» и учебники. Все труды по истории Польши, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Венгрии и Румынии содержат разделы, посвященные культуре³. В большинстве своем это были первые в историографии синтетические работы по истории и истории культур отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, основанные на марксистско-ленинской методологии. В этом их принципиальное, непреходящее научное значение. Разработанные советскими учеными концепции истории и истории культур народов региона сыграли важную роль в становлении марксистско-ленинской историографии в самих этих странах.

² Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М.: Политиздат, 1974, с. 23.

³ История Польши. М.: Изд-во АН СССР, т. I—II 1954—1955; История Болгарии. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. I; История Чехословакии. М.: Изд-во АН СССР, 1956—1959, т. I—II; История Югославии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 1; История Румынии. 1848—1917. М.: Наука, 1971; История Венгрии. М.: Наука, т. I—II, 1971—1972.

¹ Здесь и далее рассматривается только духовная культура.

В указанных коллективных трудах дана периодизация историко-культурного процесса для каждой страны, охарактеризованы его основные этапы, определены уровень культуры и достижения в духовной жизни на каждом из них, раскрыто своеобразие культуры отдельных народов. Страноведческие труды создавались в разное время, при неодинаковом уровне научных знаний в области теории и истории культуры, поэтому глубина научного анализа и степень обобщений были в них неодинаковыми. И тем не менее между этими исследованиями имеется много общего, что позволяет дать им целостную характеристику с точки зрения подхода к освещению истории культуры отдельных народов региона в период складывания наций.

Во всех работах в основу периодизации истории культуры положено деление исторического процесса на общественно-экономические формации. Четко обозначено решающее значение для развития культуры классовых взаимоотношений. Законы развития культуры рассматриваются в системе общих закономерностей исторического процесса.

Однако не во всех трудах и не на всех этапах культурно-исторического развития избранный принцип периодизации выдержан. Вряд ли можно согласиться с тем, что в «Истории Югославии», «Истории Венгрии» и «Истории Румынии» культура рассматривается в хронологических рамках 1848 г.—начала XX в. без учета всемирно-исторического рубежа 70-х годов XIX в. и без выделения культуры эпохи империализма.

Понятием «культура» в названных трудах охвачены наука, просвещение, литература, театр, изобразительное искусство, музыка и архитектура. Общественная мысль, мораль и другие компоненты духовной жизни обычно из сферы культуры исключаются. Среди некоторых исследователей еще бытует традиционное представление о культуре в ее двух или трех проявлениях — наука, просвещение и искусство⁴. Однако уверенно утверждает себя широкая трактовка духовной культуры с включе-

⁴ См., например: Мильников А. С. Эпоха просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М.: Наука, 1977, с. 6, 150; Он же. Культура как предмет исторического исследования.— В кн.: Методологические проблемы изучения культуры. Л., 1978, с. 53.

нием в нее «интериорного» общественного сознания как на идейно-теоретическом, так и общественно-психологическом уровнях⁵. В соответствии с главными формами общественного сознания в современной марксистско-ленинской культурологии различаются политическая (иногда — и мировоззренческая), нравственная, религиозная, эстетическая и другие сферы культуры⁶.

Сегментарное понимание культуры в рамках науки и искусства и притом только на уровне творческого процесса затрудняет выявление структурного элемента, обуславливающего специфику и целостность духовной культуры как системы, адекватное отражение ее действительной роли, места и значения в историческом развитии каждого народа, всестороннее раскрытие функционирования культуры, установление ее уровня в конкретном пространственно-временном континууме. Уровень культуры определяется не только объемом создаваемых в обществе духовных ценностей, но также степенью их распространения и глубиной проникновения в повседневную жизнь⁷.

В «Истории Болгарии», «Истории Чехословакии» и «Истории Югославии» фактический материал, касающийся культурного развития в период национального пробуждения, разбит между историческими и культурологическими главами. Так, в «Истории Болгарии» освещение зарождения и развития национально-освободительной идеологии, судеб новоболгарского литературного языка, становления национальной школы и т. д. дается в главах, посвященных национально-освободительному движению. Такая композиция позволяет тесно увязать разные аспекты исторической действительности с наиболее важными явлениями культурной жизни. Но, с другой стороны, она затрудняет раскрытие внутреннего развития духовной культуры.

⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 47; Ленинизм и национальный вопрос..., с. 294.

⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 49, 50; Основы марксистско-ленинской теории культуры. М.: Высшая школа, 1976, с. 75; Лукин Ю. А. Многогранная социалистическая культура. М.: Мысль, 1977, с. 6—7, 10, 27—35; Духовный мир развитого социалистического общества. М.: Наука, 1977, с. 44, 47; Волков Г. Возникновение марксизма и наследие духовной культуры.— Коммунист, 1978, № 7, с. 52, 53.

⁷ Духовный мир..., с. 57.

В «Истории Румынии», наоборот, глава «Наука и культура второй половины XIX — начала XX в.» вынесена в конец книги. Тем самым культура по существу изолирована от других явлений исторического процесса.

Но дело не столько в распределении материала и общей композиции работы, хотя это имеет известное значение в толковании истории культуры, сколько в определении круга проблем и направленности их исследования. Важная задача ученых в настоящее время — уяснить взаимодействие культуры с другими сторонами общественной жизни в переломный период истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, раскрыть роль культуры в процессе крушения феодальной формации и утверждения капитализма, в борьбе за национальное освобождение.

В названных трудах развитие культуры рассматривается по видам. Особенно явно очерковый стиль изложения проявляется в «Истории Венгрии» и «Истории Румынии», где главы о культуре разбиты на параграфы по отдельным областям культуры, слабо связанные между собой. История культуры с разных сторон изучалась и изучается литературоведами, театроведами, искусствоведами, музыковедами, фольклористами и другими специалистами. Такой подход отражает специфику соответствующих научных направлений и по существу представляет собой параллельное изложение знаний по отдельным областям культуры. Возможность изучения истории культуры по видам не исключается. Но культурология как самостоятельная область исторической науки в настоящее время вырабатывает свой путь изучения. Особенность современного метода исследования истории культуры состоит в комплексном подходе и восприятии ее как целостной триединой системы, включающей «духовное производство», распределение и потребление (освоение) результатов духовной деятельности⁸. При «поотраслевом» подходе к изучению культуры она на практике ограничивается творческим процессом, иногда затрагивается и область распределения культуры, однако эти сферы рассматриваются как самостоятельные. Точно так же отдельные виды культуры изолируются друг от друга. Все это

затрудняет раскрытие системообразующей структуры духовной культуры и взаимодействие ее функциональных элементов, оставляет в стороне некоторые важные стороны историко-культурного процесса⁹.

Ограниченност традиционной схемы изучения истории культуры явно видна, когда встает вопрос об историческом типе культуры. В рассматриваемых трудах качественные сдвиги в области культуры в конце XVIII—XIX в. правомерно связываются с развитием капиталистического общества и складыванием наций. Отмечаются изменения в отдельных областях культуры: создание светской школы, возникновение журнальной и газетной периодики, зарождение и развитие науки, стилевые движения в литературе, подъем светского искусства и т. д. Нет сомнения, что факты подобного рода должны иметь место в историко-культурных исследованиях. И тем не менее совокупность данных по отдельным областям культуры без их должного обобщения не дает представления ни о принципиальных отличительных чертах культуры буржуазного общества как о новом историческом типе культуры, ни о его локальном проявлении в условиях жизни народов восточноевропейского региона. Исторический («формационный») тип культуры характеризуется общественно-историческими, классовыми и этносоциальными признаками¹⁰. Переход к капиталистическому типу культуры, совершившийся у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII—XIX вв., неизбежно предполагал изменение идейного содержания, форм и социальной целенаправленности культуры.

В то же время противоречия переходного периода проявлялись в области культуры как борьба двух различных культурных систем. Взаимодействие отживающей феодальной культуры и крепнувшей капиталистической является одной из важных исследовательских проблем.

⁸ Метод освещения истории культуры «по отраслям» подвергался критике в советской культурологии, см.: Ким М. П. О культуре как предмете исторического изучения.— Вопросы истории, 1974, № 11, с. 33; Краснобаев Б. И. О некоторых понятиях истории русской культуры второй половины XVII — первой половины XIX в.— История СССР, 1978, № 1, с. 59.

¹⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 17; Духовный мир..., с. 39, 40.

⁸ Коммунизм и культура. М.: Наука, 1966, с. 33.

Зарождение и формирование национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе представлено в трудах в рамках общих закономерностей историко-культурного процесса с учетом их конкретного проявления в условиях той или иной общественной ситуации. И все же реальная связь между складыванием национальных культур и развитием наций отражена недостаточно. Это нашло проявление и в композиции. Так, в первом томе «Истории Чехословакии» имеются две самостоятельные, слабо связанные между собой главы: одна об образовании чешской и словацкой наций, другая — о развитии чешской и словацкой культур.

В исторических трудах такой необходимый компонент складывавшейся нации, как национальная общность культуры, по существу не раскрыт и не поставлен в связь с другими признаками новой социально-этнической общности. Важная исследовательская задача — уяснить содержание культурной национальной общности, формы ее проявления, пути складывания, тенденции развития в конкретных условиях жизни отдельных народов и, главное, показать формирование и функционирование национальной общности культуры в диалектическом единстве с углублением классовых различий внутри нее.

Национальные культуры, сменяя феодальную культуру, вместе с тем складывалась на базе достижений предшествующего культурного развития каждого из народов. Проблема культурной преемственности и наследия является одной из наиболее трудных для исследования. Предстоит еще большая работа, чтобы показать не только принципиальные отличия культуры нации от культуры народности в конкретных условиях жизни отдельных народов, но и проследить «связь времен».

В страноведческих исторических трудах содержится обильный материал о межнациональных влияниях и связях по отдельным видам культуры. Важной научной проблемой в настоящее время выступает взаимодействие целостных систем национальных культур внутри региона, а также в масштабах всей Европы. Изучение культурного прогресса отдельных народов в условиях перехода от феодализма к капитализму предполагает

познание и раскрытие национальной трансформации культурных достижений человечества.

Освещение культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период с конца XVIII в. до 1870 г. во «Всемирной истории» в определенной мере опирается на страноведческие исторические труды. Однако «поотраслевой» метод изучения истории культуры наложил отпечаток на характер разработки вопросов духовной культуры и в этом фундаментальном издании. В шестом томе имеются две обширные главы: «Литература и искусство в 1789—1871 гг.» и «Техника и естествознание в 1789—1870 гг.». В них дается широкая картина развития художественной культуры и естественных наук во всемирном масштабе на основе единства законов духовного прогресса человечества и своеобразия национальных форм проявления. Однако многие важные сферы духовной жизни народов интересующего нас региона не получили отражения, и культура представлена в нем только на уровне производства духовных ценностей, а не как органическое системное единство. Искусство и наука освещаются в томе параллельно с социально-экономическими, политическими, этническими и другими общественными явлениями, что создает величественную панораму человеческой деятельности. Но настало время переходить к более глубокому исследованию подвижного взаимодействия духовной культуры и других сторон жизни общества.

Идентичный взгляд на духовную культуру и ее место в историческом процессе прослеживается в вузовских учебниках¹¹.

Недостаточная разработанность теории культуры, потребность изучения развития отдельных видов ее на основе марксистско-ленинской методологии как предпосылка дальнейших обобщений, отсутствие разработанной концепции ее истории — эти обстоятельства сказались на освещении культуры в общеисторических трудах, вышедших в зарубежных социалистических

¹¹ Новая история. М.: Соцэкиз, 1958, т. II, 1789—1870; История южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1969; Новая история (первый период). М.: Высшая школа, 1972; Новая история. М.: Просвещение, 1972; ч. 1. 1640—1870; Новая история. М.: Высшая школа, 1976, т. I.

странах¹². Эти исследования отличаются объемом фактического материала по истории культуры, его удельным весом в целостной композиции отдельных работ, трактовкой некоторых общеевропейских или региональных культурных явлений и т. д. Но принципы освещения культуры в них сходные.

Итак, наряду с исследованием истории отдельных областей культуры, которое остается одним из путей научного познания духовной жизни общества, настало время обратить главное внимание на более широкое изучение истории культуры как многогранной, подвижной, но внутренне целостной системы, находящейся в органическом единстве со всеми компонентами исторического процесса. Более высокий уровень обобщения требует разработки нового типа синтетического исследования, в котором история общества предстала бы во всем многообразии, динамизме и целостности человеческой деятельности.

Путь к углубленному познанию развития духовной жизни¹³ и истории того или иного общества в целом — комплексный анализ. Однако «смысл комплексного анализа не в том, чтобы изучить один и тот же предмет с различных сторон и изложить все полученные о нем сведения, а прежде всего в определении главного, системообразующего фактора, обуславливающего специфику рассматриваемой системы, ее целостность»¹³.

¹² Историја народа Југославије. Београд, 1960, књ. II; История на България. София, 1961, т. I; *Přehled československých dějin: Makedo*. Praha, 1958—1960, d. I—II (sv. 2); *Husa V. Dějiny Československa*. Praha, 1961; *Slovensko. Dějiny*. Bratislava, 1971; *Historia Polski*. Warszawa, 1958—1959, t. II, 1764—1864, cz. II—III.

¹³ Укреплять взаимосвязь общественных, естественных и технических наук.— *Коммунист*, 1977, № 1, с. 69.

С. В. Никольский

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

При комплексном исследовании процесса формирования наций значительный интерес представляет область художественной литературы. Являясь одной из сфер идеино-эстетического освоения мира, литература не только отражает этот процесс, но и активно участвует в нем, формируя соответствующую систему идей и представлений, направленность и характер эмоционально-оценочного отношения к действительности и т. д.

Особую роль литература играла в жизни народов, находившихся под иноzemным гнетом, для которых она была зачастую чуть ли не единственной трибуной протesta и выражения освободительных устремлений. Следует к тому же заметить, что художественная литература при наличии минимума массовой грамотности оказывалась здесь доступной более широким кругам населения, чем некоторые другие виды искусства, требовавшие особых условий для исполнения (профессиональная музыка, театр) или демонстрации произведений (живопись). Она вместе с тем давала широкий простор для одновременной реализации возможностей рационального и образного мышления (что, между прочим, облегчало и подцензурное выражение оппозиционных идей). В силу этих и ряда других причин художественная литература, как правило, имела особое значение для формирования национального самосознания и идеалов свободолюбия и демократии.

За послевоенные годы советскими литературоведами проделана значительная работа по исследованию литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, включая и этап формирования наций и национальных культур. Появился целый ряд коллективных и индивидуальных трудов, в которых не только систематизирован большой материал, но и сделаны некоторые прин-

ципиально важные наблюдения и обобщения, хотя и далеко еще не исчерпывающие проблематики¹. В настоящее время завершается подготовка раздела по региону Центральной и Юго-Восточной Европы для шестого тома «Истории всемирной литературы». Он будет содержать как главы посвященные отдельным национальным литературам, так и общую характеристику основных типологических тенденций литературного процесса в этой зоне Европы в период формирования национальных литератур (раздел готовят коллектив научных сотрудников Института мировой литературы АН СССР и Института славяноведения и балканистики АН СССР).

Большую ценность представляют изданные в последние десятилетия монографии советских литературоведов, относящиеся к названному периоду. В области польской литературы это прежде всего исследования Б. Ф. Стакеева по проблемам польского романтизма и творчеству А. Мицкевича («Мицкевич и прогрессивная русская общественность». М., 1955) и др., А. В. Липатова о польском просвещении и предромантизме («Возникновение польского просветительного романа. Проблема национального и общеевропейского». М.: Наука, 1974 и др.), работы С. С. Ланды, С. С. Советова, Д. С. Прохорьевой. Важные вопросы формирования историзма художественного мышления затронуты в книге И. К. Горского «Польский исторический роман и проблема историзма» (М.: Изд-во АН СССР, 1963). Многие явления болгарской литературы получили освещение в работах Н. С. Державина и К. Н. Державина, в исследованиях А. Н. Робинсона («Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии». М.: Изд-во АН СССР, 1963, и др.), в книге Д. Гачева «Ускоренное литературное развитие» (М.: Наука, 1964), в работах В. И. Злыднева о позднем этапе болгарского Возрождения и И. Вазове. Среди исследований по чешской и словацкой литературе необходимо назвать в первую очередь труды

¹ См.: Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков. М.: Изд-во АН СССР, 1959; Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков. М.: Изд-во АН СССР, 1963; История польской литературы. М.: Наука, 1968, т. I; История словацкой литературы. М.: Наука, 1970.

А. С. Мыльникова о чешском Просвещении и И. Юнгмане («Йозеф Юнгман и его время». М.: Наука, 1973), работы И. А. Богдановой о романтизме в словацкой литературе и Янко Крале. Заключительный этап чешского национального возрождения рассматриваются А. П. Соловьева в книге «Ян Неруда и становление реализма в чешской литературе» (М., Наука, 1973), Т. С. Карская в работах о Б. Немцевой. Материал развития сербо-лужицкой литературы систематизирован В. А. Моторным и К. К. Трофимовичем в книге «Нариси з історії серболужицької літератури» (Львов, 1970). В исследованиях О. К. Россиянова освещаются процессы в венгерской литературе первой половины XIX в. и творчество Ш. Петефи. Советскими и венгерскими литературоведами создан и специальный сборник статей «Петефи в мировой культуре» (М.: Наука, 1975). Развитие румынской литературы на этапе романтизма исследует Ю. А. Кожевников («М. Эминеску и проблема романтизма в румынской литературе XIX века». М.: Наука, 1967) и другие. К числу исследований по литературам народов Югославии относятся некоторые работы Н. И. Кравцова (в том числе о месте фольклора в творчестве писателей-романтиков), Е. И. Рябовой о творчестве А. Шеноа и литературной жизни его времени, Р. Ф. Дорониной о И. Йовановиче-Змае и сербском романтизме, Ю. Д. Беляевой о развитии эстетической мысли в Сербии.

Определенные вопросы, относящиеся к процессу формирования национальных литератур, затрагиваются в трудах, посвященных литературным связям. В исследованиях такого рода порой проводятся сопоставления развития разных национальных литератур. Главным образом в аспекте межславянских литературных связей соответствующие проблемы затрагивались украинскими славистами. Особенно ценные в этом отношении труды Г. Д. Вервеса.

Целый ряд коллективных трудов по проблемам литературных связей создан советскими литературоведами совместно с учеными социалистических стран².

² См.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (Конец XVIII—начало XX в.). М.: Наука, 1968; Польско-русские литературные связи. М.: Наука, 1970; Польский романтизм и восточнославянские литературы. М.: Наука, 1973; Русско-югослав-

Значительная исследовательская работа проведена и в социалистических странах. Это прежде всего касается исследования национального литературного процесса в каждой стране. В Польше, например, много сделано по изучению Просвещения и романтизма — течений, которые дали большие ценности в польской литературе. В Чехословакии и Болгарии исследование эпохи национального возрождения тесно связано с созданием развернутых историй этих литератур и выработкой концепции литературного процесса. Ряд исследований по эпохе Просвещения и романтизма появился в Югославии и других странах. Более или менее полная характеристика научной литературы, созданной в зарубежных социалистических странах, потребовала бы специального обширного обзора. Но формулируя задачи дальнейших исследований, мы будем учитывать эту литературу, тем более что в ней порой отражается интерес и к общим вопросам, касающимся, например, природы Просвещения, романтизма, специфики литературного развития в условиях национального гнета и т. д.

Для разработки названной проблематики многое может дать сотрудничество ученых социалистических стран. Это показала, в частности, состоявшаяся в октябре 1977 г. чехословацко-советская научная конференция по теме «Литературный процесс эпохи национального возрождения и формирование национальных славянских литератур», на которой был поднят ряд перспективных для исследования вопросов. Об этом же свидетельствует успешное исследование некоторых проблем в совместных трудах советских ученых и ученых социалистических стран.

Особый интерес представляют работы сравнительно-исторического и типологического характера, в которых делаются обобщения, полученные на материале разных литератур. Такого рода попытка была предпринята, в частности, в коллективном докладе «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах» (С. В. Никольский, А. Н. Соколов, Б. Ф. Стахеев), представленном IV конгрессу славистов в Москве

сские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: Наука, 1975; Slovenska a ruska literatúra: Vstahy a souvislosti. Bratislava, 1977.

(1958). Авторы рассматривали некоторые отличительные черты романтизма в Восточной Европе, вызванные тем, что он формировался здесь в условиях предреволюционного подъема освободительного движения, и связывали с этим, например, довольно сильное проявление в славянском романтизме народно-коллективистского начала при относительно меньшем внимании к тем аспектам проблемы личности и общества, которые в западноевропейском романтизме определялись реакцией на послереволюционные противоречия буржуазного общества и порой сопровождались настроениями индивидуализма. (Речь не идет при этом о полном противопоставлении, а скорее об акцентах, корректирующих, однако, общую картину европейского романтизма.)

Сопоставительно-типологический подход лег и в основу труда «Европейский романтизм» (М.: Наука, 1973), созданного Институтом мировой литературы АН СССР в сотрудничестве с Институтом литературоведения Венгерской академии наук. К достоинствам этого труда необходимо отнести развернутое рассмотрение явлений Просвещения и романтизма в литературах Восточной Европы. Авторы книги показали, что для этих литератур характерно нередкое взаимопереплетение просветительских и романтических черт и тенденций, меньшая степень их разграниченности, их своеобразный симбиоз.

К числу концепционных посылок, сделанных в исследованиях последних десятилетий, относится и понятие так называемого ускоренного развития литературы, предложенное в упоминавшейся книге Гачева, построенной на материале болгарской литературы первой половины XIX в. Правда, сам термин «ускоренное развитие» иногда вызывает возражения, и, может быть, не без оснований, так как он предполагает оценку литературного развития каждого народа через соотнесение с определенной «классической» схемой, принимаемой за «норму» и предусматривающей, что каждая литература обязательно должна пройти в своем развитии известный набор стадий (Ренессанс, Просвещение, романтизм и т. д.). При «ускоренном» развитии литература проходит их как бы в стяженном и синкретичном виде. Может быть, более плодотворно было бы оперировать не

стадиями, а, скажем, компонентами художественного мышления, выявив, какие из них появляются в каждой литературе, исследуя, как и когда они возникают, независимо от повторения упомянутой схемы. Думается, что полностью решить этот вопрос можно лишь при широком исследовании всей мировой литературы и, в частности, литератур Востока, которые наряду с общими чертами имели в своем развитии и существенные отличия по сравнению с литературным процессом в Европе. Высказываются и некоторые иные критические соображения о термине «ускоренное развитие». Однако независимо от правомерности или неправомерности термина остается фактом явление интенсивного развития литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы на переломном этапе разложения феодализма, формирования новых, буржуазных отношений и развития национально-освободительной борьбы. Остается фактом и одновременное освоение литературой тех форм художественного мышления, которые в других литературах осваивались в разное время.

Если говорить непосредственно о тех задачах, которые встают в связи с исследованием литературного процесса в рамках проблемы формирования наций и национальных культур, то следует прежде всего заметить, что в этом отношении литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы дают весьма благодарный материал не только для историко-литературных наблюдений и типологических выводов, касающихся этого региона и внутреннего его членения, но и для теоретических обобщений, которые могут представлять более широкий интерес.

Дело в том, что в условиях иноземного гнета процесс формирования национальных литератур протекал в обостренной форме и выступал в более обнаженном виде, что позволяет более отчетливо увидеть и общие его закономерности, которые в других литературах как бы «осложнены» (в положительном смысле этого слова) более разветвленным и многогранным его проявлением. В известном смысле допустимо сказать, что на литературах названного региона можно изучать «модель» формирования национальных литератур (естественно, поверяя ее сравнением с развитием других литература).

В этой связи важно исследовать литературу как часть национального самосознания, как художественное национальное самосознание народа. Естественно, что при этом предполагается в качестве важнейшей цели и изучение социальных основ этого процесса, социальных истоков и социального характера различных концепций национальной жизни и национального развития в разных странах и на различных этапах, в разных литературных течениях. Важнейший аспект исследования — проблема народности формирующихся национальных литератур.

Заслуживают специального внимания особенности развития литератур в тех странах, где не было или почти не было «своего», национального дворянства и соответственно дворянского этапа освободительного движения. В этом отношении многое может дать совместная разработка материала с историками и историками общественной мысли и культуры.

Важнейшим явлением формирования национальных литератур был процесс осознания единства национального коллектива — в языковом, историческом, этнографическом и т. д. смысле. На этой почве совершался своего рода центростремительный национальный синтез национального языка, отечественной истории, фольклорно-этнографических особенностей национальной жизни и т. д. Широкие возможности для научных обобщений может дать в этом плане сопоставление процесса синтеза в литературе с аналогичными тенденциями в сфере науки (языкознание, история, этнография, фольклористика) и в других видах искусства (музыка, театр, изобразительное искусство). Соотнесение с развитием гуманитарных наук соответствующего времени может, например, наглядно показать основные линии этого синтеза, главных сфер, вокруг которых концентрируется осмысление национального бытия. (Ведь в науке этот синтез не столь рассредоточен, как в литературе, где он реализуется одновременно в множестве произведений разных авторов, нередко проявляясь лишь в тех или иных аспектах многогранного художественного целого.)

Заманчиво было бы проследить проявление процесса синтеза в характерной системе стилей и жанров и его динамику, его соотношение с различными творчес-

скими методами. Необходимо, разумеется, видеть и борьбу разных концепций, лежащих в основе синтеза и отражающих социальную дифференцию литературного движения.

Требует дальнейшей разработки тип культурно-исторического процесса, известного под названием «национального возрождения». Стихийно, но не случайно возникший, этот термин употребляется в целом ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы для обозначения исторического этапа конца XVIII — значительной части XIX в. Возникновение термина связано с тем, что соответствующие страны в предшествующий период в результате длительного и жестокого иноземного гнета испытывали резкое ослабление отечественной исторической и культурной жизни, которая теперь как бы «возрождалась». Необходимо обсуждение самого понятия «национальное возрождение», которое иногда толкуется весьма противоречиво, а порой и произвольно. Требует анализа и конкретное содержание общественно-исторического и литературного процесса этой эпохи. Встречаются, например, случаи, когда ее отождествляют с Ренессансом. Известные черты, родственные Ренессансу, действительно можно проследить на этом этапе. Но думается, что проведение знака равенства между понятиями национального возрождения и Ренессанса едва ли оправданно. Оно не имеет под собой достаточных оснований, приводит к смешению разных исторических эпох и явлений и порождает немалые противоречия. Не говорим же мы о Ренессансе, например, по отношению к польской общественной и культурной жизни первой половины XIX в., хотя она была гораздо более мощной, нежели в соседних странах, переживавших в это время этап национального возрождения. В Чехии при таком подходе оказалось бы две ренессансные эпохи и т. д.

Сложность состоит в том, что в культурной и литературной жизни эпохи национального возрождения одновременно проявляются черты, характерные в других странах для разных эпох — ренессанса (или еще более ранних явлений), классицизма, просвещения, романтизма и т. д. Однако остается вопросом, обязательно ли в каждой литературе проявляются все эти компоненты. А может быть, только какие-то из них?

Характерно, что в болгарском литературоведении вот уже на протяжении двух десятилетий идет спор о том, существовал ли романтизм в болгарской литературе. И спор этот, конечно, вызван особенностями самого исследуемого литературного процесса. Не менее важно анализировать конкретные формы взаимодействия упомянутых тенденций и выявлять то новое качество, которое это взаимодействие порождает. Нуждается в проверке, в какой мере эти тенденции объясняются инонациональными воздействиями, а в какой обязаны родственным явлениям в самой жизни.

Для выведения общих закономерностей поучительно было бы соотнести упомянутый тип развития с родственными в чем-то процессами интенсивного подъема национальной жизни в странах, освобождающихся от национального гнета в наши дни. В какой степени и что «повторяют» в своем развитии литературы этих стран?

Актуален вопрос о своеобразии литературных связей в эпоху формирования национальных литератур. Предварительно можно сказать, что конституирование наций, осознание себя «в ряду других», естественно, побуждало к соотнесению национального литературного развития с развитием других народов и стимулировало литературные взаимодействия. Вместе с тем повышенное внимание к национально-отличительному и своеобразному, по-видимому, налагало на литературные связи печать особой избирательности.

Наконец, требует анализа само функционирование литературы в обществе в эпоху формирования наций. Литературоведы вообще обычно ограничиваются исследованием лишь генезиса, смены и сущности литературных явлений. Гораздо меньше внимания уделяется воздействию литературы на действительность той или иной эпохи, на жизнь общества, на процессы, происходящие в нем. Следовало бы и в этом отношении поискать соответствующих подходов и приемов анализа (хотя мы и представляем себе трудности, которые здесь возникают). Применительно к рассматриваемой эпохе исследование активности литературы тем более важно, что в условиях абсолютизма и национального гнета литература, как уже говорилось, обычно играла особую роль в формировании и развитии национального и социального самосознания. Академиком Д. С. Лихачевым была

высказана однажды мысль о том, что недостигнутое в практической жизни, пропущенные звенья развития вообще очень часто компенсируются усиленной идеологической деятельностью в соответствующем направлении. Материал литературы рассматриваемой эпохи как будто подтверждает это наблюдение. Но оно заслуживало бы более полной проверки как на собственно литературном материале, так и шире — на анализе развития общественной мысли, науки, искусства.

В заключение следует сказать, что в Институте славяноведения и балканстики АН СССР в настоящее время ведется работа над коллективным трудом «Проповедование и романтизм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы», в котором, в частности, предусмотрено исследование ряда названных и других проблем. В процессе работы целесообразно было бы провести научное совещание для обсуждения этих вопросов с привлечением не только литературоведов, но и специалистов по другим смежным наукам. Это могло бы стимулировать дальнейшее развитие исследований в названной области и наметить новый круг встающих проблем и вопросов.

Л. Н. Смирнов, Г. К. Венедиктов

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯН

В рамках настоящей работы нет возможности детально проанализировать то, что сделано советскими языковедами в области изучения истории национальных литературных языков зарубежных славян. Поэтому мы остановимся на тех работах, которые непосредственно связаны с проблематикой настоящей научной конференции.

Национальные литературные языки у большинства зарубежных славян складываются, как известно, в основном в эпоху формирования наций и национальных культур. В этот период происходит осознание общественно-культурной роли родного языка, на первый план выступает его национально-репрезентативная функция. У ряда зарубежных славянских народов на основе родной речи возникают и складываются новые литературные языки, у других происходит «восстановление» и обновление существовавших ранее, уже в донациональную эпоху литературно-письменных языков. Для этих новых и «обновленных» литературных языков характерна тенденция к функциональной поливалентности и стилистической дифференциации, к «единовластию» в литературно-письменной сфере, к вытеснению из нее «чужого» литературного языка, к преодолению разного рода литературно-письменного двуязычия или разноязычия. Исследование формирования этих языков — важная и актуальная задача, представляющая значительный интерес не только в собственно лингвистическом, но и в более широком, историко-культурном контексте.

В сравнении с другими областями славянского языкознания история литературных языков — сравнительно новый раздел этой науки.

В советском языкознании проблемы образования и развития литературных языков зарубежного славянст-

ва начали разрабатываться еще в 20—30-е годы, когда вышли в свет первые статьи по истории современного болгарского литературного языка (Л. А. Булаховский, С. Б. Бернштейн, А. М. Селищев). Интерес к этим проблемам заметно возрос сразу же после Великой Отечественной войны, что было обусловлено общим подъемом славистических исследований в СССР. Расширился и круг языков, история которых стала предметом изучения. Однако особенно ощутимым стал у нас интерес к истории национальных литературных языков зарубежных славян в последние два десятилетия — после состоявшегося в Москве в 1958 г. IV Международного съезда славистов и Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения в 1961 г. В известной мере это связано и с общим интересом к проблемам истории национальных литературных языков в мировой славистике. Как известно, по этой проблематике ведется интенсивная работа учеными Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии и других стран. В Советском Союзе в последние годы активно исследуется история восточнославянских национальных литературных языков, разрабатываются теоретические и иные проблемы образования национальных литературных языков разного типа.

Уже в 50-е и в начале 60-х годов были опубликованы статьи, посвященные истории чешского литературного языка (А. Г. Широкова) и вопросам формирования словацкого литературного языка (Н. А. Кондратшов). В связи с изучением истории польского литературного языка рассматривался вопрос о его диалектной базе (С. Б. Бернштейн) и др. Наряду с изучением истории отдельных литературных языков у западных и южных славян в эти же годы делались попытки параллельного рассмотрения процессов становления этих языков (И. С. Свенцицкий), обращалось внимание на взаимосвязь и взаимодействие славянских литературных языков на этапе их формирования (Л. А. Булаховский). Были начаты и конкретные исследования по этой проблематике на материале русско-чешских, русско-польских и украинско-польских языковых контактов в области лексики (Г. А. Лилич, В. М. Тамань, Ф. Е. Ткач).

Хотя в эти годы в разработке проблем возникновения и развития литературных языков западных и юж-

ных славян и имелись некоторые достижения, все же следует признать, что исследования в этой области велись недостаточно целенаправленно и систематично, их тематика была порой узкой и довольно разнородной. В большинстве конкретных работ анализировался преимущественно материал письменных памятников донационального периода. Не уделялось должного внимания тому этапу истории зарубежных славянских литературных языков, который непосредственно соотносится с эпохой формирования наций. После координационного совещания в Институте славяноведения и балканстики АН СССР была проделана определенная работа по активизации и расширению исследований, по координации усилий советских лингвистов в данной области. В апреле 1969 г. институт провел научную конференцию по проблеме «Славянские литературные языки в донациональный период». В работе конференции приняли участие слависты из ряда городов СССР. Больше внимания стало уделяться изучению проблем истории славянских литературных языков именно эпохи формирования наций. Заметный сдвиг в их изучении произошел в связи с разработкой крупной комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Участие лингвистов в ее разработке явилось дополнительным стимулом и организующим моментом в активизации исследования национальных литературных языков зарубежного славянства. Лингвисты Института славяноведения и балканстики АН СССР, других научных учреждений и университетов Москвы, Киева, Ленинграда, Львова, Вильнюса приняли участие в ряде научных мероприятий комплексного характера: симпозиуме по проблемам развития национальных культур (1973), международной научной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)», научных конференциях по проблемам формирования наций (1975) и социальным структурам в эпоху перехода народов Центральной и Юго-Восточной Европы от феодализма к капитализму (1977).

Сектор славянского языкознания института после координационного совещания 1961 г. подготовил ряд сборников, посвященных проблемам формирования

славянских литературных языков. В 1965 г. вышел из печати сборник «История славянских литературных языков». В 1978 г. опубликован коллективный труд «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (отв. ред. С. Б. Бернштейн), который явился первым опытом параллельного освещения процессов становления национальных литературных языков у западных и южных славян в конце XVIII — первой половине XIX в. в тесной связи с национально-освободительным движением этих народов и процессами формирования наций и национальных культур. Акцент сделан на характеристикике внешнелингвистической стороны процесса становления национальных литературных языков этих народов. Наряду с этим на материале истории чешского, словацкого, верхнелужицкого, болгарского, сербского и словенского языков раскрываются пути складывания литературных норм на разных уровнях языковой структуры, рассматриваются вопросы о роли книжно-письменной традиции, о диалектной основе формировавшихся литературных языков и т. п. Статьи этого коллективного труда рассматриваются ниже.

Говоря об исследовании истории отдельных славянских литературных языков, подчеркнем прежде всего, что 60—70-е годы отмечены весьма активной разработкой проблем формирования национального литературного языка словаков. Серию статей по этой проблематике опубликовал Н. А. Кондрашов. Более подробно вопросы, касающиеся истории этого языка, освещены в его докторской диссертации «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» (1968). Предшествующий период истории словацкого литературного языка, тесно связанный с начальным этапом формирования словацкой нации, находит отражение в статьях Л. Н. Смирнова, в которых раскрывается роль А. Бернолака и «бернолаковщины» в становлении общенациональных литературных норм словацкого языка. Автор рассматривает решение вопроса о словацком литературном языке в связи с актуальными задачами национально-возрожденческого движения словаков. Тому же автору принадлежит и целостный очерк истории становления словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780—

1848), в котором процесс формирования единых общенациональных литературно-языковых норм показан на широком историко-культурном фоне с учетом экстралингвистических и лингвистических факторов (1978). Завершающий этап формирования единых норм словацкого литературного языка характеризуется в статье Л. Н. Смирнова о роли реформы М. М. Годжи — М. Гатталы. Советскими лингвистами исследовался и вопрос о роли русского языка в обогащении словарного состава литературного языка словаков (Н. А. Кондрашов, А. А. Лосева, Л. П. Рупосова).

Среди работ по чешскому языку отметим прежде всего статью «Становление литературного языка чешской нации» А. Г. Широковой и Г. П. Нещименко (1978), в которой раскрываются социально-политические и идеологические факторы, обусловившие процесс формирования единого национального литературного языка чехов, показана специфика развития языковой ситуации в Чехии конца XVIII — середины XIX в., охарактеризована деятельность И. Добровского и И. Юнгмана по защите, нормализации и кодификации чешского литературного языка. В другой статье этих же авторов показаны особенности формирования чешского литературного языка в эпоху национального возрождения. Исследовались также вопросы развития грамматического строя чешского литературного языка, его словообразовательных возможностей (А. Г. Широкова, В. Т. Коломиец, Г. П. Нещименко, И. С. Изотова, В. П. Андел и др.). Изучению взаимодействия русского и чешского литературных языков посвящен ряд статей Г. А. Лилич. Итогом ее работы в этой области явилась докторская диссертация «Роль русского языка в становлении словарного состава чешского национального литературного языка (конец XVIII — начало XIX в.)», защищенная в 1978 г. Рассматривался также вопрос о влиянии чешского языка на язык хорватов в период национального возрождения (В. Е. Мойсеенко).

Развитию литературного языка поляков в эпоху формирования польской нации посвящено несколько статей. Исследовались, в частности, вопросы становления публицистической лексики (В. С. Золотова), некоторые вопросы взаимосвязи истории языка и становления нации (З. Н. Стрекалова). В статье З. Н. Стрекаловой «О роли

языка в процессе формирования польской нации» поднимается вопрос о сущности того исторического этапа в развитии польской языковой ситуации конца XVIII — середины XIX в., который совпадает с периодом становления польской нации, характеризуется функционированием польского языка в условиях разделов страны, исследуются явления польско-немецкого и польско-русского билингвизма.

Вопросы становления верхнелужицкого литературного языка получили разработку в ряде статей К. К. Трофимовича. Наиболее полно эти вопросы рассмотрены им в статье «Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX в.» (1978), в которой, в частности, охарактеризована специфическая историко-культурная и языковая ситуация в Верхней Лужице в 30—40-е годы, связь борьбы лужичан за права родного языка и расширение сфер его употребления с зарождением и развитием национального движения. К. К. Трофимович освещает процесс преодоления конкуренции двух письменных вариантов верхнелужицкого языка и создания общего литературного языка верхних лужичан, становления единых норм этого языка в сфере правописания, фонетики, грамматики и лексики.

Среди немалого уже числа работ по истории литературного языка у сербов в поздний преднациональный и национальный периоды выделяется большое исследование Н. И. Толстого «Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX в.» (1978). Автор охарактеризовал язык разных жанров сербской литературы и язык многих писателей той поры, осветил соотношение разных стилей и типов литературного языка, функционировавших в сербской книжности того времени. Ряд статей был посвящен анализу разных аспектов сложной литературно-языковой ситуации у сербов в XVIII — начале XIX в. (Н. И. Толстой, В. П. Гудков, П. А. Дмитриев и др.). В том числе особое внимание было обращено на характеристику славяносербского литературного языка в общей истории литературного языка у сербов в указанное время (Н. И. Толстой) и типов литературного языка, тогда функционировавших у сербов (В. П. Гудков, П. А. Дмитриев). Ряд работ посвящен характеристике языка и деятельности Вука Караджича. Общая оценка реформаторской деятельности сербского филолога, на-

правленной на утверждение у сербов литературного языка на народно-разговорной основе, дана в работе П. А. Дмитриева и Г. И. Сафонова «Из истории русско-югославских литературных и научных связей» (1975). Был поставлен важный вопрос о соотношении архаического и новаторского в языковой реформе Вука (Н. И. Толстой), о влиянии книжного языка XVIII в. на язык Вука (В. П. Гудков) и др. Были рассмотрены также основные этапы становления сербохорватского литературного языка в национальную эпоху (П. А. Дмитриев).

По истории словенского литературного языка опубликовано две статьи. В статье Н. И. Толстого «О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку» кратко охарактеризованы состояние литературного языка у словенцев с конца XVIII в. и пути создания у них единого литературного языка на общем фоне формирования литературных языков у других славян, и в этой связи рассмотрены опыты использования словенцами гражданской кириллицы в школе и книгопечатании. В статье О. С. Плотниковой «Становление словенского литературного языка в период национального возрождения» (1978) кратко освещается языковая ситуация в Словении в эпоху национального возрождения (вторая половина XVIII — вторая половина XIX в.), борьба словенцев за расширение сферы использования родного языка, основные направления в нормализации грамматики и орфографии.

Ряд специальных работ был выполнен советскими лингвистами по истории формирования болгарского литературного языка в преднациональный и национальный период. Исследовалось состояние литературного языка у болгар в преднациональный период, в частности книжного языка на народной основе, функционировавшего у болгар в XVII—XVIII вв., и его роль в формировании литературного языка болгар в эпоху национального возрождения, а также место дамаскинов в истории современного болгарского литературного языка (Е. И. Демина). Рассматривался дискуссионный вопрос о начале современного болгарского литературного языка (С. Б. Бернштейн, Г. К. Венедиктов, Е. И. Демина), был поставлен вопрос о койне (городском) как об основе, на которой складывался этот язык (С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой). В ряде работ Г. К. Венедиктова, в част-

ности в статье «Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения» (1978), были охарактеризованы роль и место родного языка болгар в развитии их национальной культуры, рассмотрены вопросы о создании единого литературного языка как одной из предпосылок формирования нации, о месте языковой проблемы в программах первых болгарских культурно-просветительных обществ, о диалектной основе формировавшегося литературного языка и др. Тот же автор исследовал процесс нормализации устной формы болгарского литературного языка.

Кроме работ по отдельным литературным языкам западных и южных славян, в СССР опубликован ряд исследований, в которых вопросы формирования и развития этих языков анализировались в сравнительном или типологическом плане. Отметим здесь известные работы академика В. В. Виноградова об общих закономерностях развития славянских литературных языков в преднациональный и национальный период, о сходстве и различиях в их развитии. Значительное внимание было удалено судьбе древнеславянского литературного языка в разных землях «греко-славянского мира» и его роли в формировании литературных языков у южных и восточных славян (Н. И. Толстой). В связи с проблемой национального возрождения были освещены общие вопросы складывания литературных языков у зарубежных славян и поставлены задачи их сопоставительного изучения (С. Б. Бернштейн), подняты важные вопросы экстралингвистического характера, связанные с формированием национальных литературных языков у южных славян (Н. И. Толстой). В последнее время было обращено внимание на необходимость сравнительно-типологического исследования славянских (и соседствующих с ними неславянских) литературных языков и предложены критерии выделения признаков, существенных для типологической характеристики этих языков (Е. И. Демина). В ряде работ рассматривались и общие проблемы взаимосвязей в ходе становления славянских литературных языков (главным образом в плане соотношения отдельных восточнославянских и остальных славянских языков).

Из сказанного следует, что в послевоенных работах советских лингвистов: а) получили освещение роль и зна-

чение родного языка в общем движении отдельных зарубежных славян за национальное возрождение, была раскрыта национально-репрезентативная функция единого литературного языка и его роль как важного фактора и орудия национальной консолидации и развития национальных культур; б) показана языковая ситуация у зарубежных славян на разных этапах их истории в тесной связи с социально-экономическими, общественно-политическими и культурными факторами; в) охарактеризованы некоторые общие закономерности и специфические особенности становления отдельных национальных литературных языков в плане соотношения книжной традиции и народно-разговорного языка, выбора диалектной основы или койне и др.; г) исследованы также некоторые вопросы взаимовлияния славянских литературных языков в процессе их формирования.

Здесь отмечены главным образом только те аспекты становления национальных литературных языков, которые тесно связаны с процессом формирования наций и национальных культур. Естественно, этим ни в коей мере не исчерпывается тот круг проблем, которые составляют предмет истории национальных литературных языков и которыми занимаются и должны заниматься лингвисты. Мы имеем в виду собственно лингвистический аспект этой области исследований, касающийся складывания единых норм на разных уровнях языковой структуры.

Следует отметить, что исследование истории национальных литературных языков у западных и южных славян велось у нас неравномерно с точки зрения как охвата самих языков, так и проблематики в целом. Недостаточно интенсивно изучались, например, вопросы формирования литературных языков у словенцев, поляков и хорватов. Не во всем языком исследовалась жанрово-стилистическая дифференциация литературных языков, с разной степенью детализации охарактеризованы сферы функционального использования формировавшихся литературных языков, проблема туризма, типов двуязычия и др.

Учитывая общее состояние изученности проблем формирования отдельных национальных литературных языков в современной славистике, возможности советских исследователей и накопленный ими опыт, мы полагаем, что:

1) следует и впредь продолжать и расширять исследование процессов формирования национальных литературных языков у западных и южных славян в историко-культурном и собственно лингвистическом плане. При этом заслуживала бы большего внимания разработка истории литературного языка у словенцев, хорватов и поляков в эпоху становления наций. Для более полного освещения истории этих и других языков было бы целесообразно шире привлекать данные истории и неславянских литературных языков соседних народов;

2) необходимо глубже изучать взаимовлияние и взаимодействие формировавшихся национальных литературных языков. В частности, следовало бы полнее освещать взаимодействие национальных литературных языков западных и южных славян с восточнославянскими национальными литературными языками;

3) важно шире развернуть сравнительно-типологическое изучение славянских национальных языков в период их становления как во внутриструктурном, так и в функциональном плане в связи с общими процессами формирования наций и национальных культур.

Мы полагаем, что в разработке названных и других проблем истории формирования славянских национальных литературных языков могли бы принять участие сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института языкоznания АН СССР, Института русского языка АН СССР, языковедческих институтов академий наук УССР и БССР, Московского, Ленинградского, Львовского и других университетов. Известный опыт совместной разработки отдельных вопросов, как уже отмечалось, у нас имеется. В будущем этот опыт необходимо укреплять и расширять.

III. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

*

В. И. Злыднев

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В резолюции Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения, проходившего в Москве в январе 1961 г., дается такая обобщающая формулировка по вопросам изучения культур: «Совещание обращает внимание на отставание исследовательской работы в области комплексного изучения истории культуры славянских народов»¹. Совещание рекомендовало научному совету и учреждениям — участникам Координационного совещания «принять меры для развития научной работы по истории культуры славянских народов»². В качестве основной была зафиксирована тема: «Роль и значение культуры славянских народов в развитии мировой культуры». Кроме того, в разделе конкретных проблем в связи с исследованием генезиса капитализма и национальных движений западных и южных славян рекомендовалось изучение «формирования национальной культуры в славянских странах»³.

Приведенные положения итогового документа позволяют говорить, что уже в самом начале 60-х годов совет-

¹ Краткие сообщ. Ин-та славяновед., 1961, вып. 33—34: Актуальные проблемы славяноведения, с. 9.

² Краткие сообщ. Ин-та славяновед., 1961, вып. 33—34: Актуальные проблемы славяноведения, с. 9.

³ Краткие сообщ. Ин-та славяновед., 1961, вып. 33—34: Актуальные проблемы славяноведения, с. 9.

скими учеными-славистами осознавалась задача необходимости комплексного изучения культуры, хотя достаточно четкого представления о путях исследования этой сложной проблемы не было. Если первая предлагаемая тема носила слишком общий характер (культура всех славян в мировой культуре), то вторая вырисовывалась лишь как часть общеисторической проблемы, подчиненной исследованию генезиса капитализма.

За истекший период у нас в изучении культуры славянских и балканских народов многое изменилось. Эти изменения ощущимы не только в улучшении организационной стороны исследований в институте (создание группы по изучению культуры, а затем сектора историко-культурных проблем, наконец образование Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканстики), но и в научном росте ученых, занимающихся изучением истории культуры. Особо следует отметить общее повышение интереса к проблемам культуры как в Советском Союзе, так и в европейских социалистических странах.

Обращает на себя внимание тот факт, что разработка проблем теории и истории культуры ведется сейчас широким фронтом в ряде научно-исследовательских институтов Академии наук, в институтах Министерства культуры, на кафедрах университетов, педагогических институтов и институтов культуры. Только краткий перечень тематики исследований по культуре в научно-исследовательских институтах и вузах страны в нынешней пятилетке (1976—1980) составляет три выпуска Экспресс-информации, подготовленной Информационным центром по проблемам культуры и искусства Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁴.

Думаю, что настоящий обзор не является исчерпывающим; он может быть дополнен и планами институтов, которые по тем или иным причинам не включены, и тематикой по литературе и фольклору, сейчас не представленной в бюллетенях, и трудами по теории и истории культуры, которые некоторыми издательствами готовятся самостоятельно.

⁴ Информационный центр по проблемам культуры и искусства. Экспресс-информация. Серия: Общие проблемы культуры и культурного строительства. М.: Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1976, вып. 2; М.: Гос. биб-ка им. В. И. Ленина, 1977, вып. 1, 2.

Какой же круг вопросов охвачен работами, представленными в Экспресс-информации? Со всей определенностью можно сказать, что это преимущественно проблематика социалистической культуры:

- культурное строительство в республиках, краях и областях;
- проблемы развития советской культуры (советского образа жизни) на разных исторических этапах и в особенности в период развитого социализма;
- общее и особенное в культуре села в развитии социалистического общества;
- выравнивание уровней культуры; образование и его роль в подъеме культуры;
- единство национального и интернационального в культуре;
- методология и методика изучения культуры и др.

Проблемы истории культуры, в том числе русской культуры, занимают очень скромное место. Можно отметить лишь несколько тем по истории русской культуры, над которыми работают научные сотрудники: «Общий очерк русской культуры с древнейших времен до наших дней» (Ленинградский институт культуры), «История русской культуры первой половины XVIII в.» (МГУ), «Культурная жизнь Казани 80-х годов XIX в.» (Елабужский пединститут).

Проблематика культуры европейских социалистических стран, которая нас особенно интересует, на кафедрах вузов также занимает скромное место. В трех вышедших выпусках Экспресс-информации зарегистрированы лишь три темы, над которыми работают научные сотрудники: «Культурная революция в ПНР» (Запорожский пединститут), «Повышение материального и культурного уровня рабочих в ЧССР (1956—1961)» (Киевский пединститут); «Культурные связи России и Сербии (1903—1912)» (Киевский государственный университет). В итоге можно сказать: число исследований недостаточно и они нецеленаправленны.

Большую работу по координации исследований в области истории и теории культуры проводит Научный совет АН СССР по истории мировой культуры. Через свои постоянные комиссии — по культуре древней Руси, комплексному изучению книги, культуре европейского Возрождения, теоретическим проблемам, комплексному изу-

чению научного и художественного творчества, а также комиссии по изучению Шекспира и Данте. Научный совет организует симпозиумы, конференции и издание научных трудов в соответствующей области культуры. Следует также отметить выпуск ежегодников «Памятники культуры. Новые открытия», которые издаются с 1975 г. и привлекли уже внимание специалистов. При большой и плодотворной работе Совета по истории мировой культуры необходимо все же отметить, что и проблематика социалистической культуры, и история культуры славянских и балканских народов практически выпадают из его поля зрения. А это обстоятельство налагает еще большую ответственность на Совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики за организацию исследований в этой области и специально за организацию исследований по культуре славянских и балканских народов на разных исторических этапах — от древнейшего до наших дней.

В последние 10—15 лет резко вырос интерес к проблемам истории и методологии изучения культуры в европейских социалистических странах. Появились новые центры культуроведения и культурологии. Так, в Польше в Познанском университете создан новый научный центр — Институт культуроведения, в задачу которого входит подготовка в ближайшее время обобщающего труда «История польской культуры». В этом же институте осенью 1978 г. проводилась конференция по методологии изучения культуры. Культурологические отделения возникли также в Лодзинском, Вроцлавском, Катовицком университетах. Проблемами истории отечественной культуры занимаются в Польше в своих институтах историки, литературоведы и искусствоведы.

В Болгарии с начала 70-х годов создан Институт культуры с подчинением Комитету культуры НРБ и Болгарской академии наук. Основная проблематика института связана с решением современных проблем прогнозирования и управления социалистической культуры. В Институте балканистики БАН сформирован специальный сектор культуры, который сосредоточил свои усилия на исследовании проблем формирования национальной интеллигенции; по этим проблемам сектор сотрудничает с румынскими историками. В Институте истории БАН в каждом секторе есть специалисты по истории культуры

соответствующего периода; в 1979 г. институт готовится провести представительную конференцию по болгарской культуре эпохи национального возрождения.

В работах ученых европейских социалистических стран последнего десятилетия определено проявляются тенденции к комплексному изучению культуры историками, искусствоведами и литературоведами. Характерно в этом отношении серийное издание в Польше «Исторические конфронтации». Историко-культурный процесс рассматривается в нем как процесс непрерывный, большее внимание уделяется социологическому аспекту художественной культуры. В Венгрии историки стремятся органически включить в свои исследования проблемы истории культуры и дать обобщающие характеристики национально-культурного процесса. К числу таких трудов относятся книги Е. Сюча «История и национальное сознание» (1974), Э. Нидерхаузера «Формирование национального самосознания у народов Центральной и Восточной Европы», Д. Кошари «Венгерская культура XVIII века». В то же время литературоведы и искусствоведы рассматривают развитие культуры и искусства в широком контексте историко-культурного процесса (работы И. Шетера, И. Саудера, Б. Кепеци и др.).

В октябре 1977 г. в Институте чешской и мировой литературы (Прага) была проведена конференция «Литературный процесс эпохи Возрождения и формирование славянских литератур». Здесь наряду с литературоведами активное участие принимали театроведы и фольклористы, которые стремились к комплексному изучению разных сфер культуры. Широтой историко-культурного подхода к явлениям общественной жизни характеризуется и недавно вышедшая монография М. Трампла «Чешское национальное возрождение в Моравии» (Брюно, 1977). Вопросы теории культуры, эстетики и социологии мы пайдем в работах литературоведа Л. Штолла, искусствоведа С. Шабоука и других исследователей.

Разные аспекты истории культуры привлекли внимание югославских ученых, что нашло выражение, в частности, в работах Б. Зупанчича «Рабочие и культура» (Белград, 1976), М. Дамняновича «История культуры» (Ниш, 1977) и в сборнике «Культура и искусство в народно-освободительной борьбе и социалистической революции в Хорватии» (Загреб, 1975).

Повышенным интересом к общим вопросам культуры, комплексностью в подходе к исследованию отечественной культуры отличаются новейшие труды румынских ученых. Это книги академика К. Гулиана «История, человек и культура», «Основы истории и теории культуры»⁵. Ал. Дуцу — один из наиболее последовательных сторонников комплексного освещения явлений истории культуры. Ему принадлежат такие труды, как «Координаты румынской культуры в XVIII в.», «Синтез и самобытность в румынской культуре», «Румынские гуманисты и европейская культура»⁶.

В Болгарии в последнее десятилетие вышел ряд коллективных трудов и монографий по проблемам культуры, из которых хотелось бы назвать: «Формирование и развитие социалистической культуры в Болгарии» (1971, подготовлена вместе с советскими учеными), «Художественная культура и развитое социалистическое общество» (1974), «Проблемы художественной культуры» (1976), а также книги А. Обретенова «О социалистическом искусстве и социалистической культуре» (1973), С. Ваклинова «Формирование древнеболгарской культуры» (1977), К. Горанова «Искусство и социальная жизнь. Очерки по эстетике и социологии художественной культуры» (1973), К. Попова «Проблемы теории культуры» (1977).

Даже этот по необходимости краткий и неполный обзор позволяет говорить, что ученые европейских социалистических стран активно ведут разработку проблем истории, теории и методологии культуры. И если мы не хотим отстать, мы должны соотносить наши работы, наши позиции и нашу методологию с тем, что делается историками, искусствоведами, литературоведами и культурологами в странах социалистического содружества. И не только соотносить, но и координировать с ними наши научные усилия в этой области.

Что же сделано у нас по проблемам культуры славянских и балканских народов в 60—70-е годы? За время,

истекшее с момента проведения первых совещаний славистов до нынешнего заседания Координационного совета, вышло несколько индивидуальных монографий и коллективных трудов по проблемам истории культуры, которые свидетельствуют о повышении внимания ученых к проблемам культуры и возросшем уровне научных исследований. Значительная часть из них создана учеными Института славяноведения и балканстики АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания, а также учеными других исследовательских институтов или вузов страны⁷.

В последние годы появились монографические исследования об искусстве Польши (Л. И. Тананаевой и И. И. Свириды), Румынии (М. Т. Кузьминой), Болгарии (Е. П. Львовой и И. Н. Воейковой), Югославии (Л. С. Алешиной и Н. В. Яворской), Чехословакии (Е. К. Виноградовой), капитальное исследование в трех томах по искусству Греции (В. М. Полевого). Более полное представление о развитии театральной культуры ряда стран мы получили на основе работ А. А. Гершковича «Поэтический театр Петефи» (1970), Б. И. Ростоцкого «А. Мицкевич и театр» (1976), Л. П. Солнцевой «Театр Чехии и Словакии» (1977), а также коллективного труда «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы» (1976). Ценный вклад в освещение музыкальной культуры Польши и Чехословакии внесли монографии И. Ф. Бэлзы «История польской музыкальной культуры в 3 томах» (1954—1972), «История чешской музыкальной культуры в 2 томах» (1959—1973), а также его книги о Ф. Шопене, М. Огиньском, А. Дворжаке. Работы И. Е. Светлова обогатили наши представления о современной скульптуре Венгрии, Румынии и Польши.

Не только для фольклористов, но и для историков культуры интерес представляют книги П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства» (1971), Н. И. Кравцова «Проблемы славянского фольклора»

⁵ *Gulian C. I. Istoria, omul și cultura. București, 1970; Gulian C. I. Bazele istoriei și teoriei culturii. București, ed. Academici RSR.*

⁶ *Dutu Al. Coordonate ale culturii românești în secolul XVIII (1700—1821). București, ed. Enciclopedică, 1969; Dutu Al. Sinteza și originalitate în cultura română. București, ed. Enciclopedică, 1972; Dutu Al. Umaniștii români și cultura europeană. București, ed. Minervă, 1974.*

⁷ Работы по культуре до середины 60-х годов освещены в статье И. И. Свириды «Художественная культура зарубежных славянских народов в советской науке» (Сов. славяновед., 1967, № 5, с. 67—76). В настоящий обзор не включены работы, выполненные на Украине и в Белоруссии.

(1970), монографии по фольклору В. Е. Гусева, Б. Н. Путилова, К. В. Чистова.

Не ослабевал в последний период интерес к проблематике культурных взаимоотношений. Хотелось бы отметить здесь монографию А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения» (1966), а также сборники «Русско-польские музыкальные связи» (1963), «Межславянские культурные связи» (1971) и коллективные труды, подготовленные с участием зарубежных ученых по советско-венгерским и советско-чехословацким связям, недавно изданную книгу «Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начала XX века» (1977).

В 60—70-е годы расширился круг работ, непосредственно посвященных историко-культурной проблематике. К ним следует отнести монографии А. С. Мыльникова «Чешская книга. Очерки истории (книги, культура, общество)» (1971), «Эпоха Просвещения в Чешских землях» (1977), монографию И. И. Лещиловской «Иллиризм» (1968), сборник статей «Польское освободительное движение и проблемы истории культуры» (1966), монографию М. Н. Кузьмина «Школа и образование в Чехословакии» (1971), коллективный труд «Школа европейских стран социализма. Послевоенное развитие и современные проблемы» (1976) и др. В этих исследованиях культурно-исторический аспект позволяет более полно представить ведущие тенденции национального исторического процесса. В последнее время культурная проблематика занимает большее место в докладах советских ученых на международных конгрессах славистов и балканистов. Так, достойное место заняли вопросы истории культуры в докладах советской делегации на III Международном конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы. Впоследствии они вошли в серийное издание института «Балканские исследования. Проблемы истории и культуры» (1976).

Отмечая определенные успехи в исследовании культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы на разных исторических этапах, нельзя не отметить некоторую распыленность научных сил, отсутствие координации между научными учреждениями и научными коллективами. В целях сплочения усилий ученых на исследовании важных проблем истории культуры сектор исто-

рико-культурных проблем Института славяноведения и балканстики АН СССР сосредоточил свою работу с начала 70-х годов на исследовании двух узловых проблем: 1) становление национальных культур славянских и балканских народов в эпоху формирования наций и 2) развитие социалистической культуры. Ввиду большого значения второго направления в секторе была создана группа по изучению социалистической культуры европейских социалистических стран (руководитель М. Б. Ешич). Сотрудники этой группы участвовали в ряде конференций по современной социалистической культуре, а в настоящий момент ведут подготовку коллективного труда «Национальное и интернациональное в культуре народов европейских социалистических стран».

Чтобы привлечь внимание ученых к этой проблематике и наметить новые подходы в методологии комплексного изучения проблем культуры, Институт славяноведения и балканстики провел несколько научных конференций. На всесоюзной конференции «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» был заслушан ряд докладов и сообщений по культуре, составивших затем книгу «Культура и общество в эпоху становления нации» (1974). Сборник вызвал положительные отклики попыткой дать обобщающую характеристику тенденций развития культуры на этапе формирования наций.

В 1973 г. была проведена всесоюзная конференция на тему «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В ней приняли участие историки, историки культуры, литературоведы, лингвисты, искусствоведы и фольклористы. Доклады конференции дали возможность проследить общие тенденции складывания национальных культур всего региона, специфику его проявления у народов Центральной Европы и народов Юго-Восточной Европы. На основе материалов конференции был издан в 1977 г. коллективный труд, в котором впервые так широко было предпринято комплексное рассмотрение культуры в определенную историческую эпоху. Конечно, авторам можно пожелать большего в плане обобщения, синтеза разных областей культуры, но и проведенная работа дает богатый материал для выявления важнейших закономерностей ис-

торико-культурного развития данного региона в конце XVIII и первой половине XIX в. (а для Юго-Восточной Европы — 70-х годов XIX в.).

Продолжением усилий ученых в разработке этих же проблем на материале славянских народов, включая и культурные процессы восточных славян — русских, украинцев и белорусов, — явилась международная конференция под эгидой ЮНЕСКО «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций», которая состоялась в Москве в 1974 г.⁸ В конференции приняли участие ученые 17 стран. Изданием материалов этой конференции (сборник вышел в 1978 г. под тем же названием) мы привлекли внимание научной общественности к проблемам, имеющим важное значение в истории культуры славянских народов.

Следует также отметить, что ученые Института славяноведения и балканистики АН СССР активно участвуют в реализации Славянского проекта ЮНЕСКО, по программе которого был проведен ряд международных конференций: «Славянские культуры и Балканы (IX—XIX вв.)» (Варна, 1975 г.), «Славянские культуры в контексте европейских культур (XVIII—XX вв.)» (Берлин, 1976 г.). Продолжая эту традицию обсуждения проблем славянских культур на международных форумах, украинские слависты в рамках программы Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур готовятся к проведению в Киеве в 1979 г. конференции по современным славянским культурам (40—70-е годы XX в.). С помощью таких представительных форумов советские ученые имеют возможность познакомить мировую научную общественность с нашими концепциями в области истории культуры, а также привлечь прогрессивных ученых к исследованию актуальных проблем, в которых заинтересованы ученые и общественность стран социалистического содружества. Это наше практическое участие в культурном и научном сотрудничестве в духе решений совещания в Хельсинки.

Для улучшения координации с учеными социалистических стран Институт славяноведения и балканистики

⁸ К открытию конференции Институт научной информации по общественным наукам АН СССР выпустил библиографический сборник «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв.» (М.: ИНИОН АН СССР, 1974, вып. 1, 2).

АН СССР в области изучения культуры планирует проведение нескольких симпозиумов. С Польской академией наук на базе Института искусств осенью 1978 г. был проведен совместный симпозиум «Развитие польской культуры в XVIII—XIX вв. и русско-польские культурные связи». В 1979 г. в Болгарии на базе Института искусствознания БАН будет проведен симпозиум по историографии «Формирование и развитие социалистической культуры в европейских социалистических странах». А в 1980 г. в Будапеште на базе Института литературы БАН будет проведен советско-венгерский симпозиум «Методологические проблемы исследования истории культуры». Установление более тесных контактов с учеными социалистических стран мы надеемся будет плодотворно для обеих сторон и будет способствовать повышению научного уровня исследований по истории культуры.

В текущем пятилетии сектор историко-культурных проблем, кроме отдельных монографий, готовит два обобщающих труда: «Концепции художественной культуры в эпоху формирования наций» и «Национальное и интернациональное в социалистической культуре европейских социалистических стран». Разумеется, эти труды не исчерпывают важных историко-культурных проблем всего региона, которым занимается Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Мы находимся в большом долгу перед нашей общественностью: от нас ждут и глубоких научных исследований по проблемам культуры и научно-популярных работ, освещающих культуру братских народов на разных исторических этапах.

Вместе с тем надо сказать, что мы находимся в крайне трудных условиях. Очень часто историко-культурные исследования ведутся по целине, так как методология комплексных исследований еще не разработана, мало у нас опыта да и квалифицированных кадров явно недостает. Университеты не готовят специалистов по истории культуры, а на славянских кафедрах университетов даже не читаются специальные курсы по истории культуры славянских народов; мало у нас и аспирантов. Это является серьезным тормозом в развитии исследований историко-культурных проблем.

Конечно, все это не снимает с нас задачу глубокой разработки проблем культуры, создания обобщающих трудов по культуре отдельных народов и региона славян-

ских и балканских народов в целом, по созданию работ, раскрывающих место и роль славянских культур и культур европейских социалистических стран в мировом культурном процессе. Для этого необходимы большая координация научных учреждений и ученых между собой, для этого необходимо шире публиковать информацию о ведущихся исследованиях, статьи по актуальным проблемам культуры в исторических и общественно-литературных журналах и в первую очередь в журнале «Советское славяноведение». Настала пора поставить вопросы культуры в повестку дня всесоюзных конференций историков-славистов.

Лишь общими усилиями мы сможем поднять научный и теоретический уровень наших работ по истории культуры, в частности по комплексному и сравнительно-типологическому изучению культур славянских и балканских народов.

А. И. Рогов

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Едва ли нужно доказывать, что история культуры — это одна из самых комплексных общественных наук. Она включает в себя общественную мысль, литературу, просвещение, архитектуру, изобразительное и прикладное искусство, театр и музыку. Поэтому-то полное и глубокое решение историко-культурных проблем возможно только объединенными и скоординированными усилиями специалистов разнообразных областей науки. При этом, разумеется, не может быть речи о механическом сведении материалов и выводов, полученных в каждой из этих областей. Необходимо их обобщение с точки зрения единства историко-культурного процесса. Когда же речь идет о культурных связях между различными народами, комплексность решения вопросов увеличивается. Здесь необходимо объединить усилия специалистов не только в разных областях культуры, но и занимающихся разными странами и даже регионами.

Проблемы культурных связей в эпоху средневековья особенно нуждаются в комплексном изучении и в координации. Мы располагаем здесь весьма ограниченным количеством источников, чаще всего разрозненных и даже единичных. Историки культуры получают эти источники в большинстве своем как случайные «отходы производства» археологов, филологов и т. п. Вот тут-то и была бы особенно полезной координация в работе ученых, заблаговременное согласование их научных планов.

Следует помнить, что вопросы межславянских культурных связей актуальны в наше время как с научной, так и с идеино-политической точки зрения. Буржуазные и ревизионистски настроенные историки усиленно стараются вбить клин в культурное единство и общение славянских народов. Особенно это относится к взаимоотношениям между западными и восточными славянами.

Проповедуется их вековая разобщенность и чуждость, своими корнями якобы уходящая в диаметрально противоположные историко-культурные типы и модели.

В связи с этим первоочередной задачей исследователей межславянских культурных связей эпохи средневековья является изучение кирилло-методиевской проблематики, причем не столько в плане исследования деятельности самих славянских первоучителей, сколько изучения распространенности и жизненности их традиций среди всех славянских народов независимо от конфессиональной принадлежности. Исследованиями в этом аспекте был бы создан прочный фундамент для понимания и раскрытия основ и корней межславянского единства и славянской взаимности на протяжении многих веков.

Для наших ученых среди вопросов, связанных с кирилло-методиевской проблематикой, одной из общих задач, которая могла бы объединить усилия разных исследователей, нам представляется вопрос о путях проникновения кирилло-методиевского наследства и традиций на Русь.

О Болгарии, как об одном из важнейших каналов этого проникновения, писали давно и много, хотя и здесь далеко не все вопросы решены. Достаточно напомнить проблему проникновения славянской письменности из Болгарии на Русь до ее официального крещения. По этому вопросу мы располагаем лишь единичными фактами (палеографические особенности гнездовской надписи, староболгарский в своей основе язык договоров русских князей с греками).

Болгария, однако, не была единственной страной, через которую Русь восприняла великое кирилло-методиевское наследство. Бесспорный вклад в этом отношении сделан был и Чехией, явившейся непосредственной преемницей великоморавского, а значит кирилло-методиевского наследства. На Русь не просто попали такие замечательные памятники славянской письменности, созданные в Чехии, как жития Вячеслава и Людмилы, но они послужили образцом для создания русских агиографических произведений, в частности борисоглебского цикла¹. Быть может, великоморавский памятник исто-

¹ Рогов А. И. Чешское наследие в культуре Древней Руси.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968, с. 114—129.

рического содержания, посвященный началу славянской письменности, попал через посредство Чехии на Русь и был там использован в начале XII в. при составлении «Повести временных лет» (гипотеза Н. К. Никольского)². Особо сложный путь на Русь проделал такой юридический памятник, как «Закон судный людям», который имеет как западные моравско-чешские черты в покаянной части, так и болгарские в статьях, посвященных гражданскому законодательству³. Следует внимательно изучить и другие памятники славянской письменности, попавшие на Русь, с точки зрения подобных же наследий и видоизменений, которые могли бы пролить свет на пути их продвижения. И здесь со всей остротой возникает насущный вопрос координации усилий историков, историков права и лингвистов (как богемистов, так и болгаристов).

Моравско-чешский путь проникновения кирилло-методиевских традиций находит свое подтверждение в данных археологии и истории архитектуры. Мы имеем в виду распространение такой типичной для Великой Моравии формы храмов, как ротонда. Можно проследить продвижение этого типа построек из Моравии через Чехию в Закарпатье и далее в Киевскую Русь. Некоторые из этих ротонд, пусть и в перестроенном виде, сохранились до нашего времени (пражские ротонды, ротонда в Ужгороде, во Владимире-Волынском), другие открыты археологами (Микульчицы в Моравии и недавно раскопанная П. Толочко ротонда в Киеве).

Форма храма-ротонды существовала и в Польше. Такие храмы известны в Кракове (на Вавеле и св. Сальватора) и в Вислице⁴. Вислицкая постройка в этом отношении представляется особенно знаменательной. Дело в том, что именно вислицкий князь, судя по всему, был крещен Мефодием. Не случайно в Вислице был обнаружен календарь XIV в. с упоминанием преемника Мефодия по великоморавской кафедре св. Горазда⁵. В свете

² Никольский Н. К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального этапа русской письменности и культуры. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, вып. I.

³ «Закон судный людям»/Под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 25.

⁴ Odkrycia w Wíslicy. Warszawa, 1963.

⁵ Zathey J. O kilku przepadłych zabytkach rękopiśmennych Biblioteki

этих открытий и наблюдений кажется вполне вероятной гипотеза А. И. Соболевского о том, что Тынецкий бенедиктинский монастырь под Краковом был одним из пунктов, через которые великоморавское кирилло-мифодиевское наследство могло проникнуть на Русь⁶. Дальнейшее исследование памятников древнерусской письменности, в которых есть западнославянские лингвистические признаки и возможное их разграничение на чешско-моравские и польские, во многом могло бы пролить свет на этот важный вопрос.

Объединяя свои усилия, слависты, изучающие межславянские культурные связи, должны не упускать из виду взаимность этих связей, их плодотворность, а не сводить данную проблему к простым влияниям и односторонним воздействиям. Разумеется, это не означает, что всегда существовал некий баланс в культурных взаимосвязях различных народов. В разные периоды интенсивность действия одной культуры на другую в рамках их взаимодействия была неодинаковой. Так, если в X—XI вв. болгарская культура, превосходя по своему уровню русскую, так много дала для ее развития, то уже в XII в. русские памятники письменности становятся хорошо известными и даже популярными у южных славян, а тератологический стиль их орнаментики, зародившийся, как полагает ряд исследователей, на Руси, широко распространился на Балканах. В XIV—XV вв. мы вновь наблюдаем усиление обратного потока — так называемое второе южнославянское влияние как в литературе, так и в искусстве. В XVI—XVII вв. русская культура, ее памятники и ее традиции оставляют заметный след в культуре балканских народов, хотя в это же время, особенно в XVI в., не ослабевает интерес к южнославянской культуре на Руси. Точно так же русско-польские культурные связи в разные периоды бывают то с большей степенью активности с русской стороны (XIV—XV вв., русские летописи у польских хронистов, русские иконы и фрески в Польше)⁷, то с усилением активности польской стороны

Narodowej w Warszawie.—In: *Studia z dziejów kultury polskiej*. Warszawa, 1949, s. 2.

⁶ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 108—109.

⁷ Рогов А. И. Русь и Польша в их культурном обществе в XIV—начале XV в.—В кн.: Польша и Русь: Черты общности и своеобразия

(польские влияния почти во всех областях русской культуры 2-й половины XVII в.).

Для славистов особенно важно объединение усилий с византистами. Ни о каких культурных взаимосвязях, например южных и восточных славян, нельзя говорить, не проверив то или иное явление в различных областях культуры по византийским материалам. Напомним в связи с этим характерный пример, связанный с теорией Н. И. Брунова о проникновении в южнославянскую архитектуру якобы из Руси утопленной кладки плинфы со скрытыми рядами⁸. Как оказалось, такая кладка была хорошо известна в Византии, откуда попала как на Русь, так и на Балканы. Без подобной проверки нельзя пока выносить суждений и в отношении памятников изобразительного искусства.

Точно так же, говоря о межславянских культурных связях в период Возрождения и барокко, необходимо привлекать специалистов по западноевропейской культуре, при этом разных ее сфер и областей. Только тогда будет ясно, например, в какой мере Россия освоила собственно польское культурное наследство и в какой мере Польша была посредником в передаче достижений западноевропейской культуры в XVII в.

Говоря о координации усилий исследователей по вопросам межславянских культурных связей, нельзя упускать из виду подготовку соответствующих специалистов в вузах. Эту подготовку необходимо производить совместными усилиями славистических кафедр исторических и филологических факультетов с привлечением кафедр отечественной истории и филологии. Представляется целесообразным в связи с этим постановка на этих неславистических кафедрах тем по истории русско-славянских культурных связей с опорой на русские источники и материалы.

Координацию по изучению межлавянских культурных связей нельзя ограничивать пределами только нашей страны. Ведь речь идет об изучении культуры стран социалистического содружества, которые все больше спла-

в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М.: Наука, 1974, с. 276—295.

⁸ Брунов Н. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян.—Архитектурное наследство. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1952, вып. 2.

чивают свои усилия не только в области экономики, но и в области науки и культуры. Постоянно и всесторонне необходимо изучать памятники русской культуры, попавшие в другие славянские страны и являющиеся свидетельством русско-славянских культурных связей, а это лучше могут сделать ученые тех стран, где эти памятники находятся. И наоборот: памятники славянской культуры в нашей стране обстоятельнее и полнее могут изучать наши ученые. Естественно при этом, что в полной мере оценить место этих памятников в культуре той или иной страны можно только при совместной работе со специалистами из этих стран.

Покажем на конкретном примере. Выявить и изучить полотна польских мастеров, так много трудившихся в Москве в XVII в., легче и естественнее нашим ученым, тогда как определить их место в польском искусстве XVII в. лучше при сотрудничестве с польскими историками культуры.

Таким образом, изучение проблем межславянских культурных связей в эпоху средневековья выдвигается как одна из тех задач современной славистики, которая требует комплексного подхода к своему решению, объединения и координации усилий широкого круга учреждений и специалистов.

|И. М. Шептунов|

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО И БАЛКАНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В 1975 г. в Институте славяноведения и балканстики АН СССР была создана группа по изучению фольклора народов Центральной и Юго-Восточной Европы, на которую возложены функции координации изучений славянского и балканского фольклора в масштабах страны. Группа стремится сотрудничать со всеми специалистами в области славянского и балканского фольклора в СССР.

Со времени координационного совещания 1961 г. с участием сотрудников группы был проведен ряд исследований по славянскому фольклору. Это прежде всего сборники докладов советских делегаций на V, VI и VII международных съездах славистов, в которых представлены доклады Н. И. Кравцова, Э. В. Померанцевой, Б. Н. Путилова, В. К. Соколовой, К. В. Чистова, Б. П. Кирдана, В. Е. Гусева, В. Г. Базанова, В. М. Гацака и других, а также работы украинских фольклористов, опубликованные в книге «Межславянские фольклорные взаимоотношения» и коллективном докладе «Историко-типологические и генетические связи в эпическом песенном творчестве славян»¹.

Вскоре после совещания 1961 г. вышел VIII том серии «Русский фольклор», содержащий работы о народной поэзии славян², и затем том XI, посвященный историческим связям в славянском фольклоре³. В 1965 г. был опубликован сборник статей по славянскому фольклору, среди которых необходимо отметить исследования В. К. Соколовой, В. Е. Гусева, Б. Н. Путилова⁴.

¹ См.: Міжслов'янські фольклористичні взаємини. Київ: Наукова думка, 1963; Историко-типологичні та генетичні зв'язки в епічній пісennій творчості слов'ян. Київ: Наукова думка, 1968.

² Русский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963, т. VIII. Народная поэзия славян.

³ Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1968, т. XI. Исторические связи в славянском фольклоре.

⁴ Славянский фольклор и историческая действительность: Сб. статей. М.: Наука, 1965.

Фольклористы Института этнографии АН СССР П. В. Линтур, Б. Н. Путилов, М. М. Плисецкий и другие выступили с исследованиями, освещавшими межславянские сюжеты⁵. В Киеве увидел свет фольклористический сборник «Освободительное движение славян в народном песенном творчестве»⁶. Проблемам славянского музыкального фольклора посвящен «Славянский музыкальный фольклор»⁷.

В фольклористических изданиях последних лет присутствуют и статьи, посвященные балканскому фольклору⁸.

Если балканские исследования по существу лишь только начались, то изучение славянского фольклора шло интенсивно, что нашло свое отражение в значительном количестве монографий⁹. Я не останавливаюсь на огромном числе статей и рецензий, посвященных славянскому фольклору и опубликованных за эти годы в различных изданиях.

Вместе с тем в изучении фольклора народов Центральной и Юго-Восточной Европы имеются еще и недостатки, есть еще проблемы, требующие обсуждения, есть

⁵ Славянский фольклор: Сб. статей. М.: Наука, 1972.

⁶ Визвольний рух слов'ян у народній пісенній творчості. (XVII—XIX ст.). Київ: Наукова думка, 1971.

⁷ Славянский музыкальный фольклор. М.: Музыка, 1972.

⁸ См.: Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973; Фольклор и этнография. М.: Наука, 1974; Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

⁹ См.: Шумада Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки: Період болгарського відродження. Київ, 1963; Богатирев П. Г. Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни («Збойницкий цикл»). М.: Изд-во АН СССР, 1963; Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967; Мордвінцев А. А. Славянская антирелигиозная сказка. Киев: Наукова думка, 1970; Скрипка В. М. Українсько-чеська та словацька народна лірика. Київ: Наукова думка, 1970; Богатирев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971; Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; Гайдай М. М. Народна етика у фольклорі східних і західних слов'ян. Київ: Наукова думка, 1972; Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М.: Наука, 1972; Крутъ Ю. З. Хліборобська обрядова поезія слов'ян. Київ: Наукова думка, 1973; Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974; Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975; Кравцов Н. И. Славянский фольклор. М.: Изд-во МГУ, 1976; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976.

вопросы, нуждающиеся в координации усилий и в комплексном подходе при их решении.

Интерес к фольклору, к определению его места и значения в общекультурном процессе славянских и балканских народов как древней поры, так и в эпоху средневековья, Возрождения, новой и новейшей истории, все более возрастает. Фольклор народов Центральной и Юго-Восточной Европы, зафиксировавший и сохранивший в себе общественный опыт народных масс, отражающий определенный уровень общественной мысли, общественного сознания народностей, а затем национальностей, вошел в период формирования наций в золотой фонд национальной культуры. Он отличается богатством идеино-тематического содержания, в нем мы находим высокие образцы художественной формы, отшлифованные коллективным творчеством. Он удовлетворял культурные нужды народа, помогал сохранять национальную самобытность, был школой социально-политического и трудового опыта. Все это заставляет нас быть очень внимательными к фольклорному наследию, к его фиксации, к его сохранению и изучению.

Важным и новым этапом изучения фольклора являются современные поиски в области системного подхода ко многим явлениям фольклора, к рассмотрению фольклора как сложной многоплановой системы, состоящей из взаимодействующих между собой подсистем различного уровней. При этом с очевидностью выявляется необходимость изучения устного поэтического творчества в системе народной культуры, которую мы определяем как устойчивую совокупность обычаяев, верований, миропонимания, моральных, правовых, этических и эстетических норм, отложившихся в ходе исторического развития человеческих общностей от первобытнообщинного строя до периода формирования нации и национальной культуры. Мы глубоко убеждены, что изучение фольклора продуктивно в контексте народной культуры. Такое изучение способствует комплексному раскрытию содержания и формы фольклорного произведения, его связей с другими элементами народной культуры, его места и функции в данной подсистеме. Именно к такому изучению мы и стремимся. В качестве долгосрочной перспективы основного направления наших исследований мы наметили широкое сравнительное изучение славянского

фольклора (в ряде случаев и сопоставление славянской и неславянской традиций) с целью выявления этногенетических корней славянского и балканского народного творчества, и в первую очередь с целью реконструкции общеславянского (праславянского) фонда в области обрядовой поэзии, эпоса, мифологии и проч. Такое направление работ позволило бы нам со временем не только восстановить картину общеславянского фонда, но и показать эволюцию фольклорной традиции славян в целом. Сопоставив затем полученные нами результаты с данными лингвистики, археологии, этнографии и музыкальной фольклористики, удалось бы, по-видимому, прояснить решение сложнейших вопросов, связанных с этногенезом славянских и балканских народов.

Перед нами встает еще одна очень важная проблема. В течение уже многих лет в Институте славяноведения и балканистики АН СССР изучается Полесье. Эта работа вначале велась только лингвистами. В ее выполнении принимали участие также академические институты и высшие учебные заведения Белоруссии и Украины.

В 1974 г. эта работа возобновилась, но ныне она имеет другой характер. Состоялись четыре экспедиции, в которых принимали участие студенты МГУ и фольклористы Института славяноведения и балканистики АН СССР. Сейчас эти экспедиции наряду с лингвистическими задачами ставят и задачи фольклорного и этнографического плана и имеют целью изучение традиционной духовной культуры Полесья.

Фиксируя определенные факты в Полесье и подбирая к ним параллели из других славянских районов, мы получаем возможность воссоздать общеславянский генетический фонд народной духовной культуры, датируемый началом нашей эры.

Эта проблема и выносится нами как большая координируемая между АН СССР, АН БССР и АН УССР тема. Она требует к себе большого внимания и четко наложенной организаторской работы.

Б. Н. Путилов

МЕСТО ФОЛЬКЛОРА В КОМПЛЕКСНЫХ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Современный комплексный подход к фольклору может осуществляться по крайней мере в трех основных аспектах.

Фольклор как явление культуры в силу своего синкретического характера составляет предмет комплексного исследования. Слово, танец, музыка, жест и другие художественные элементы в фольклоре находятся в единстве и во взаимодействии. В разных жанрах и на разных исторических этапах народного творчества это единство проявляется в разных качествах и с разной степенью интенсивности, но в принципе оно свойственно самой природе фольклора и неправомочно его игнорировать, поскольку вычленение отдельных элементов этого синкретического целого и их независимое рассмотрение приводят к серьезным утратам. В последнее время все настойчивее выдвигаются требования комплексного рассмотрения фольклора, идут поиски соответствующей методики, предлагаются конкретные опыты в этом плане¹.

Современное понимание синкретической природы фольклорного искусства в целом и в отдельных его жанровых разновидностях заставляет весьма критически относиться к распространенной в наше время формуле «фольклор — искусство слова». Дело в том, что следова-

¹ См., например: Гусев В. Е. Комплексное изучение фольклора.— В кн.: Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М.: Музыка, 1973, с. 7—16; Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971; Разина Т. М. Русское народное творчество. М.: Изобразительное искусство, 1970; Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1975; Рубцов Ф. А. Соотношение поэтического и музыкального содержания в народных песнях.— В кн.: Вопросы теории и эстетики музыки. Л.: Музыка, 1967, вып. 5, с. 191—229; Дубравин В. К вопросу о взаимосвязи текста и напева в русских былинах.— В кн.: Поэзия и музыка. М.: Музыка, 1973, с. 84—96; Мохирев И. А. Из опыта совместного изучения вятских песен фольклористами — филологами и музыкантами.— В кн.: Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества: Республиканский сборник. М.: 1976, вып. 3.

ние этой формуле неизбежно ведет на путь традиционного рассмотрения устнopoэтического слова в обычных литературоведческих рамках, обычно — с весьма слабыми выходами за их пределы. Слово фольклорное по существу приравнивается к слову литературному, фольклорный текст анализируется как книжный. И как бы ни были весомы последствия такого анализа, он неизбежно обедняет рассматриваемый поэтический материал, так как не учитывает его глубокой специфики. Слово в фольклоре — особое слово, со своим набором признаков и свойств, со своим кругом возможных значений и художественных функций, со своей глубиной ассоциаций. Это не слово писателя и не слово, предназначеннное для прочтения, у него иные корни, иной способ рождения и иные связи. Помимо этого, в фольклоре слово никогда не бывает предоставлено самому себе, оно всегда находится в более широком и разнообразном контексте и должно быть понято в нем. Фольклорное слово — это слово поющеся, рассказываемое, произносимое, играемое, выкрикиваемое, включенное в разные действия, прилагаемое к разным предметам, ограниченное в своем воспроизведении определенными условиями, известными пространственными, временными, социальными, половозрастными и другими границами.

Изучать такое слово чрезвычайно трудно. Во-первых, потому, что мы располагаем совершенно недостаточным материалом, полевые исследования до недавнего времени мало ориентировались на комплексный характер фольклора, а в наши дни собрать такой материал по целому ряду жанров крайне сложно, а иногда и просто невозможно. Тем не менее опыты в этом направлении идут в фольклористике ряда славянских и балканских стран.

Другая трудность обусловлена отсутствием разработанной методики анализа фольклорного текста на принципах собственно фольклористических. И одна из актуальных задач науки заключается в выработке такой методики, в обсуждении разных приемов, в совместном постижении сложного искусства прочтения и научной интерпретации синкетического текста. С этим связана и еще одна сложность — отсутствие специалистов, профессионально готовых провести комплексные исследования какого-либо фольклорного жанра на всех его уровнях. Было бы иллюзией рассчитывать на появление таких специалистов в ближайшее время, равным образом под-

готовленных в филологическом, музиковедческом, хореографическом, театроведческом профилях, да еще с фольклористическим уклоном, реально добиваться того, чтобы специалист одного профиля был достаточно хорошо ориентирован в соседних сферах. В наше время, например, фольклористы-музыканты нередко вполне профессионально ориентируются в филологических аспектах. Главный путь осуществления комплексных исследований все же — это создание творческих коллективов, которые могли бы осуществить и серию направленных полевых исследований, и разработку теоретических проблем на основе полученных данных. В перспективе комплексные исследования должны выходить за локальные или региональные рамки и приобретать широкий сравнительно-исторический характер.

Другой уровень комплексности фольклора заключается в его широкой и принципиальной соотнесенности с внефольклорными системами, входящими в живую, функционирующую народную культуру. В последнее время все настойчивее развивается и обосновывается плодотворная мысль о том, что качественной особенностью фольклора является его органическая включенность в исторически сложившийся, динамический комплекс культурно-бытовой деятельности народа. Фольклор в целом, в его специфике, в важнейших признаках (в том числе и в эстетике) обусловлен фактом этой включенности. Другими словами, он не просто отражает действительность, он не только выражает представления и стремления народа, но он сам есть существенный элемент этой действительности, связанный с нею сложной системой функциональных связей.

Вопрос о функциональности фольклора чрезвычайно важен. До недавнего времени функциональность трактувалась как некая внеэстетическая категория, как проявление прикладного, практического назначения различных видов фольклора. Нередко говорилось о наличии художественных и нехудожественных функций. Между тем такое понимание неточно. Функциональные связи — это такие связи между фольклором и внефольклорными системами, находящимися непосредственно рядом с ним, или отдаленными, которые обуславливают структуру самого фольклора и получают отклик в его эстетике. Функциональность не есть нечто внешнее, дополнительное,

привходящее, стоящее якобы над эстетикой, но она органична для фольклора как искусства. Поэтому рассмотренные фольклора в системе его функциональных связей — это обязательное условие для подлинного проникновения в его глубину².

Исследование, классификация типов таких связей и их развития в истории фольклора имеет чрезвычайно большое теоретическое значение. Можно с уверенностью говорить, что сложные связи стоят у истоков первобытного фольклора: он возник, формировался, развивался на почве разнообразных и довольно жестких функциональных связей, среди которых на первом плане были связи производственно-магические, ситуативно-бытовые, мифологические, обрядовые. Это обстоятельство весьма важно для исследования и реконструкции архаических форм и состояний славянского и балканского фольклора. В сущности новейшие исследования в этой области у нас основываются на признании и выявлении функциональных связей фольклорных жанров и памятников с естественным языком, обрядами, мифологией, общественной практикой².

Столь же важно уяснение комплекса функциональных связей и для понимания фольклора на более поздних стадиях его истории, в частности, для классических жанров славянской и балканской народной поэзии. Здесь на одно из первых мест выдвигается проблема «фольклор и этнография».

Проблема эта в полном смысле слова комплексная, имеющая одинаково важное значение как для фольклористики, так и для этнографической науки. Фольклор — важнейший элемент народной жизни, проникающий в самые разные ее сферы, по-своему ее описывающий и по-своему в ней функционирующий. Подобно тому, как

² См., например: Иванов В. В. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М.: Наука, 1976; Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М.: Наука, 1965; Они же. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975; Цывьян Т. В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце.— В кн.: Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1976, и др.

фольклор вне бытовых связей не может быть по-настоящему понят, так и сама народная жизнь в ее разных проявлениях не будет должным образом раскрыта без учета данных фольклора³. Это особенно относится к ряду традиционных институтов социально-бытового плана. Многие из них открываются перед нами в своем значении, в этногенетических и этноисторических связях, в развитии когда изучаются в единстве с включенным в них фольклорным материалом, который осмысливается не как иллюстративный, а как органически им свойственный.

В фольклористике и этнографии мы располагаем большим количеством исследований, наблюдений, обобщений, относящихся к этим проблемам. Комплексное этнографическое и фольклористическое изучение народно-бытовой традиции какого-либо края успешно осуществляется научными учреждениями славянских и балканских стран. Обмен опытом в этом плане, взаимный учет достижений, выработка общих методических принципов были бы весьма полезны в настоящее время⁴.

Важно найти возможности и пути перехода от более или менее локальных комплексных фольклорно-этнографических исследований к работам историко-типологического и историко-генетического порядка, т. е. к коллективным работам на общеславянские и общебалканские темы. Столь же важно придать таким исследованиям характер диахронических. Весьма перспективна задача объединения проблематики структурно-типологической и историко-типологической, учитывая, что и та и другая в последнее время плодотворно развиваются на материалах балканского и славянского фольклора⁵.

³ См.: Чистов К. В. Фольклор и этнография.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970, с. 3—15; Путилов Б. Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора.— В кн.: Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977, с. 3—14; Он же. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории.— В кн.: Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977, с. 14—22; Ангелова Р. Бит и фолклор.— Известия на Этнографический институт и музей, София, 1972, кн. XIV.

⁴ См. обзоры последнего времени: Этнография в странах социализма: Очерки развития науки. М.: Наука, 1975, а также журналы «Советская этнография» и «Советское славяноведение».

⁵ См.: Труды по знаковым системам. Изд-во Тартуского ун-та, 1965—1977, вып. 2—8; Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. Славянский фольклор. М.: Наука, 1972; Славянский

Карпатская и балканская комиссия приступила в настоящее время к разработке плана-проспекта коллективного международного труда, посвященного песенному фольклору, обычно называемому по традиции збойническим, разбойническим, гайдукским. Этот труд должен охватить материал ряда народов обширного региона. Его комплексный характер обусловлен не только многоэтническим составом, но и необходимостью рассмотреть песенный фольклор в соотношении с жанрами народной прозы (предания на сходную тематику), с комплексом социальных и бытовых условий жизни и борьбы, с политической историей и др. Основная задача предполагаемого труда, который должен носить обобщающий характер, — выявить историческую типологию обширного фольклорного явления в его комплексных связях с исторической типологией народных судеб и народного быта.

Третий аспект комплексности фольклора заключается в его соотнесенности с национальной политической историей и развитием национальной культуры в целом. Известна творческая, формирующая роль народного искусства в развитии национальной общественной мысли, литературы, разных видов профессионального искусства. В истории славянских и балканских народов эта роль исключительно велика. И хотя она показана в различных исследованиях историков, лингвистов, фольклористов, литературоведов на многочисленных фактах, главным образом XVIII—XX вв., все же остается актуальной задача раскрытия этой роли в широком обобщающем плане, а также конкретной разработки отдельных тем. С другой стороны, для фольклористики важно более полное установление меры и специфики воздействия на развитие и судьбы фольклора факторов общенациональной истории и культуры, находящихся вне собственных границ народного быта и народной культуры. При этом нужно остерегаться перенесения на фольклор, на его взаимоотношения с действительностью наших представлений о литературных процессах и законах, их обуславливающих. Фольклор взаимодействует с движущейся действительностью по собственным законам, отличным от литературных. Нельзя уподоблять в этом плане эпос исторической

и балканский фольклор. М.: Наука, 1971; Межславянские культурные связи. М.: Наука, 1971.

литературе (летописям, например), сказку — книжной новелле или роману, народную песню — литературной лирике. У фольклорных жанров свое понимание задач, свои темпы и ритмы взаимодействия с жизнью, свои возможности⁶. Истолкование их в привычном литературоведческом духе как непосредственного отклика на определенные события, поиски прототипов для фольклорных персонажей, стремление обнаружить сдвиги в художественном сознании на коротких отрезках времени и т. д. приводят нередко к упрощениям и неверным истолкованиям. Эти недостатки особенно отчетливо дали себя знать в работах представителей исторической и неоисторической школы по эпосу славянских народов⁷.

Действительное место фольклора в комплексе сложных и многообразных явлений народной, национальной истории и культуры может быть установлено лишь при самом строгом учете его специфики, принципов его взаимодействия с разными сторонами жизни, особенностей его историзма.

⁶ См.: Путилов Б. Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора.— В кн.: Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975, с. 12—21.

⁷ Критику такого подхода см.: Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения. Ученые записки/ЛГУ, 1968, № 339. Серия филологических наук, вып. 72, с. 5—25; Он же. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976, с. 83—115; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976; Он же. Северорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу.— В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973, с. 173—190.

ОБ ИТОГАХ И ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В УКРАИНСКОЙ ССР

За последние два десятилетия на Украине в области славяноведения вышло немало работ, свидетельствующих о возросшем научном интересе к литературе, языкам, истории, фольклору, живописи зарубежных славянских народов. Большой интерес к культуре европейских социалистических стран выражают не только специальные научные издания, но и республиканская общественно-политическая и литературно-художественная периодика.

Результаты исследований украинских ученых требовали бы специального рассмотрения. Здесь будут освещены лишь общие тенденции и направления научно-исследовательских работ.

Некоторые важные научные работы в области славяноведения, появившиеся на Украине в последнее время в значительной степени были результатом координации украинских научных учреждений и Института славяноведения и балканистики АН СССР. Назову здесь для примера коллективные исследования «Октябрь и зарубежные славянские литературы», «Литература правды и прогресса (К вопросу о развитии литературного процесса в странах социалистического содружества)», «Развитие и взаимообогащение жанров славянского фольклора».

В течение последних лет издан ряд работ, отмеченных стремлением к обобщению. Если же говорить о тематике культурологических исследований, то она касалась проблем: 1) процессы развития, взаимообогащения и сближения культур стран социалистического содружества; роль советской культуры в этих процессах; 2) проблема единства метода и многообразия стилей художественных культур европейских соцстран; 3) преемственность и традиции в современных славянских культурах. При этом главное внимание уделялось изучению роли культуры в жизни народа в период построения развитого социалисти-

ческого общества, определению общих закономерностей ее развития, динамики интернационального сближения и взаимодействия национальных культур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, влияния новой социалистической структуры общества на духовный мир формирующейся личности. Если раньше большинство работ было посвящено вопросам развития литературы и языков славянских народов, а также фольклора, то в последнее десятилетие появились исследования и из области изобразительных искусств, театра, кино, музыки, а также из области связей художественных культур зарубежных славянских народов с украинской¹. Наряду с традиционной славистикой, усиливается тенденция к комплексной разработке проблем культуры всех европейских стран социалистического содружества (имеется в виду научная продукция не только киевских, но также одесских, львовских, ужгородских и черновицких славистов).

Одной из центральных задач, поставленных перед учеными республики, является изучение культуры украинского народа в единой системе культур социалистических наций — СССР и шире — стран социалистического содружества. Вузовские кафедры русской литературы и литературу народов СССР, отделы и секторы в институтах литературы и языкоznания, в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии, в Институте истории АН УССР, Институте общественных наук АН УССР во Львове создали монографические исследования, посвященные многовековым связям украинской культуры с русской, польской, чешской, болгарской, немецкой и культурами других народов. Наиболее показательной в этой связи является разработка вопроса о зональном, в данном случае общеславянском, контексте национальной культуры. Главная мысль украинских исследователей сводится к тому, что контекст — это не случайный интернациональный фон национальной литературы и даже не статика ее связей на различных уровнях, но самое ее функционирование как части целого, т. е. само ее существование и развитие во внутренних и внешних взаимо-

¹ Гаккебуш В. В. В сучасному польському театрі. Київ: Мистецтво, 1972; Степовик Д. В. Українсько-болгарські мистецькі зв'язки. Київ: Наукова думка, 1975; Федорук О. К. Джерела культурних взаємин: Україна в творчості польських художників другої половини XIX—початку XX ст. Київ: Мистецтво, 1976.

действиях по вертикали и горизонтали исторического процесса. Именно такой подход к проблеме дает возможность рассматривать национальную культуру в ее динамике, взаимодействии, помогает подлинно научному определению ее национальной специфики. Теоретическая разработка проблемы контекста особенно важна при изучении опыта развития современных культур стран социалистического содружества, когда их взаимодействия становятся характерным явлением эпохи сближения.

На Украине более углубленному изучению проблемы связей и взаимодействия культур содействовали появившиеся в последнее время капитальные труды: «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков», «История украинской литературы» в 8 томах, «Современный украинский язык» в 5 томах, «История украинского искусства» в 6 томах, создаваемые «История Украинской ССР» и «Словарь украинского языка» в 11 томах и др. В этих трудах исследователь может найти не только оценку наиболее сложных явлений национальной культуры, но и их связей с параллельными явлениями в других славянских культурах, прежде всего в русской, сведения о взаимодействиях украинской культуры с другими культурами мира. Все это дало толчок новым исследованиям, пусть даже порой описательным, которые затем легли в основу как трудов энциклопедического характера (например, «Шевченковский словарь» в 2 томах), так и трудов характера историко-обобщающего («Взаимообогащение и сближение литератур народов СССР», «Взаимообогащение и сближение украинского искусства с искусством братских советских народов» и др.). Следует при этом подчеркнуть, что во многих работах, — и это является тенденцией советских гуманитарных наук вообще, — наблюдается стремление к комплексному, междисциплинарному решению научных проблем. Исходя из того, что в развитии культуры каждого из советских народов исключительно важную роль играют постоянно действующие связи и взаимодействия между ними, являющиеся, в свою очередь, мощным стимулом формирования и интенсивного развития всех видов социалистического искусства, авторы коллективного труда «Взаимообогащение и сближение украинского искусства с искусством братских советских народов» решают проблему связей в области культуры как единую систему, в кото-

рой диалектически взаимодействуют все виды культуры — музыка, изобразительное искусство, кино, театр и др. В коллективной работе «Интернациональное и национальное в современном славянском фольклоре» обобщаются данные народного творчества славян, раскрывается его жанровое и стилевое богатство, пути сближения, трансформация старых традиционных форм фольклора в новые. В коллективном исследовании «Культурное строительство в современных странах социализма», в создании которого принимали участие историки, искусствоведы, представители педагогической науки, философы, показано, как под руководством коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, революционных преобразований во всех сферах общественной жизни создавалась новая, социалистическая культура.

В течение ряда лет литераторы-слависты республики работали над изучением художественного опыта крупнейших писателей европейских социалистических стран в результате чего появились книги о творчестве Ярослава Ивашкевича, Ежи Путрамента, Димитрия Димова, а также сборник «Индивидуальность писателя и литературный процесс», в котором речь идет о творчестве Эмилиана Станева, Ласло Немета, Михая Бенюка, Рудольфа Яшика, Тадеуша Ружевича, Прежихова Воронца, Виславы Шимборской. Изучая творческий путь того или иного писателя, авторы пытаются решать общие вопросы становления и развития современных социалистических литератур, традиционного и новаторского в них, определяющего значения метода социалистического реализма, острой идеально-эстетической борьбы в процессе его утверждения.

В планах научно-исследовательских работ на ближайшие годы соответствующих институтов Академии наук и вузов республики будут также преобладать коллективные, комплексные исследования, задача которых — раскрытие общих закономерностей развития культуры европейских социалистических стран, ее жанрового и стилевого многообразия, ее роли в жизни общества. Так, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского планирует создание (совместно с учеными Москвы и Ленинграда) коллективного труда «Пути развития искусства стран социалистического со-

дружества на современном этапе», Институт литературы им. Т. Г. Шевченко — «Развитие и взаимодействие современных славянских литератур», Институт языковедения им. А. А. Потебни — «Развитие лексики и семантики славянских языков».

Стремление к обобщениям, комплексному решению проблем предполагает наличие большой подготовительной работы, обязывает тщательно и всесторонне изучать и систематизировать материал.

Мы являемся очевидцами усиления международных связей во всех областях культуры — как в рамках социалистических стран, так и в мировом масштабе. Все более выразительно сказывается мировое значение социальных, идеально-эстетических и гуманистических ценностей социалистических культур. В то же время обостряется борьба с нашими идеальными противниками. Мы должны реагировать на это во всеоружии знаний и опыта советской науки, расширять и углублять научные связи с прогрессивными учеными зарубежных стран.

А. И. Мальдис

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В БЕЛОРУССИИ

Белорусские слависты работают по преимуществу в Академии наук БССР и в Белорусском государственном университете им. В. И. Ленина, где по инициативе А. Е. Супруна регулярно, раз в пять лет, проводятся республиканские славистические конференции. В последние годы возраст интерес к славянским языкам и литературам в Гродненском и Гомельском университетах, в Минском и периферийных пединstitутах.

В секторе взаимосвязей литератур Института литературы им. Я. Купалы АН БССР исследуется взаимодействие белорусской литературы с литературами соседних славянских народов. Организатор этих исследований Н. С. Перкин занимался вопросами диалектики национального и международного сближения и взаимообогащения литератур народов СССР. Книги Н. С. Перкина «В семье братских литератур» (1967), «Национальное и международное в литературе» (1971), «Человек в советском романе» (1975) были с большим интересом встречены общественностью. А. Адамович — ныне заведующий сектором — издал большую монографию «Издали и вблизи» (1976), где прослежены традиции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в творчестве белорусских прозаиков, особенно К. Чорного. В. Гапова написала монографию о творчестве Элизы Ожешко¹, а в последнее время обратилась к типологическому сопоставлению белорусской и польской «деревенской» прозы. Некоторые черты общности и различия романов и повестей К. Чорного и Я. Брыля, с одной стороны, Ю. Кавальца и М. Домбровской — с другой, установлены в ее книге «Изменчивое и извечное»². Э. Мартынова плодотворно занимается вопросами белорусско-украинских взаимосвязей, поэтического перевода.

¹ Гапава В. І. Эліза Ажешка: Жыццё і творчасць. Мінск, 1969.

² Гапава В. І. Зменлівае і спрадвочнае: Вопыт тыпалагічнага даследавання беларускай і польскай «вясковай прозы». Мінск, 1975.

Разностороннему влиянию польской литературы на белорусскую литературу XIX — начала XX в. посвящена работа У. Казбера «Степени роста»³. Различные аспекты белорусско-польского культурного взаимодействия рассматриваются также в книгах А. Мальдиса «Творческое братство», «Путешествие в XIX столетие» и «Тайны древних собраний»⁴. В. Коваленко в последнее время интересует тема «Миф и сказка в белорусской литературе (история использования и проблема литературных взаимосвязей)». Близки к тематике сектора темы готовящихся кандидатских диссертаций «Максим Танк и польская литература» А. Воробья, «Владислав Сырокомля и белорусская литература» В. Мархеля. Сектор взаимосвязей литератур еще в 1966 г. провел научное совещание с участием московских, киевских, вильнюсских и рижских исследователей, а также ученых из Болгарии и Польши. Изданы два сборника: «Содружество литератур» и «Страницы литературных связей»⁵. Сотрудники сектора подготовили доклады к VII и VIII международным съездам славистов, выступали на всесоюзных и международных конференциях.

Работы сектора общего и славянского языкознания Института языкоznания им. Я. Коласа АН БССР сегодня известны далеко за пределами республики. Это прежде всего монографии В. Мартынова «Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одерской прародине славян» (1963), «Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры» (1963), «Славянская и индоевропейская аккомодация» (1968), сборники статей «Типология и взаимодействие славянских и германских языков» (1969), «Лексика Полесья в пространстве и времени» (1971), «Белорусско-польские изолексы» (1975). Авторский коллектив ученых из разных республик, возглавляемый В. Вереничем, подготовил исследование «Польские говоры в СССР» в двух книгах (1973). В секторе выполнены также работы: «Географическая терми-

нология чешского и словацкого языков» Р. Малько (1974), «Переходность, залог, возвратность (На материале болгарского и других славянских языков)» Б. Нормана (1972) и др. Белорусские лингвисты тесно сотрудничают с учеными Польши, Болгарии и других славянских стран.

Существующий с 1969 г. в Институте истории АН БССР сектор истории европейских социалистических стран (заведующий сектором В. С. Толстой) насчитывает 12 сотрудников. Ими написан ряд монографий и статей. Среди них книги «Сотрудничество Белорусской ССР с социалистическими странами» С. Войтовича, Н. Воробья и В. Толстого (1970), «Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков» А. Мацко (1972), «Белорусская ССР в советско-болгарском сотрудничестве» Г. Сергеевой (1976), статьи Л. Миличитского о белорусско-чехословацком сотрудничестве. В настоящее время в секторе изучаются вопросы сотрудничества стран социалистического содружества на международной арене, участия БССР в сотрудничестве Советского Союза с европейскими социалистическими государствами.

Недавно в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР образован сектор сравнительного изучения народного творчества славян (заведующий сектором К. П. Кабашникова). Сотрудники сектора в основном заняты подготовкой собрания «Белорусское народное творчество». К. Кабашниковым выполнена работа о сюжетном составе восточнославянской сказки. Интересными обещают быть запланированные исследования «Белорусская поэзия весеннего цикла и славянская фольклорная традиция» (Г. Барташевич), «Белорусская баллада в славянских взаимосвязях» (Л. Соловей).

Хотя в Институте философии и права АН БССР нет славистического сектора, тем не менее ряд работ белорусских философов тематически выходит за пределы Белоруссии. Отдельные явления русской и польской общественно-философской и эстетической мысли рассматриваются в трудах «Философия эпохи Просвещения в Белоруссии» Э. Дорошевича (1971), «От Ренессанса к классицизму» В. Конона (1978), «Белорусские революционные демократы» А. Майховича (1977), «От Просвещения к революционному демократизму» Н. Мохнатч (1976).

³ Казбярук У. М. Ступені росту. Мінск, 1974.

⁴ Мальдіс А. І. Творчае пабрацімства. Мінск, 1966; Он же. Падарожжа ў XIX стагоддзе: З гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры. Мінск, 1969; Он же. Таямніцы старадаўніх сховішчаў. Мінск, 1974.

⁵ Садружнасць літаратур. Мінск, 1968; Старонкі літаратурных сувязей. Мінск, 1970.

В последние годы заметно активизировались слависты Белорусского государственного университета. Взаимодействие белорусской литературы с русской, украинской, польской, чешской и болгарской литературами рассматривается в трудах М. Ларченко «Единение братских литератур» и «Живое наследие»⁶. С. Александрович нашел и опубликовал в книге «Вольномыслитель из-под Несвижа Александр Незабытовский» интересные архивные материалы о творчестве забытого польского писателя середины XIX в.⁷ Литературовед, фольклорист, поэт и переводчик Н. Гилевич издал книгу «Верная великим завещаниям»⁸, посвященную болгарской поэзии последнего двадцатилетия. В. Тимофеева, Л. Тимошкова и И. Шабловская написали ряд разделов по литературе стран Центральной и Юго-Восточной Европы для учебного пособия «Зарубежная литература» (изд. 2-е, 1973). Большой читательский интерес вызвал библиографический словарь «Восточнославянские языковеды», составленный М. Булаховым.

Наконец хотелось бы отметить некоторые работы университетских историков и философов. Советскую болгаристику обогатили книги «Белоруссия и Болгария — дружба, сотрудничество, братство» Д. Мельцера и П. Савочкина (1973), «Советско-болгарские отношения. 1917—1935» Д. Мельцера (1975). Философские и социологические взгляды польских мыслителей и общественных деятелей С. Руднянского и В. Спасовского привлекли внимание А. Клевчени⁹.

Таким образом, наиболее активно и всесторонне в Белоруссии изучаются вопросы белорусско-русского и белорусско-польского культурного взаимодействия. Одновременно приходится констатировать, что в Белоруссии все еще незначительно число славистов, занимающихся Болгарией, Чехословакией и особенно Югославией.

⁶ Ларченко М. Р. Яднанне братніх літаратур. Мінск, 1974; *Он же. Жывая спадчына*. Мінск, 1977.

⁷ Александровіч С. Х. Вальнадумца з-пад Нясвіжа Аляксандар Незабыўскі. Мінск, 1975.

⁸ Гілевіч Ніл. Верная вялікім запаветам. Сучасная балгарская паэзія. Мінск, 1977.

⁹ Клевченя А. С. Стефан Руднянский: Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше. Минск, 1968; *Он же. Владислав Спасовский: Философские и социологические взгляды*. Минск, 1969.

IV. СЛАВЯНСКИЕ И БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

В. К. Волков

МЕСТО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА (1917—1939)

Изучение международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе на первом этапе общего кризиса капитализма научно актуально и политически важно по ряду соображений. Во-первых, начало этому периоду положила Октябрьская революция в России. Во-вторых, этот период исторически предшествовал образованию социалистического содружества, и знание особенностей международных отношений в этом регионе в межвоенный период дает возможность применить результаты исследования в интересах укрепления содружества социалистических стран¹.

В настоящее время в европейских социалистических странах ведется большая работа по изучению международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенный период. В вышедших там до настоящего времени трудах воссоздается широкая картина международных отношений в этом регионе, прослеживается внешняя политика отдельных государств, характер двусторонних и многосторонних отношений, политика ве-

¹ Социалистические международные отношения и их критики. М.: Наука, 1975, с. 16—17.

ликих держав по отношению к странам Центральной и Юго-Восточной Европы. Многочисленная литература по этим проблемам издается и на Западе. Характерным явлением в последнее время становится двусторонние встречи комиссий историков европейских социалистических стран, на которых в числе других обсуждаются и проблемы международных отношений в межвоенный период, а также проведение многосторонних симпозиумов и конференций. На основе двустороннего сотрудничества советских историков с историками социалистических стран изданы сборники многотомных документов и материалов по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений, первые тома которых содержат данные о межвоенном периоде². В то же время в советской историографии еще не нашли достаточного освещения многие вопросы, представляющие первостепенную значимость.

Первый вопрос, который встает при изучении международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в интересующий нас период, — это вопрос о возникновении системы независимых государств в этом регионе, системы, которая с небольшими изменениями сохраняет свою географическую конфигурацию вплоть до настоящего времени. Советская историческая наука много сделала для исследования механизма становления этой конкретно-исторической системы, или, как формулируется теорией международных отношений, для генетического анализа возникновения этой системы. Создан ряд трудов о влиянии Октябрьской революции на славянские и балканские народы, на развитие их революционного и национально-освободительного движения, на развитие процессов, которые привели в конце первой мировой войны к образованию новых государств — Чехословакии, Польши, Югославии, Венгрии, а также Австрии. Вместе с существовавшими ранее государствами (Болгария, Румыния, Греция, Албания) это создавало новую политическую ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М.: Наука, 1963—1969, т. 1—6; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1973, 1977, т. 1, 2; Болгаро-советские отношения и связи: Документы и материалы. М.: Наука, 1977, т. 1.

Появление этих государств на международной арене не входило в число военных целей держав Антанты. Собравшаяся в начале 1919 г. в Париже мирная конференция оказалась перед лицом свершившегося факта их возникновения и в дальнейшем пыталась регулировать их отношения и определять окончательное начертание границ уже созданных государств. В послевоенной советской историографии появились серьезные работы, исследующие возникновение отдельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе³. Однако мы до сих пор не имеем работ, в которых были бы решены проблемы особенностей новосозданной системы независимых государств, ее значения и роли в международных отношениях в Европе, в расстановке политических сил. Между тем во всех этих отношениях значение новой системы государств было чрезвычайно велико. Остается только сожалеть, что наши исследователи Версальской системы, справедливо отмечая ее антисоветскую направленность, не пошли дальше констатаций стремления Англии, Франции и США превратить страны Центральной и Юго-Восточной Европы в «санитарный кордон» против Советской России. Это — правильная констатация, но она недостаточна для учета всех особенностей и характерных черт новой системы государств в этом регионе.

Прежде всего с самого своего возникновения новые государства обладали собственными внешнеполитическими концепциями, на складывание которых воздействовала не только принадлежность к числу победителей или побежденных, но и ряд других факторов. На них объективно накладывали печать существенные колебания в уровне экономического развития и различия социальной структуры, что выводило в отдельных странах на командные высоты в государственном аппарате представителей аристократии (Польша, Венгрия, отчасти Румыния) или крупной буржуазии (Чехословакия), определяло повсеместно большую роль бюрократии и военщины, а в балканских странах открывало путь для проявления

³ Миско М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М.: Изд-во АН СССР, 1957; Туров В. И. Очерки истории Австрии. 1918—1929. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Шмераль Я. Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М.: Наука, 1967; Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М.: Наука, 1976; История Венгрии. М.: Наука, 1972, т. III.

в области внешней политики также и династических интересов. В определении конкретных целей внешней политики сильно сказывалось также идеяное и политическое наследие национально-освободительной борьбы, приведшей к возникновению отдельных государств. Вообще динамика соотношения внутриполитических проблем с внешней политикой представляется достаточно сложной проблемой, требующей конкретного исследования в каждом отдельном случае.

Внешнеполитические концепции и цели отдельных стран Центральной и Юго-Восточной Европы обнаружили себя сразу же после создания новой системы государств и проявились в полной мере в период версальского мирного урегулирования. Эти концепции отличались противоречивостью даже в группе стран-победительниц. В отдельных случаях их несовместимость породила длительную борьбу и отчуждение одних стран от других, поставила определенные рамки процессу блокообразования в этом регионе, задала ему определенное направление, а также создала целую серию конфликтных ситуаций, сопровождавшихся, как правило, взаимными территориальными претензиями. Комплекс этих противоречий, сохраненных версальским мирным урегулированием в 1919—1921 гг., тоже не стал еще предметом специального изучения в советской науке.

Говоря о внешнеполитических концепциях стран Центральной и Юго-Восточной Европы, следует прежде всего отметить отсутствие у них единства даже по самому важному вопросу — об отношении к Советской России. Несмотря на общие антисоветские установки и известное сотрудничество в борьбе с революционным движением (например, координация действий Румынии, Чехословакии и Югославии в борьбе против революционной Венгерской Советской Республики в 1919 г.), степень антисоветской активности отдельных правительств была неодинаковой. Крайние установки правящих кругов Польши и Румынии не встречали повсеместной поддержки. Широкий размах движения трудящихся масс в поддержку Советской России, особенно в период польско-советской войны, против любой помощи польским интервентам, а также другие формы проявления пролетарской солидарности заставляли буржуазные правительства считаться с непопулярностью открыто антисоветского курса.

С другой стороны, миролюбивые инициативы Советского правительства, в частности заключение мирных договоров с Прибалтийскими государствами и предложение нормализовать отношения, например, с Чехословакией и Румынией, затрудняли антисоветскую деятельность, разрывали кольцо «санитарного кордона», не позволяли империалистам превратить его в сплоченный антисоветский фронт. Такое положение было использовано советской дипломатией в целях защиты социалистических завоеваний.

Этот и другие факты свидетельствовали о том, что в Центральной и Юго-Восточной Европе после первой мировой войны сложились такие политические реальности и протекали такие процессы, которых дипломатия западных держав пыталась вначале игнорировать, частично по незнанию, а главным образом в убеждении, что им так или иначе удастся навязать свою волю странам этого региона. Такое убеждение не соответствовало действительности и предопределило неудачу многих выдвигавшихся ими проектов. Так, попытки французской дипломатии выступить летом 1920 г. с проектом образования крупной Дунайской конфедерации, которая должна была бы заменить в европейской политике развалившуюся Австро-Венгрию и служить противовесом Германии с юго-востока, оказались столь же нереальными, как и планы создания всеохватывающей антисоветской коалиции. Именно потому реальный процесс блокообразования в Центральной и Юго-Восточной Европе совершился не так, как предполагали западные державы. Образование Малой Антанты в 1920—1921 гг. в составе Чехословакии, Румынии и Югославии произошло не в форме открыто антисоветской группировки, хотя ее антисоветские установки, особенно в первый период, несомненны. Возникновение этого блока имело большое значение для всей европейской политики. Его реальная роль была достаточно велика: он выступал стражем Версальской системы на востоке Европы и гарантом территориального статус-кво в Дунайском бассейне. С фактом его существования вынуждены были считаться и великие державы при проведении европейской политики. Имел он и непредвиденные английской и французской дипломатией последствия. Так, в самом регионе Центральной и Юго-Восточной Европы Малая Антента явилась фактором, резко ограничила

чившим влияние буржуазно-помещичьей Польши в Дунайском бассейне и на Балканах, и служила препятствием для ее великодержавных замашек и планов создания под своей эгидой обширного союза государств от Балтийского до Черного и Адриатического морей, известного под названием «интерариум».

В целом процесс блокообразования в Центральной и Юго-Восточной Европе еще ждет своих исследователей. До настоящего времени в советской историографии имеется лишь монография А. А. Язьковой, посвященная образованию Малой Антанты и ее роли в европейской политике в 1918—1925 гг.⁴ Несмотря на достоинства указанной книги, она не раскрывает всех сторон процесса блокообразования в данном регионе. Отсутствуют также работы по истории мирных договоров и многочисленных двусторонних договоров, регулировавших отношения стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

На развитие событий в этом регионе оказывали огромное влияние изменения в европейской политике и в соотношении сил в рамках Версальской системы межгосударственных отношений. В межвоенный период Версальская система неоднократно переживала структурные кризисы. Мощный удар по первоначальной расстановке сил в Версальской системе, задуманной как инструмент политической изоляции и борьбы против Советской России и одновременно как инструмент сдерживания германского империалистического конкурента, был нанесен Рапалльским договором между Советской Россией и веймарской Германией. Заключение договора, явившееся крупной победой молодой советской дипломатии, означало провал планов создания единого антисоветского фронта капиталистических держав. Это событие отразилось и на странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Рапалльский договор ограничил великодержавные замашки буржуазно-помещичьей Польши на востоке Европы, оказал сдерживающее влияние на антисоветский польско-румынский союз, заключенный в 1921 г., и наложил печать на политику Малой Антанты. Усилились противоречия между империалистическими державами (оккупация Францией в январе 1923 г. Рейнской зоны). События по-

ставили на пробу антигерманскую направленность Версальской системы, что в условиях обострения также и англо-французских противоречий выдвинуло в порядок дня вопрос о дальнейшей ориентации стран Малой Антанты. В таких условиях происходило завершение складывания французской системы союзов в Европе, а точнее — системы союзов Франции со странами Малой Антанты в дополнение к существовавшему с 1921 г. франко-польскому союзу. Завершение этого процесса пришлось на 1924—1927 гг. Тем самым страны Малой Антанты сделали выбор между Францией и Англией, которого они долго старались избежать, и показали, что их решение в пользу Франции было продиктовано в значительной мере той угрозой, которую они начали чувствовать со стороны возрождавшегося германского империализма.

Для последующего периода международных отношений на Европейском континенте наиболее характерной чертой стали непрекращавшиеся попытки наиболее реакционных сил воссоздать единый фронт капиталистических держав против СССР. Средство для такой перестановки сил виделось в подрыве Рапалльского договора, во включении Германии в единый антисоветский фронт и ее превращении в антисоветский бастион. С разной степенью успеха, в разных условиях и с разными последствиями такие попытки имели место в ходе Локарнской конференции, отразились в проекте «пакта 4-х держав» и, наконец, достигли своего кульмиационного пункта в период Мюнхенского сговора. Каждая такая попытка сопровождалась встряской международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, а степень опасности для стран региона возрастала раз от разу. Любопытно отметить, что типологически все эти три события, принявшие форму структурного кризиса Версальской системы межгосударственных отношений, имели много общего между собой: каждая такая попытка преследовала цель создать единый империалистический фронт, каждый раз это сопровождалось подталкиванием германской экспансии на Восток, и каждый раз такая попытка вызывала кризисные явления в международных отношениях, ибо угроза возникала не только для Советского Союза, но и для ряда стран региона. Локарнская политика западных держав впервые наглядно показала, что попытка подтолкнуть германскую экспансию на Восток

⁴ Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М.: Наука, 1974.

сразу же поставила под вопрос существовавшие границы Германии с Польшей и Чехословакией, а в скрытой форме — и вопрос о независимости Австрии. Локарнская политика сопровождалась также усилиями английской дипломатии создать на Балканах антисоветский блок в составе Румынии, Югославии и Греции с возможным участием монархо-фашистской Болгарии.

Следует с сожалением отметить, что эти события в Центральной и Юго-Восточной Европе, столь близко затрагивавшие государственные интересы Советского Союза, не привлекли к себе до настоящего времени должного внимания советских исследователей. По сути дела им посвящена только книга Д. С. Климовского⁵ о германо-польских отношениях в период Локарно, да пара статей в научной периодике об английских планах на Балканах в то время. И это несмотря на то, что в работах по истории внешней политики СССР всегда отводится большое место борьбе советской дипломатии против политических последствий Рейнского гарантиного пакта, заключению советско-германского договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 г., который притупил антисоветское острое локарнской политики. Период после Локарно характеризовался обострением антисоветского курса Англии, что даже привело в 1927 г. к разрыву англо-советских дипломатических отношений. Но почему-то не привлек к себе внимания советских историков тот факт, что такой курс сопровождался попытками Англии ослабить французское влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе и подорвать здесь французскую систему союзов. Не нашла еще своих исследователей английская тактика поддержки экспансионистских планов и действий фашистской Италии на Юго-Востоке Европы, направленных против Югославии и, шире, против всей Малой Антанты. Между тем такая тактика привела к обострению, начиная со второй половины 20-х годов, империалистических противоречий в Дунайском бассейне и на Балканах, к росту здесь политической напряженности.

Вообще тема «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы и великие державы» продолжает оставаться малоисследованной, особенно для периода 20-х и первой

⁵ Климовский Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976.

половины 30-х годов, хотя именно на конец 20-х годов и период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. приходится резкое обострение империалистических противоречий в этом регионе. По этим проблемам в советской историографии основными продолжают оставаться работы, в значительной мере публицистические, вышедшие по горячим следам событий еще в довоенный период⁶. Характерно, что современники подчеркивали чрезвычайно важную роль стран Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейской политике. Действительно, весь регион рассматривался империалистическими державами как своего рода «свободная зона», где они вели между собой борьбу за влияние, причем приобретение такого влияния при сохранявшемся тогда европоцентризме в международных отношениях должно было сказаться и на перевесе в европейской политике. Отражением этой борьбы стали многочисленные планы реорганизации Дунайского бассейна и проекты образования здесь то конфедераций, то экономических блоков, то заключения гарантинных пактов и договоров. Изучение этих вопросов, начатое в предвоенные и первые послевоенные годы⁷, было бы целесообразно продолжить, опираясь на доступные ныне архивные фонды и материалы.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. оказал сильное воздействие на внешнюю политику стран Центральной и Юго-Восточной Европы, ускорив созревание возникших ранее противоречивых тенденций. Наиболее заметными явлениями стали постепенный отход Польши от союза с Францией, обострение итало-югославских и югославско-венгерских отношений, усиление германской экспансии в Дунайском бассейне и попытка заключения германо-австрийской таможенной униони (март 1931 г.). С другой стороны, были предприняты шаги по укреплению Малой Антанты и ее профранцузской ориентации, началось движение за сотрудничество балканских стран, вылившееся в проведение ежегодных общебалканских

⁶ Хорватский В. Л. Пан-Европа и Дунайская федерация. М.: Изд-во Международн. аграрн. ин-та, 1933; Липпай З. Борьба империалистов в Дунайском бассейне. М.: Соцэкиз, 1939.

⁷ Могилевский С. А. Провал антисоветских империалистических планов создания Дунайской федерации в 1932 г. Л.: 1952 (автореф. канд. дис.); Егоров Ю. В. Кризис и распад французской системы союзов в Дунайском бассейне (1931—1935). Л., 1960 (автореф. канд. дис.).

конференций. Их проведение показывало, что процесс блокообразования в Юго-Восточной Европе не был еще завершен. Появление 9 февраля 1934 г. Балканского пакта явилось крупным событием в дипломатической истории региона. Однако это событие не нашло еще отображения в советской исторической литературе, и процесс складывания и функционирования Балканской Антанты все еще остается одним из наиболее слабо освещенных вопросов.

Приход гитлеровцев к власти в 1933 г. резко изменил внешнюю политику самой Германии и вызвал новую перестановку сил на Европейском континенте, отразился на положении стран Центральной и Юго-Восточной Европы и создал угрозу их безопасности. Процессы, связанные с развитием гитлеровской экспансии в этом регионе, изучены в советской науке полнее. Нашли отражение, хотя и в неодинаковой степени, основные этапы развития германской экспансии, приемы нацистской дипломатии, экономическое проникновение, поддержка профашистских организаций и течений, деятельность «пятых колонн» и т. д. Особую опасность для стран Центральной и Юго-Восточной Европы представляла политика попустительства и умиротворения агрессоров со стороны западных держав. Советские историки показали политику Советского Союза, направленную против фашистской угрозы войны, за создание системы коллективной безопасности в Европе. Проанализированы причины, сделавшие невозможным создание такой системы, показано значение советско-французского и советско-чехословацкого договоров, заключенных в мае 1935 г. Во многих работах специально исследуются позиции стран Центральной и Юго-Восточной Европы в тот период, состояние их отношений с Советским Союзом, в том числе установление рядом из них дипломатических отношений с СССР и т. д. В то же время недостаточно показано влияние на политику стран региона таких событий, как ремилитаризация Германией Рейнской зоны, образование фашистской «оси» Берлин — Рим, отношение государств Центральной и Юго-Восточной Европы к итальянской агрессии против Эфиопии и к событиям в Испании и т. д. В советской историографии создано много трудов по проблемам, связанным с Мюнхенским сговором империалистических держав и предательством правящих кругов Чехословакии. Появи-

лись и общие работы, дающие картину состояния международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе⁸.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы играли активную роль в европейской политике в течение всего рассматриваемого периода. Их реальное значение в международных делах было гораздо больше того внимания, которое уделяла им до сих пор историческая наука. Это относится и к предвоенному времени, но и здесь изучены далеко не все проблемы, заслуживающие внимания. Даже пресловутая политика «гарантий» западных держав по отношению к ряду стран Центральной и Юго-Восточной Европы не исследована еще в должной мере.

Анализ состояния советской историографии по перечисленным выше проблемам позволяет сделать вывод, что проведенные исследования не затрагивают многие важные вопросы истории международных отношений в рассматриваемом регионе. Более или менее подробное освещение получила лишь история двусторонних отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, причем многие книги по этой тематике вышли сравнительно недавно⁹. В целом подробному исследованию подверглись советско-польские и советско-чехословацкие отношения, несколько меньшему — советско-болгарские и советско-румынские и совсем малому — советско-венгерские, советско-югославские и советско-албанские, не говоря уже о советско-греческих отношениях.

Отдельные работы имеются о внешней политике некоторых стран Центральной и Юго-Восточной Европы в

⁸ Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: Наука, 1978.

⁹ Ольшанский П. Н. Рижский мир. М.: Наука, 1969; *Он же. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921—1924*. М.: Наука, 1974; Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения. 1917—1935 гг. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1975; Петерс И. А. СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев: Наукова думка, 1971; Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения (1929—1934). М.: Наука, 1971; Михутина И. В. Советско-польские отношения. 1931—1935 гг. М.: Наука, 1977; Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М.: Наука, 1977.

разные периоды¹⁰. В свой актив советская историография может записать изучение экспансии германского империализма в указанном регионе в межвоенный период¹¹. В то же время отсутствуют исследования о политике других империалистических держав по отношению к Центральной и Юго-Восточной Европе. Исключением является книга Н. Д. Смирновой о балканской политике фашистской Италии в 1936—1941 гг.¹² Остаются неизученными и вопросы двусторонних отношений стран региона: польско-чехословацкие, венгеро-югославские, болгаро-румынские и т. д. И здесь можно назвать, пожалуй, лишь одно исключение — книгу И. И. Попа о венгеро-чехословацких отношениях в 1936—1939 гг. За одним-двумя исключениями отсутствуют также книги о развитии международной обстановки в Центральной и Юго-Восточной Европе в тот или иной период, в связи с тем или иным крупным событием. Исследование процессов блокообразования в регионе только начинается. Медленно входят в практику конкретно-исторических исследований новейшие достижения марксистско-ленинской теории международных отношений.

Как благоприятный, следует подчеркнуть тот факт, что в последние годы интерес к проблемам международных отношений межвоенного периода в Центральной и

¹⁰ Пушкин А. И. Венгрия во второй мировой войне: Внешняя политика Венгрии (1938—1944). М.: Изд-во ИМО, 1963; Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма: Накануне и в начальный период второй мировой войны. М.: Наука, 1964; Петерс И. А. Чехословацко-советские отношения (1918—1934). Киев: Наукова думка, 1965; Прасолов С. И. Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г.—В кн.: Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939. М.: Наука, 1968; Климовский Д. С. Зловещий пакт: Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск: Изд-во Белорусс., гос. ун-та, 1968; Лебедев Н. И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М.: Международные отношения, 1968; Он же. Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976; Поп И. И. Чехословацко-венгерские отношения. 1935—1939. М.: Наука, 1972; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М.: Мысль, 1974; Овсянкий И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1975.

¹¹ Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М.: Соцэкиз, 1963; Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938). М.: Наука, 1966.

¹² Смирнова Н. Д. Баланская политика фашистской Италии: Очерк дипломатической истории (1936—1941). М.: Наука, 1969.

Юго-Восточной Европе растет. Увеличивается, хотя и медленно, число исследователей, интересующихся этими проблемами, складываются новые научные центры. Помимо Москвы, Ленинграда, Киева и Минска за последние годы зарекомендовали себя как важные центры в деле изучения международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенный период Свердловск и Кишинев. Стали известны и вошли в научный оборот труды свердловчан И. Н. Чемпалова, В. И. Шихова, С. И. Рябокона и других¹³, работы кишиневцев Б. М. Колкера, Я. М. Конанского и И. Э. Левита¹⁴. Появляются новые исследователи и в других университетских центрах.

Сложившееся положение — сравнительно небольшое число исследователей при их территориальной и организационной разобщенности — выдвигает на передний план задачи согласованности их деятельности. Наряду с обычными методами координации путем взаимной информации, согласования планов, определения наиболее важных и нуждающихся в первоочередном внимании проблем представляется желательным создание серийного издания под общим названием «Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе», где были бы представлены и другие периоды XIX и XX вв., включая,

¹³ Труды свердловских историков опубликованы в следующих изданиях: Из новейшей истории зарубежных стран: Сб. статей. Свердловск/Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1963; Международные отношения в новейшее время: Сб. статей.—Ученые записки/Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького (далее—УЗ УГУ). Свердловск, 1955, ч. I—II, № 46. Серия историческая, вып. № 3; Международные отношения в новейшее время.—УЗ УГУ, Свердловск, 1968, № 63. Серия историческая, вып. 6; Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны.—УЗ УГУ, Свердловск, 1968, № 74. Серия историческая, вып. 12; Международные отношения в новейшее время.—УЗ УГУ, Свердловск, 1970, № 104. Серия историческая, вып. 19; Международные отношения в новейшее время: Сб. статей. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1972; Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1972—1975, сборник 1—4; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1976; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1943). Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1977.

¹⁴ Помимо указанных выше работ труды кишиневских историков опубликовались в серийном издании «Балканский исторический сборник». Кишинев, 1968—1977, т. I—IV. Приходится только сожалеть о прекращении выпуска этого полезного издания.

естественно, и период между двумя мировыми войнами. Такое серийное издание, отсутствие которого ощущается как серьезный недостаток в науке в настоящее время, могло бы стать, перефразируя известное выражение В. И. Ленина, не только коллективным пропагандистом работ в данной области исследований, но и коллективным организатором и координатором, в том числе и исследований по периоду межвоенного двадцатилетия, периоду хронологически небольшому, но столь важному во многих отношениях.

С другой стороны, отсутствие широкого обобщающего труда, который подвел бы итоги исследованиям, проведенным в советской и зарубежной историографии по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенный период, все более ощущается в настоящее время как недостаток, тормозящий дальнейшее развитие исследований в этой области. Такой обобщающий труд уже намечен в плане научных исследований Института славяноведения и балканстики АН СССР, и коллектив сектора международных отношений института приступит к его написанию в конце текущей пятилетки.

В. Я. Гросул

ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1875—1878 ГГ. В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Восточный кризис 70-х годов XIX в. был крупнейшей международной проблемой своего времени, проявившейся не только в политической или военной областях, но также в сфере социально-экономических отношений, в идеологии, в общественном движении. Изучение этой крупной проблемы в советской историографии может быть разделено на три хронологически примерно равных этапа.

Первый этап изучения событий Восточного кризиса совпадает с годами становления советской исторической науки. Особенности ее развития того времени хорошо отражены в советской историографии и нет необходимости на этом останавливаться. Но применительно к затрагиваемой нами проблеме нельзя не отметить, что в этой области влияние М. Н. Покровского было значительно более сильным, чем во многих других вопросах исторической науки.

М. Н. Покровский неоднократно касался проблем Восточного кризиса 70-х годов. Наиболее крупным и интересным выступлением по этому вопросу был обширный очерк «Восточный вопрос (от Парижского мира до Берлинского конгресса)», помещенный в сборнике его работ «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», вышедшем в 1924 г. Кроме того, эти проблемы нашли отражение в его «Русской истории в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия)», в четвертом томе труда «Русская история с древнейших времен» и других работах. М. Н. Покровский предпринял попытку классового анализа событий, широко привлекал источники. Его работы по этой проблематике в то время были наиболее значительными в советской литературе. В 20—30-е годы появился и ряд других изданий, также, хотя и в меньшей степени, отразивших эти проблемы. Близок к М. Н. Покровскому в оценке этих событий Н. Рожков, уделивший внимание Восточ-

ному кризису в самом крупном своем исследовании по русской истории¹. Отдельных проблем Восточного кризиса касались Е. В. Тарле² и С. Д. Сказкин³. Примечательно, что, глубоко изучив русские и немецкие источники, С. Д. Сказкин еще в то время поставил под сомнение концепцию М. Н. Покровского, «который в восстановлении союза трех императоров видит только ловкий маневр Бисмарка»⁴.

После Октябрьской революции события Восточного кризиса изучались прежде всего в плане истории международных отношений. Проблемы экономики были затронуты лишь М. Н. Покровским и в монографии С. Д. Сказкина. Значительно больше внимания уделялось вопросам общественного движения в России в связи с Восточным кризисом. Кроме М. Н. Покровского и Н. Рожкова, можно назвать Е. З. Волкова, издавшего первую в советской историографии книгу о Христо Ботеве⁵, и особенно ряд работ Георгия Бакалова — болгарского историка-коммуниста, в 20—30-е годы проживавшего в СССР. Эти работы были в основном посвящены истории русско-болгарских революционных связей, но в них говорилось и о восстаниях на Балканах, русско-турецкой войне и ее последствиях.

Для начального периода развития советской исторической науки характерно введение в научный оборот новых источников самого различного характера. По интересующей нас проблеме можно выделить публикации официальных документов из царских архивов, например очень ценные материалы «Русско-германские отношения 1873—1914 гг.»⁶, где опубликованы материалы Берлинской встречи 1876 г., варианты Рейхштадского свидания и др. Была опубликована переписка одного из идеологов российской реакции К. П. Победоносцева, пролившая

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.: Книга, 1925, т. 2, с. 90—92.

² Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма, 1871—1919 гг. М.: Госиздат, 1927; 2-е изд. М.; Л.: Госиздат, 1928.

³ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза: Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М.: Наука, 1974. (Первое издание книги появилось в 1928 г.).

⁴ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза..., с. 123.

⁵ Волков Е. З. Христо Ботев: На заре балканского коммунизма. М.; Л.: Госиздат, 1923.

⁶ Красный архив. М.: Госиздат, 1922, т. 1.

свет на взгляды тех консервативных кругов, которые стояли на позициях скорейшего объявления войны Турции⁷. В эти годы публиковались и многие документы, вышедшие из революционной среды. Для характеристики обстановки эпохи Восточного кризиса представляют значительный интерес письма видных деятелей революционного движения А. Д. Михайлова и А. И. Баранникова⁸. Особено много в этот период было опубликовано мемуаров участников революционного движения, без которых изучение общественного подъема 70-х годов в настоящее время немыслимо.

Со второй половины 30-х годов в советской исторической науке наступил новый этап. Заметное воздействие на него оказали известные постановления партии и правительства об изучении и преподавании истории.

Первые работы, вышедшие в это время (еще до начала Отечественной войны), были отмечены печатью борьбы против школы М. Н. Покровского. Наряду с правильной критикой многих его работ в отношении к наследию Покровского в целом применялся обличительный, явно субъективный подход, который не находит себе исследовательского объяснения. Работы М. Н. Покровского в это время упоминаются только в плане критики, и подобная переоценка взглядов в области изучаемой нами проблемы не могла не иметь значительных издержек. Однако при всех трудностях того периода исследование различных вопросов Восточного кризиса 70-х годов не только не прекратилось, но были достигнуты и новые позитивные результаты.

Среди изданий предвоенных лет отношение к нашей теме имела монографическая статья А. Л. Попова «Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского»⁹. Она содержала краткий очерк отношения русского общества к балканским собы-

⁷ Победоносцев К. П. и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Л.: Госиздат, 1923, т. I, полуторум 2; Письма Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1925, т. 1.

⁸ Письма народовольца А. Д. Михайлова. М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1933; Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссылочно-поселенцев, 1935.

⁹ Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л.: Госиздат, 1940, ч. 2, с. 210—390.

тиям 70-х годов, но основное внимание уделялось критике взглядов Покровского по вопросам внешней политики в сборнике «Дипломатия и войны царской России» и в «Истории России с древнейших времен». Тогда же вышла примечательная статья Х. Муратова «Роль Англии в «восточном кризисе» (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 годов)¹⁰. Если статья А. Л. Попова носила преимущественно историографический характер и в ней было привлечено немного архивных данных (из Архива внешней политики России), то в работе Х. Муратова документы этого архива привлекаются достаточно широко. Х. Муратов также выступает как антагонист М. Н. Покровского. Он считает упоминанием Покровского недоучет англо-русских противоречий, тогда как, по мнению Муратова, Англия на протяжении первых трех четвертей XIX в. в ряде вопросов выступала в роли главного противника России. По проблемам военной истории можно отметить книгу А. Коленковского и В. Белолипецкого, первую в советской литературе сводную работу по этой теме¹¹.

Во время Отечественной войны работа по данной проблематике не прекратилась. Особое внимание было обращено на военный аспект; факты из русско-турецкой войны 1877—1878 гг. использовались для военно-патриотического воспитания как в тылу, так и на фронте. Был завершен и сразу после окончания войны выпущен второй том «Истории дипломатии» (М., 1945), где В. М. Хвостовым были написаны главы «Восточный кризис (1875—1877 гг.)» и «Русско-турецкая война (1877—1878 гг.)» и «Берлинский конгресс (1878 г.)». В них дается дипломатическая история проблемы, причем были освещены и некоторые вопросы (миссия генерала Вердера, миссия барона Мюнха и др.), которые прежде в советской литературе не освещались или освещались слабо.

Заметно усилились работы по различным аспектам Восточного кризиса в послевоенный период. Выделяются работы С. А. Никитина, прежде всего его докторская диссертация «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853—1876» (1946, т. 1—2), статьи И. В. Козьменко об отношении русского общества к бол-

¹⁰ Историк-марксист, 1940, № 7 (83).

¹¹ Коленковский А., Белолипецкий В. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М.: Воениздат, 1939.

гарским событиям¹², кандидатская диссертация П. Я. Мирошниченко¹³, а также незаслуженно забытая статья Э. М. Ханутина «Отношение общественных кругов России к балканским событиям в период сербо-турецкой войны 1876 г.»¹⁴. Из работ по Турции можно отметить книгу А. Ф. Миллера¹⁵. Следует также назвать статью Е. Н. Кушевой «Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов», внесшую заметный вклад в изучение проблемы генезиса Герцеговинского восстания и свидетельствующую о том, что его подготовка началась еще в начале 70-х годов¹⁶.

Вопросы военной истории нашли отражение в работах В. Д. Конобеева, Л. М. Еремеева, П. К. Фортунатова, Н. И. Беляева¹⁷. Несомненно, что в послевоенный период успешнее других разрабатывали эти проблемы наши историки-болгаристы. В 1953 г. появился сборник статей «Освобождение Болгарии от турецкого ига», в котором освещаются вопросы общественного движения, политического устройства Болгарии, проблемы военной и аграрной истории. Вскоре увидели свет ценные документальные материалы. П. А. Зайончковский издал «Дневник Д. Милютина»¹⁸ — один из важнейших источников, которым постоянно пользуются специалисты. И. В. Козьменко составила «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», опубликованный в 1952 г., который стал неизменным пособием для наших историков, изучающих события Восточного кризиса.

Со второй половины 50-х годов советская историческая наука вступила в третий этап развития, прямо по-

¹² Козьменко И. В. Русское общество и Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии.— Вопросы истории, 1947, № 5, и др.

¹³ Мирошниченко П. Я. Отношение русского общества к балканским событиям 1875—1878 гг., 1946.

¹⁴ Ученые записки Белорусского государственного университета. Серия историческая. Минск, 1953, вып. 16.

¹⁵ Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М.: Госполитиздат, 1948.

¹⁶ Ученые записки Института славяноведения. М.; Л.: 1949, т. 1.

¹⁷ Конобеев В. Д. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М.: Воениздат, 1953; Еремеев Л. М. Боевые действия русских моряков в войну 1877—1878 гг.— В кн.: Русское военно-морское искусство. М.: Военно-морск. изд-во, 1951, т. 1; Фортунатов П. К. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950; Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М.: Воениздат, 1956.

¹⁸ Дневник Д. А. Миллютина. М., 1947—1949, т. 1—2.

влиявший на изучение проблем Восточного кризиса. Во много раз увеличилось число новых исследований, значительно умножилось привлечение новых материалов, лучше стало знакомство с иностранными изданиями. Число работ, вышедших за последние два десятилетия, так велико, что нет возможности дать каждой из них хотя бы краткую характеристику. Мы отметим лишь основные линии исследования, подчеркнув, что на работы этого периода оказали воздействие подготовка к 90-летней и 100-летней годовщинам окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождения балканских народов.

За последние 20 лет вышло несколько работ, в которых в комплексном плане изучалась история Восточного кризиса 70-х годов¹⁹. В 1963 г. выпущен вторым изданием второй том «Истории дипломатии», по сравнению с первым подвергнутый определенным изменениям и дополнениям. Особено много было издано работ страноведческого характера. По истории Румынии можно отметить работы М. М. Залышкина, Е. Е. Чертана, С. И. Самойлова. По истории Болгарии продолжали плодотворно работать С. А. Никитин, И. В. Козьменко, В. Д. Конобеев, а также А. А. Улунян, К. А. Поглубко, В. П. Чорний, П. С. Сохань, К. Л. Струкова и др. История Югославии соответствующего периода нашла отражение в трудах В. Г. Карасева, В. Н. Кондратьевой, Д. Ф. Поплыко, Н. И. Хитровой, И. В. Елисеевой и др. По истории Албании в 1965 г. вышла примечательная монография безвременно ушедшей И. Г. Сенкевич «Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.)». Истории Турции соответствующего периода посвятили свои работы Ю. А. Петросян, И. Е. Фадеева, Ф. Ш. Шабанов, А. Д. Новичев. Следует также упомянуть работы общего характера: «История Болгарии», «История Югосла-

¹⁹ Кремер И. С., Арш Г. Л., Карасев В. Г., Частухин И. Н. Освободительная борьба балканских народов: Русско-турецкая война 1877—1878 годов и образование национальных государств на Балканах.—В кн.: Всемирная история. М.: Госполитиздат, 1960, т. VIII, с. 168—176; Нарочницкая Л. И. Внешняя политика России после Парижского мира. Русско-турецкая война (1877—1878 гг.)—В кн.: История СССР. М.: Наука, 1968, т. V; Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России, с. 230—267; Кинялина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М.: Высшая школа, 1974, с. 140—189.

вии», «История Румынии. 1848—1917 гг.», «Краткая история Албании». В данной работе мы не упоминаем исследований наших кавказоведов, но их, разумеется, необходимо постоянно иметь в виду.

Продолжали активно работать специалисты, занимавшиеся военными аспектами Восточного кризиса, особенно русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Можно назвать имена Л. Г. Бескровного, А. П. Барбасова, В. И. Виноградова, И. И. Ростунова, С. А. Залесского, Ш. В. Мегрелидзе, Санакоева, И. С. Гурбанова, А. А. Улуняна, В. А. Золотарева. В самое последнее время вышла коллективная обобщающая монография по русско-турецкой войне 1877—1878 гг.²⁰

Проблемы общественного движения на Балканах, в частности отношение русского общества к событиям Восточного кризиса, исследовались С. А. Никитиным, Т. Г. Снытко, А. Я. Киперманом, В. М. Хевролиной, К. А. Поглубко, Н. Н. Яковлевым, Ю. Ю. Фоминым, М. Я. Гольбергом, В. Я. Гросулом, В. И. Адо, Н. П. Подлесным и др. По международным отношениям этого периода, борьбе великих держав за влияние на Балканах, деятельности европейской дипломатии в период Восточного кризиса вышли исследования А. Л. Нарочницкого, К. Б. Виноградова, Ю. А. Писарева, С. Л. Чернова, В. Д. Конобеева, Н. В. Зуевой, Е. М. Шатохиной, О. Б. Шпаро, И. В. Козьменко, И. Г. Реутова. Различные аспекты Восточного кризиса нашли отражение и в работах исследователей, занимающихся русской историей,— П. А. Зайончковского, Л. Г. Бескровного, Б. С. Итенberга, С. С. Волка, В. А. Твардовской и др.

Значительное внимание было обращено на публикацию источников. Лучшим изданием по сей день остается трехтомный сборник документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1961—1967), в котором нашли отражение многие вопросы Восточного кризиса. Опубликованы были и материалы видного географа и путешественника П. А. Чихачева, ранее известные по французским и немецким оригиналам²¹.

²⁰ Русско-турецкая война 1877—1878 гг./В. И. Ачкасов, А. П. Барбасов, В. И. Виноградов, И. Митев, И. И. Ростунов. М.: Воениздат, 1977.

²¹ Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970.

Даже беглое ознакомление со всеми работами, вышедшими в нашей стране по проблемам Восточного кризиса, позволяет сделать вывод о значительном вкладе в их разработку советской исторической науки. Именно советские историки начали оценку этих событий с позиций марксизма-ленинизма, именно они ввели огромный фактический материал, который взят теперь на вооружение во многих странах мира. Советские историкинесли большой вклад в изучение национально-освободительных движений периода кризиса и историю русско-балканских революционных связей. Значителен вклад советских историков в разработку военных проблем того времени. Они убедительно показали то, что восстание на Балканах готовилось задолго до 1875 г. и что в его подготовке приняли активное участие как балканские, так и русские социалисты. Советским историкам принадлежит заслуга в определении реальных целей царского самодержавия и его результатов. Ознакомление с советской литературой позволяет выявить и те проблемы, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

На наш взгляд, то значительное место, которое занимал Восточный кризис в международных отношениях своего времени, его роль в освобождении балканских народов столь велика, что назрела необходимость написания обобщающей работы под приблизительным названием «Восточный кризис 70-х годов XIX в.». Для этого уже созрели необходимые предпосылки и выявились потребности нашего и зарубежного читателя.

Самостоятельного изучения заслуживают и отдельные этапы Восточного кризиса, например история Герцеговинско-Боснийского восстания, сербско-черногорско-турецкая война 1876 г., Греция в период Восточного кризиса. Нужно больше внимания уделить социально-экономическим вопросам на Балканах, ибо кроме статьи Н. Г. Левинтова об аграрных отношениях в Болгарии и работ В. Д. Конобеева у нас нет специальных исследований по экономическим аспектам Восточного кризиса. Объектом особого внимания должны послужить проблемы результатов русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, слабо исследовавшиеся в последние годы. Проблема для самостоятельного исследования — идеяная борьба времен Восточного кризиса в различных странах Европы. Таким образом, изучить предстоит еще

многое. Для успешного проведения этих исследований важная роль отводится координации, которая предполагает прежде всего точную и своевременную информацию, периодические встречи специалистов, обмен мнений, дискуссии.

По вопросам Восточного кризиса основные силы исследователей находятся в Москве, Ленинграде, Киеве и Кишиневе. Но имеются также отдельные специалисты и в Харькове, Куйбышеве, Томске, Баку, Тбилиси, Ереване, Одессе, Львове и других городах нашей страны. Вероятно, было бы полезно собрать всех специалистов по этой проблеме на общесоюзную конференцию и подвести на ней итог советским исследованиям в данной области. Одним из важнейших вопросов конференции должна стать и проблема последующих контактов историков и направленности их исследований. Очень большую услугу оказал бы специальный библиографический справочник, где были бы представлены все советские работы по проблеме Восточного кризиса, а может быть, и русские дореволюционные издания, зарубежная литература и источники.

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Октябрьской революции и гражданской войне в России на стороне Советской власти и совместная борьба трудящихся СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы против фашизма в годы Великой Отечественной войны были конкретным проявлением и осуществлением на деле принципов пролетарского интернационализма.

Л. И. Брежnev не раз подчеркивал значение пролетарского интернационализма. Говоря о тех, кто помог нашему народу защитить революционные завоевания в дни Октября и в первые послеоктябрьские годы, он отмечал, что одной из замечательных черт Октябрьской революции был пролетарский интернационализм, связавший прочными узами рабочих России с их братьями по классу во всем мире. «Можно с полным основанием сказать, — говорил Л. И. Брежнев, — что победа Октября — это и победа международного братства трудящихся, победа пролетарского интернационализма. В рядах Красной Армии плечом к плечу с сынами народов нашей страны сражались венгры и поляки, сербы и хорваты, чехи и словаки, болгары и монголы, немцы и финны, румыны и австрийцы, корейцы и китайцы, представители многих других национальностей. Это был боевой интернационал революционеров»¹. В этом интернационале Страна Советов всегда занимала ведущее место. Пролетарский интернационализм присущ нашему социалистическому государству с первых дней его существования. В межвоенный период, в годы мира, Советский Союз, Коммунистическая партия оказывали всемерную поддержку трудящимся других стран в их борьбе за освобождение от капиталистического рабства. В годы Великой Отечественной войны советский народ, руководимый КПСС,

выполнил свой интернациональный долг, разгромив гитлеровские орды и сыграв главную, решающую роль в завоевании победы над фашизмом. В свою очередь трудающиеся зарубежных стран, активно участвуя в войне с агрессорами, в движении Сопротивления, оказывая поддержку Советскому Союзу, также проявили интернациональную солидарность, что полностью отвечало их национальным интересам.

События, связанные с проявлением пролетарского интернационализма, всегда привлекали и продолжают привлекать внимание советских историков. В настоящий момент, в условиях обострения идеологической борьбы на международной арене, исследования, показывающие могучую силу пролетарской солидарности, силу идей пролетарского интернационализма, приобретают особую актуальность. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о том, что сделано и что предстоит сделать в этой области исследований.

Еще в 1961 г. в резолюции Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения в числе проблем, на изучение которых рекомендовалось сосредоточить внимание, указывались такие, как. «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в зарубежных странах» и «Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны». В качестве головного по первой из названных проблем был утвержден Институт славяноведения АН СССР с участием Института истории АН СССР и институтов истории Академий наук УССР, БССР, Литовской ССР и других научных учреждений и вузов. Работа велась в рамках Научного совета АН СССР по проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция».

К тому времени вопросы влияния Октябрьской революции на судьбы славянских народов, на формы и методы революционного движения в славянских странах не были всесторонне рассмотрены в советской историографии. Как отмечалось на Координационном совещании, было достигнуто лишь принципиальное решение основных вопросов. Здесь имелось в виду создание таких коллективных трудов, как «История Болгарии», «История Польши», «История Чехословакии», подготовка «Ис-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М.: Политиздат, 1973, т. 2 с. 81—82.

тории Югославии». Из публикаций наиболее значительными были издания документов: «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. (1917—1922)» (М., 1957), «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)» (М., 1958).

Некоторые вопросы, связанные с участием трудящихся зарубежных стран в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России, были рассмотрены в работах И. И. Беляевича, М. А. Бирмана, П. Д. Голуба, Р. Д. Ермоловой, А. Х. Клеванского, А. Я. Манусевича и других советских историков. Однако предстояло решить еще ряд серьезных задач. Ученые Института славяноведения и балканистики АН СССР внесли значительный вклад в изучение деятельности интернационалистов.

За минувшие два десятилетия в научный оборот введено огромное количество документов, произведен успешный розыск газет и журналов, издававшихся группами интернационалистов в Советской России. Выпущены десятки монографий и сборников документов. Среди авторов можно назвать Б. Б. Медведева, Л. И. Жарова, В. Устинова, И. И. Беляевича, Н. И. Колмогорова, А. М. Матвеева, И. С. Сологубова, В. М. Рожко, В. И. Ананьева и многих других². В Институте славяноведения и балканистики АН СССР продолжали плодотворно разрабатывать эту тематику А. Я. Манусевич, А. Х. Клеванский, В. В. Зеленин, М. М. Сумарокова, Ю. Н. Щербаков, А. И. Пушкин и др. Нужно отметить также обобщающие коллективные труды, подготовленные институтом³.

История Великого Октября — ныне одна из тем многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. В связи с этим была образована международная проблемная комиссия с участием ученых Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии. Ко-

миссия активно работает, проведен ряд научных конференций и заседаний.

Ученые социалистических стран уже многое сделали для изучения интернационалистской проблематики. Можно назвать работы болгарского историка П. Панайотова, венгерских исследователей А. Йожи, Д. Милеи, А. Жилака, Е. Дьеркеи, ученых ГДР С. Штригниц и Р. Дикса, польских исследователей В. Найдус, А. Заторского, Л. Калестыньской, А. Коханьского и В. Топорович, чехословацких ученых И. Веселого, Ю. Кржижека, югославских историков Б. Храбака и Н. Поповича. Совместно с венгерскими учеными были изданы сборники документов об участии венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР и граждан России — в защите Советской Венгрии в 1919 г.⁴ Еще один пример такого сотрудничества — опубликованный Институтом славяноведения и балканистики совместно с югославскими историками и архивистами сборник документов⁵.

Таким образом, для изучения интернационалистской проблематики сделано немало. Вместе с тем некоторые задачи все еще не решены. Следует продолжить работу по изучению участия трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Октябрьской революции и гражданской войне, имея в виду их политическую, военную, трудовую деятельность в Советском государстве. Группы интернационалистов действовали в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе, Ташкенте, Иркутске, Омске и других городах. Это дает возможность включиться в исследование проблемы большому отряду наших историков на периферии и одновременно требует целенаправленной координации их усилий. Нужны также новые исследования об интернационалистиках-распространителях ленинских идей за рубежом, об использовании опыта Великого Октября. Работа в этом направлении также требует координации и сотрудничества с учеными социалистических стран.

² См. подробнее: Щербаков Ю. Н. Интернационалисты в революционной России. — Общественные науки, 1977, № 5.

³ Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967; Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М.: Наука, 1971.

⁴ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М.: Наука, 1969, т. 1—2; Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую Советскую Республику 1919 г.: Сб. документов. М.: Наука, 1972.

⁵ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1976.

Перейдем к краткому обзору сделанного по теме «Совместная борьба трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы против фашизма в годы второй мировой войны».

На Координационном совещании 1961 г. головным в разработке этой темы, охватывавшей тогда лишь славянские государства, был утвержден Институт истории АН УССР с участием Института славяноведения АН СССР, Института истории АН БССР и других научных учреждений и вузов. Надо признать, что за последние годы координация усилий исследователей в названной области ослабела, хотя в целом для разработки проблемы сделано немало. К работам по истории Польши, Болгарии, Чехословакии прибавились исследования по истории Югославии, по истории движения Сопротивления в Греции, труды, освещдающие борьбу немецких антифашистов, историю возникновения и развития ГДР.

Значительное место борьбе трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы против фашизма уделено в таких фундаментальных трудах, как «История Великой Отечественной войны», «История второй мировой войны», «Всемирная история». Следует назвать также «Историю Коммунистической партии Советского Союза» (т. 5), где охарактеризована деятельность коммунистических партий — организаторов освободительной борьбы народов Европы. Приобрела популярность вышедшая двумя изданиями и переведенная на иностранные языки книга «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне» (М., 1971), подготовленная Институтом военной истории. В центре внимания этого института — история вооруженной защиты завоеваний Великого Октября в период гражданской войны, совместной борьбы народов мира против фашизма. За 11 лет существования этого института его ученые опубликовали более 80 монографий, в том числе и совместно с зарубежными научными учреждениями⁶.

Надо отметить, что Институт славяноведения и балканистики тесно сотрудничает с Институтом военной истории. В редколлегии «Истории второй мировой войны», в редакциях отдельных томов есть наши представители.

⁶ См. подробнее: Антосяк А. Творческие связи военных историков.— Общественные науки, 1977, № 6.

Материалы для ряда томов, касающихся событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подготовлены с участием сотрудников Института славяноведения и балканистики. Вошли в практику взаимные научные консультации и рецензирование.

Что касается собственно работ Института славяноведения и балканистики по рассматриваемой проблематике, то помимо уже названных следует упомянуть такие труды, как «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1978), «Из истории народно-демократических и социалистических революций» (М., 1977), коллективный труд «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость». Некоторые вопросы, связанные с освободительной борьбой народов в годы второй мировой войны, освещены в серии изданий института «Балканские исследования». Журнал «Советское славяноведение», отметивший недавно свое пятнадцатилетие, за эти годы осветил многие стороны борьбы народов славянских стран против фашизма. Можно без преувеличения сказать, что Институт славяноведения и балканистики — один из самых активных участников научного сотрудничества с историками социалистических стран⁷.

Разработка упомянутой проблематики ведется не только в столице, но и во многих научных учреждениях нашей страны. Многое сделали украинские ученые И. Н. Мельникова, П. Н. Калениченко, В. И. Клоков, М. В. Куян, Ф. П. Шевченко, А. А. Копылов, Ю. И. Макар, В. Н. Казак, С. Л. Каиров и другие. Проблемой освободительной борьбы и интернациональной солидарности трудящихся занимаются исследователи Белоруссии, Молдавии, республик Средней Азии, Белорусского, Воронежского, Горьковского, Свердловского, Кубанского, Сыктывкарского, Среднеазиатского и других университетов, многих педагогических институтов.

Однако координация их деятельности налажена еще недостаточно. Об этом можно судить по материалам всесоюзных научных межвузовских конференций историков-славистов. Хотя на этих конференциях представлены

⁷ Подробнее см.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1947—1977: Справочно-информационный обзор. М.: Наука, 1977, с. 15—37.

историки, занимающиеся только славянскими странами, их выступления в известной степени характеризуют положение и по остальным странам Центральной и Юго-Восточной Европы. Если судить по тематике докладов, то интерес к общим проблемам, касающимся всех славянских стран, растет, к польским — сохраняется, внимание к югославским и болгарским — примерно на одном и том же уровне, и по-прежнему нуждается в активизации разработка чехословацкой тематики.

Трудно рассчитывать, что с помощью одной только координации можно выровнять число исследований по каждой из славянских стран. Но несомненно, что координация помогла бы сосредоточить усилия на главных направлениях, оставить в стороне малозначительные, частные темы, предотвратить дублирование, которое еще имеет место, и т. д.

Решение практических вопросов координации по проблеме интернациональной солидарности выходит за рамки Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. Отметим лишь, что остаются актуальными давно поставленные задачи: всестороннее освещение истории боевого содружества народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе против фашизма; раскрытие исторической роли Советского Союза в деле освобождения народов Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и других стран, разоблачение фальсификаций реакционной буржуазной историографии, извращающей историю антифашистской борьбы и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Очень важно обеспечить координацию исследований историков и убедительно опровергнуть измышления тех, кто пытается бросить тень на интернациональную солидарность трудящихся.

V. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

*

А. И. Недорезов

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение истории и современного положения социалистических стран Европы имеет особо важное значение. Накопленный этими странами опыт создания социалистического общества вместе с опытом СССР является составной частью бесценного опыта борьбы трудящихся масс за социальное и национальное освобождение, за социальный прогресс. «Развитие стран социализма,— говорил Л. И. Брежnev на XXV съезде КПСС,— рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики — вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества»¹.

На XXV съезде КПСС подчеркивалась необходимость повышения внимания к фундаментальным исследованиям, раскрывающим механизм действия законов общественного развития. Речь идет прежде всего о разработке научных проблем, имеющих особую значимость для успешного строительства нового общества, для сплочения и развития мировой системы социализма. Именно таким образом можно наиболее успешно обеспечить на

¹ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики: Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М.: Политиздат, 1976, с. 33.

этом участке прямой выход исторической науки в практику коммунистического строительства. Этой же цели служат партийные решения о необходимости создания новых учебников для вузов и средней школы, о проведении политico-пропагандистских мероприятий, связанных с крупными революционными и другими историческими датами.

Наряду с положениями Отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду КПСС важное теоретическое значение для разработки проблем истории становления социалистического содружества имеет выступление Л. И. Брежнева на VII съезде ПОРП. В этом выступлении создание социалистического содружества было квалифицировано как одно из самых выдающихся достижений нашей эпохи. В связи с этим особо значимой становится роль историков в выявлении всех исторических, социально-экономических, политических и идеологических предпосылок формирования социалистического содружества, в раскрытии основных закономерностей процесса становления новой общественно-экономической формации, проявляющихся в конкретно-исторической обстановке в каждой стране, идущей по пути социализма.

Важное место принадлежит исторической науке также в пропаганде достижений победившего социализма. «Вместе с другими братскими партиями КПСС и впредь будет делать все, чтобы пример победившего социализма сиял все ярче и ярче», — отмечал Л. И. Брежnev на XXV съезде КПСС².

Принципиальное значение для советских ученых имеет введение в Конституцию СССР специальной статьи, где Советское государство рассматривается как составное звено социалистического содружества. Следовательно, фундаментальная разработка истории формирования и развития социалистического содружества должна рассматриваться историками в качестве особо важной государственной задачи.

Можно с полным основанием сказать, что те из советских историков, которые занимаются изучением и общением опыта строительства социализма как в европейских, так и в других социалистических странах, находятся на одном из магистральных направлений исто-

рической науки, на передовой линии идеологической борьбы. Они непосредственным образом участвуют в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством в современную эпоху.

За последние годы в развитии историографии социалистического строительства в странах Европы и формирования социалистического содружества достигнуты значительные успехи. Увеличилось число публикаций, посвященных истории народно-демократических и социалистических революций, внешней политике стран социалистического содружества и (в меньшей степени) проблемам внутреннего развития европейских стран в период строительства основ социализма.

Общее представление об объеме печатной продукции по указанным проблемам дает выпущенный Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР указатель литературы за 1967—1976 гг.³ Он содержит 4837 наименований книг, сборников, авторефератов диссертаций, журнальных статей, изданных в СССР и в других социалистических странах Европы. Эти работы в своем большинстве посвящены проблеме народно-демократических и социалистических революций в странах Европы, некоторым вопросам строительства социализма и внешней политике этих стран. Научная общественность проявляет все больший интерес к актуальным проблемам, связанным с историей строительства социализма и формирования мирового социалистического содружества. Свидетельством этого являются общесоюзные и международные конференции по внешней политике стран социалистического содружества, состоявшиеся в Киеве (1974), Москве (1975), Алма-Ате (1977). Большое внимание проблемам народно-демократических и социалистических революций стали уделять в своей работе двухсторонние комиссии историков социалистических стран. В 1974 г. в Москве была проведена общесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В ней приняли участие 180 советских ученых. В рамках отведенного нам времени мы не ставим своей задачей рассмотрение всей большой

² Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Указатель литературы 1967—1976. М.: ИНИОН АН СССР, 1977, ч. 1—4.

² Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС..., с. 12.

исторической литературы по данной проблематике. На анализе некоторых ее аспектов, включая и наиболее крупные статьи, мы останавливались уже в другой связи⁴. Здесь нам хотелось бы в первую очередь рассмотреть вопрос о разработке и обобщении советской историографией революционных процессов, проходивших в Центральной и Юго-Восточной Европе в ходе народно-демократических и социалистических революций и в исследовании проблем строительства социализма в этих странах.

Наиболее знаменательным и отрадным фактом в изучении указанных проблем является переход на более высокую ступень исследовательской работы — создание сравнительно-исторических обобщающих исследований теоретического плана. Правда, попытки создания обобщающих трудов предпринимались и раньше, начиная с 50-х годов, но тогда они, как правило, создавались философами, правоведами, экономистами. Советские историки отставали с созданием сравнительно-исторических исследований, с обобщением революционных процессов, и лишь в последние годы положение это стало исправляться. В первую очередь следует назвать коллективную монографию, посвященную всемирно-историческому значению опыта Великой Октябрьской социалистической революции для развития революционного процесса и самому этому процессу в странах Центральной и Юго-Восточной Европы⁵. Такая работа, безусловно, является новым вкладом в советскую историческую науку.

Обобщающие труды по проблемам народно-демократических и социалистических революций стали все более частым явлением и в социалистических странах Европы. Назовем интересную монографию Е. Кальбе «Антифашистское движение Сопротивления и народно-демократические революции в Юго-Восточной Европе», изданную в Берлине в 1974 г.⁶ Работами такого же обобщающего

⁴ См.: Недорезов А. И., Мыльников А. С. Советское славяноведение и балканстика.— В кн.: Развитие советской исторической науки 1970—1974. М.: Наука, 1975.

⁵ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М.: Наука, 1977.

⁶ Kalbe E. Antifaschistischer Widerstand und volksdemokratische Revolution in Südosteuropa. Berlin, 1974.

характера являются книги венгерского историка Е. Борши «Народно-демократические революции в европейских странах»⁷ и польского историка Н. Коломейчика «Народные революции в Европе. 1939—1948 гг.»⁸

В последнее десятилетие в советской историографии наблюдалось существенное продвижение вперед и в области изучения истории строительства основ социализма в европейских странах. Можно отметить значительное увеличение числа монографий, статей, сборников докладов и т. п., посвященных этим проблемам. Знаменательным являются все более частые попытки обсуждения этих проблем, как и проблем формирования социалистического содружества, совместно историками, экономистами, философами и представителями других общественных наук⁹.

В связи с 30-летием освобождения европейских стран от фашизма в рамках серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма» издательством «Наука» выпущен ряд работ, где кратко рассматривается история социалистического строительства и современное, главным образом социально-экономическое, развитие этих стран¹⁰.

Фундаментальную работу по истории Германской Демократической Республики издал авторский коллектив Института всеобщей истории АН СССР¹¹. Исследование охватывает период с 1949 по 1973 г. Вместе с вышедшими в 70-х годах многотомными «Историей Венгрии» и

⁷ Borsi E. Az európai népi demokratikus forradalmak. Budapest, 1975.

⁸ Kolomejczyk N. Rewolucje ludowe w Europie 1939—1948. Warszawa, 1973.

⁹ Среди работ подобного рода отметим сборник «Формирование и развитие содружества социалистических стран» (М.: Наука, 1976), содержащий доклады и выступления на симпозиуме, проведенном в 1975 г. в Минске Комиссией историков СССР и ЧССР совместно с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Мировая социалистическая система». Сборник издан также в ЧССР (*Vznik a rozvoj společenství socialistických zemí*. Praha, Academia, 1977).

¹⁰ См.: Народная Республика Болгария. М.: Наука, 1974; Польская Народная Республика. М.: Наука, 1974; Социалистическая Республика Румыния М.: Наука, 1974; Венгерская Народная Республика. М.: Наука, 1975; Германская Демократическая Республика. М.: Наука, 1975; Чехословацкая Социалистическая Республика. М.: Наука, 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М.: Наука, 1975.

¹¹ История Германской Демократической Республики. 1949—1973; Краткий очерк. М.: Наука, 1975.

«Историей Румынии», последние главы которых посвящены роли социалистического строительства в упомянутых странах, этот труд можно считать важным достижением советской историографии.

Вместе с тем отнюдь не снята необходимость создания обобщающих работ и монографий, в которых бы освещались основные проблемы строительства социализма в социалистическом содружестве в целом и отдельно в таких странах, как Болгария, Чехословакия, Польша, Югославия. В созданных в 50—60-е годы многотомных историях этих стран исследование доводилось лишь до первых лет строительства социализма.

Сравнительно хорошо в советской и зарубежной марксистской историографии разработаны проблемы руководящей роли коммунистических и рабочих партий, проблема политических союзов в революции, осуществления социально-экономических преобразований (аграрной реформы и национализации ключевых отраслей промышленности). Можно полагать, что основные проблемы народно-демократических и социалистических революций получили относительно хорошую разработку, в том числе и в плане раскрытия общих закономерностей и разнообразия форм социальных революций в эпоху общего кризиса капитализма. Этим проблемам было уделено значительное внимание в связи с празднованием 60-летия Октябрьской революции.

Советские историки предприняли первую попытку создать обобщающую работу о ведущей роли рабочего класса в историческом движении общества к социализму. Мы имеем в виду коллективную монографию Института славяноведения и балканстики АН СССР¹², в которой на конкретном историческом материале отдельных стран делается попытка обобщить интернациональный опыт рабочего класса по строительству нового социалистического общества. В этой связи нельзя снова не упомянуть и об опыте историков социалистических стран. Интересной представляется посвященная международному рабочему движению двухтомная работа польских историков «Международное рабочее движение»¹³, вышедшая в 1976 г. Сотни страниц 2-го тома этой работы

¹² Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977.

¹³ Międzynarodowy ruch robotniczy. Warszawa, 1976, t. 1—2.

посвящены деятельности рабочего класса социалистических стран по строительству социализма, включая и строительство развитого социалистического общества. Вышло в свет и многотомное исследование о рабочем движении в Германии¹⁴. Реализуется замысел издания многотомной истории венгерского революционного рабочего движения. Много внимания разработке проблемы роли своего рабочего класса в революции и строительстве социализма уделяют болгарские историки. Интересно задуман семитомный цикл исследований по истории польского рабочего класса.

Значительное число работ советских авторов посвящено реализации ленинского кооперативного плана в социалистических странах Европы, т. е. строительству социализма в деревне¹⁵. Однако в исследованиях истории строительства социализма в советской и зарубежной историографии чувствуется отсутствие фундаментальных, комплексных трудов, обобщающих глубокие общественные процессы в целом, во всем их объеме и многогранности. Этот пробел наблюдается и в деле обобщения социально-экономических и политических итогов социалистического строительства, результатов глубокого изменения социальной структуры общества и самого существа прежних классов, прежде всего коренного изменения общественного положения рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

К числу важнейших направлений исследовательской работы следует отнести проблемы внешней политики стран социалистического содружества, формирования и развития мирового социалистического содружества, а также строительства развитого социалистического общества. На эти проблемы советские историки, так же как экономисты, философы и представители других общественных наук, обращают все большее внимание. Из числа последних работ можно назвать коллективный труд «Дипломатия социализма»¹⁶, книги историков-международников

¹⁴ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1966, Bd 6—8.

¹⁵ Марына В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948—1960). М.: Наука, 1972; Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. 1949—1962 гг. М.: Наука, 1972; Лукач Б. И. Союз рабочего класса и крестьянства в социалистической Венгрии. 1957—1970. Киев: Наукова думка, 1974.

¹⁶ Дипломатия социализма. М.: Международные отношения, 1973.

родников Ш. П. Санакоева и Н. И. Капченко, работу И. В. Дудинского¹⁷ и др. В этих работах делается попытка раскрыть сущность мирового социалистического содружества, действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве, охарактеризовать качественные критерии социалистической внешней политики и ее воздействие на решение коренных международных вопросов. Хотелось бы в связи с этим упомянуть и об интересной работе чехословацких историков — двухтомной монографии «Формирование мировой социалистической системы в 1944—1949 гг.»¹⁸ Она построена в основном в страноведческом плане.

Однако разработка указанного направления находится еще в самом начале и здесь потребуются серьезные усилия, чтобы обеспечить решение этой ответственной задачи на высоком научном уровне.

В последние годы наблюдается значительное увеличение числа работ, подготовленных в научно-исследовательских учреждениях и вузах Украины, Белоруссии и других республик, а также в ряде городов Российской Федерации.¹⁹

Суммируя положение в советской историографии в связи с разработкой проблем истории социалистического строительства в странах социализма Европы, можно сделать следующие выводы. Имеются существенные успехи в разработке отдельных проблем, особенно значительным можно считать появление первых сравнительно-исторических исследований по актуальным и политически важным вопросам. Вместе с тем в исследовательской работе проявляется определенная разобщенность. Требуется уточнение ее основных линий, наиболее актуальных направлений. Необходимо устранение элементов параллелизма и дублирования. Эти недостатки сдерживают

¹⁷ Санакоев Ш. П., Капченко Н. И. О теории внешней политики социализма. М.: Международные отношения, 1977; Дудинский И. В. Социалистическое содружество: Основные тенденции развития, М.: Мысль, 1976.

¹⁸ Formování Světové socialistické soustavy v letech 1944—1949. Praha, 1975, d. 1—2.

¹⁹ З історії зарубіжних соціалістичних країн. Київ: Наукова думка, 1971; На магістралях дружби и братства: Участие Украинской ССР в сотрудничестве Советского Союза с европейскими социалистическими странами (1966—1970 гг.). Киев: Наукова думка, 1974; Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945—1960 гг.). Киев: Наукова думка, 1976.

общее развитие историографии, в особенности создание крупных, фундаментальных трудов сравнительно-исторического характера. Между тем выдающиеся успехи европейских социалистических стран в создании мощного промышленного потенциала, развитого сельского хозяйства, в формировании нового человека, в развитии культуры общепризнанной и вместе с успехами СССР являются вдохновляющим фактором освободительной борьбы человечества за социализм и мир на земле.

При наличии бесспорных успехов в разработке отдельных проблем историки еще не приступили в полной мере к созданию фундаментальных, сравнительно-исторических исследований по проблематике социалистического строительства. Тем большее значение приобретает сотрудничество историков СССР и других социалистических стран в разработке таких фундаментальных проблем. Оно призвано выполнить первую наиболее важную задачу: способствовать комплексному решению наиболее сложных проблем истории строительства социализма в странах Европы и координации исследований в борьбе с буржуазной фальсификацией в этих ее разделах.

Наше сотрудничество с историками социалистических стран развивается по нескольким направлениям. Это сотрудничество в рамках подписанных планов и протоколов на двусторонней основе между отдельными институтами братских академий наук. Оно дает свои результаты, особенно по линии обсуждения работ, консультаций, изданий. Предпринимаются попытки написания и коллективных монографий, но пока еще таких опубликованных работ нет. Особенно плодотворным является сотрудничество в части публикаций документов по истории взаимоотношений социалистических стран. Неплохие результаты двустороннего сотрудничества мы имеем в форме двусторонних комиссий историков СССР и европейских социалистических стран в плане обсуждения проблем строительства социализма.

Почти все эти комиссии посвятили по одному — двум заседаниям специальному обсуждению проблем истории строительства социализма. Советско-чехословацкая комиссия помимо темы истории строительства социализма в СССР и ЧССР поставила на широкое комплексное обсуждение проблеме «Возникновение и развитие содруже-

ства социалистических стран». В нем наряду с историками приняли участие экономисты, правоведы, философы, историки культуры и представители других общественных наук. Здесь историки проявили хорошую, плодотворную инициативу. Отрадным является и тот факт, что материалы наиболее важных и интересных заседаний двусторонних комиссий публикуются, благодаря чему становятся доступными широким кругам общественности.

Многостороннее сотрудничество историков социалистических стран является одним из элементов совместных действий братских партий в идеологической и внешнеполитической областях.

Такое многстороннее сотрудничество увеличит потенциальные возможности исторической науки в разработке основных проблем истории социализма, среди которых бесспорно первое место принадлежит вопросам глубоких общественных преобразований материальной и духовной жизни, осуществленных народными массами в ходе революций и социалистического строительства под руководством коммунистических партий, ведущей роли рабочего класса, вопросам развития коммунистической формации, развития мировой системы социализма и усиления ее роли в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством, и в первую очередь проблемы мира.

Переход к многстороннему сотрудничеству диктуеться как усиливающейся политической актуальностью, так и международной значимостью научных исследований по истории социалистического строительства в странах Европы и истории становления и развития сотрудничества социалистических стран. Глубокие исследования по этим проблемам призваны сыграть важную роль как в формировании и утверждении социалистической идеологии, так и в борьбе против буржуазных измышлений.

М. Б. Ешич

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная наука, и прежде всего марксистское обществоведение, давно уже теоретически обосновала неразрывную взаимосвязь и взаимообусловленность процессов экономического, социального, политического и культурного развития общества. Именно эта объективная взаимосвязь и взаимодействие определяют то огромное значение, которое в наше время приобретают историко-культурные исследования.

Насущная практическая значимость сложных проблем социалистического культурного строительства выдвигает перед марксистским культуроведением задачу углубленного исследования фундаментальных проблем теории и истории культуры, освещения и обобщения многообразного опыта социалистического культурного строительства в СССР и других странах социализма, разработка сложных вопросов планирования, прогнозирования и организации процессов в сфере духовного производства, совершенствования средств распределения и распространения культурных ценностей, освещение вопросов путей и способов воздействия культуры на формирование духовного облика людей социалистического общества.

В марксистской науке считается общепризнанным тезис о том, что культура представляет собой сложное многокомпонентное и многоуровневое общественное явление и что в силу этого она выступает как общий объект исследования целой группы научных дисциплин — философии, филологии, истории, социологии, лингвистики, семиотики, психологии, науковедения, литературоведения, искусствознания, правоведения, экономики, демографии и ряда других.

Следует отметить, что в течение последних десятилетий в рамках нашего обществоведения начало выделяться и складываться в качестве самостоятельной отрасли научного знания культуроведение. Делаются серьезные шаги в разработке и применении новых методов комп-

лексного и системного изучения культуры как в горизонтальном, так и в вертикальном разрезе.

Исследовательская работа по проблематике социалистической культуры ведется в настоящее время в нашей стране в десятках научно-исследовательских центров — в институтах академий наук (союзной и республиканских), в отраслевых институтах Министерства культуры, во многих вузах (кафедры философии, истории, журналистики, истории партии, научного коммунизма и др.).

Основными видами и направлениями этих исследований являются:

а) исследования, направленные на разработку теоретических и методологических основ культуроведения, терминологического аппарата, на выявление общих закономерностей развития духовной жизни в условиях строительства социалистического общества, взаимообусловленности и взаимодействия культуры и других компонентов (подсистем) социалистического общества на разных этапах его развития;

б) конкретно-исторические исследования на уровнях страноведческом, региональном и всей мировой системы социализма в плане:

конкретного изучения процессов социалистической культурной революции, формирования и осуществления культурной партийно-государственной политики на разных этапах строительства социализма в СССР и других социалистических странах;

конкретного изучения отдельных компонентов культуры (в отдельных странах или сравнительно в группе стран);

изучения развития культурного сотрудничества народов социалистических стран, процессов сближения, интернационализации социалистических культур и становления культурной общности стран социализма;

в) конкретно-социологические исследования (имеющие различные аспекты), целью которых является изучение результатов деятельности по распространению и освоению достижений культуры среди различных слоев населения в той или иной стране, на том или ином этапе строительства социализма;

г) исследования «экономики культуры», т. е. создания материальной базы культуры, способов финансирования

культурной деятельности всех видов и форм, непосредственная связь между развитием экономики страны и материальной базой культуры, определение культурных и социальных аспектов и последствий того или иного способа финансирования культуры;

д) исследования системы организации и управления в сфере культуры в условиях социализма, задача которых — изучение опыта и эффективности исторически сложившихся в той или иной стране систем организации и управления в сфере культуры и выработка новых, оптимальных вариантов этой системы;

е) исследование правовых проблем развития культуры (на уровне отдельных стран и в международном аспекте);
ж) прогностические исследования культуры.

Все эти исследования ведутся, как правило, в научных учреждениях соответствующих профилей и фактически охватывают все основные проблемы и аспекты развития культуры в условиях строительства социализма. За последние годы все более расширяется и интенсифицируется изучение проблем зарубежных социалистических стран, и прежде всего европейских. Создано большое количество научных трудов — монографий, тематических сборников, диссертаций, статей по отдельным проблемам, значительно вырос за последние годы и контингент специалистов. Отрадным фактом последних лет является усиление и расширение международного сотрудничества ученых-культуроведов социалистических стран, что в большой степени способствует успешному решению многих теоретических, историко-культурных и других научных задач.

Достигнутые положительные результаты в исследованиях проблем развития социалистической культуры не могут, однако, заслонить и серьезных недостатков и имеющихся нерешенных проблем как научного, так и организационного плана.

Представляется совершенно необходимым обратить внимание на наиболее существенные, на наш взгляд, недостатки и нерешенные проблемы в исследованиях социалистической культуры.

Наиболее крупным недостатком является отсутствие единого, скоординированного плана исследований проблем социалистической культуры. Вследствие отсутствия надлежащей координации исследования ведутся разроз-

ненно, что приводит к нерациональному использованию научных сил, фрагментарности, дублированию, неравномерному освещению развития различных компонентов культуры.

Проблемами координации исследований социалистической культуры мало занимались и Совет по истории мировой культуры и Совет по мировой системе социализма. Очевидно, наступило время взяться более энергично за решение этого вопроса. Необходимо выявить магистральные направления исследований с расчетом на перспективу и на основе этого определить научные учреждения, которые возглавят разработку определенных научных проблем. Изучение проблематики истории социалистической культуры европейских стран социализма мог бы возглавить Институт славяноведения и балканстики АН СССР, имеющий уже стабильные секторы, занимающиеся этими вопросами, и большой опыт. Головной институт должен скординировать исследовательские планы с другими учреждениями, занимающимися этой проблематикой, провести вместе с ними своего рода разделение более частных исследовательских задач. Это относится и к выполнению исследовательских работ в текущей пятилетке и в еще большей степени — к разработке планов на будущую пятилетку. Общая координация всех исследований по социалистической культуре могла бы осуществляться на уровнях научных советов при Секции общественных наук.

Очень важным моментом является эффективная координация и кооперация исследований с научными учреждениями социалистических стран. Планы сотрудничества, осуществляемого в рамках Академии наук СССР и социалистических стран, как правило, складываются на базе тематических планов институтов, чаще всего на двусторонней основе, и реализуются в форме научных конференций, симпозиумов (с последующим изданием их материалов), совместной разработки отдельных проблем. Однако из-за отсутствия единого скординированного плана исследований социалистической культуры сотрудничество с научными учреждениями зарубежных стран по вопросам изучения культуры не всегда нацелено на решение актуальных и фундаментальных проблем. Кроме того, имеется немало проблем, которые требуют не двустороннего, а многостороннего сотрудничества.

Далее, несмотря на то, что в течение последних лет учеными-культуреведами различных специальностей и профилей уделялось большое внимание разработке теоретических и методологических проблем исследования культуры, многие из них нуждаются в дополнительном освещении.

В области теоретических исследований неудовлетворительно обстоят дела с разработкой категориально-понятийного аппарата. Целый ряд фундаментальных категорий, таких, как «культура», «национальная культура», «социалистическая культура», «национальная социалистическая культура», «социалистическая культурная общность» и др., все еще остаются недостаточно разработанными, наблюдается разнобой концептуальных решений. Исследования этого плана очень часто ведутся на абстрактно-логическом уровне, строятся различные теоретические конструкции и модели без опоры на фактический материал или с произвольно выборочным его использованием в качестве иллюстрации построенных схем. Вследствие недостаточной разработанности проблем теории культуры возникают большие трудности при определении предмета исследования ряда культуреведческих дисциплин (их задач и места), в том числе и истории культуры. Кроме того, без наличия научно обоснованного категориально-понятийного аппарата в культуреведении осложняется анализ и использование самого материала.

Очевидно, и в разработке теории культуры (и теории социалистической культуры в том числе) необходимы скординированные усилия специалистов разных профилей и должно быть головное учреждение и координационный план с другими учреждениями.

В области разработки методологии и методики культуреведческих исследований за последние годы наметился некоторый сдвиг. Однако остаются недостаточно разработанными методологические принципы и методика многодисциплинарных комплексно-системных, одно- и многодисциплинарных сравнительно-исторических и сравнительно-типологических исследований явлений культуры. Практический опыт, особенно многодисциплинарных комплексно-системных исследований, пока что тоже невелик. Если работ однодисциплинарного (при этом страноведческого) характера накопилось большое количество, то комплексно-системные и сравнительно-исторические

работы встречаются крайне редко. Кроме того, следует подчеркнуть, что в настоящее время не выработаны еще научно обоснованные критерии исторической типологии и периодизации культуры вообще и социалистической культуры в частности.

Перечисленные проблемы, безусловно, могут быть успешно решены, но для этого необходимо по-настоящему организовать планомерные координированные исследования по ведущим направлениям и по магистральным проблемам.

Если же говорить о главных направлениях изучения социалистической культуры, то нам представляется, что необходимо сосредоточить внимание на двух из них:

а) изучение на страноведческом и региональном уровнях конкретных процессов и теоретических проблем развития духовной культуры социалистических стран на различных этапах строительства социализма как в «отраслевом» (изучение отдельных компонентов культуры), так и в комплексно-системном и сравнительно-историческом планах;

б) изучение конкретных процессов и теоретических проблем сближения и интернационализации социалистических культур стран изучаемого региона как составной части общего процесса складывания международной культурной общности мировой системы социализма.

В рамках этих двух направлений должны, по-видимому, определяться конкретные исследовательские задачи в научных учреждениях и отдельных исследователей, первоочередность тех или иных задач и конкретная координация исследовательских усилий.

Б. И. Ростоцкий

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В СССР

Чтобы по достоинству оценить, что сделано советскими учеными в области изучения искусства европейских социалистических стран, необходимо напомнить, что исследование художественной культуры этих стран начало планомерно развертываться лишь в последние три десятилетия. Конечно, в исследовании отдельных стран есть свои особенности. Так, изучение немецкого искусства (живописи, архитектуры, искусства, музыки, в сравнительно меньшей степени — театра) издавна занимало важное место в трудах советских искусствоведов. Однако Германия составляла в этом отношении скорее исключение, что имеет свое значение и при изучении художественной культуры ГДР. Если же иметь в виду славянские страны Центральной Европы и балканские — славянские и неславянские — страны, то придется признать, что при всей неравномерности исследования отдельных областей изучение их художественной культуры в основном было все же пасынком искусствоведческой науки.

Такое положение было не случайным. Ситуация, сложившаяся в нашем искусствознании до Октября 1917 г., отчасти отражала тенденции недооценки художественных достижений народов стран указанного региона, характерные для всего европейского искусствознания. Рецидивы подобного рода тенденций, а зачастую и их намеренное подновление не составляют исключения и сейчас в зарубежном буржуазном искусствоведении. При рассмотрении процессов развития мировой художественной культуры искусство таких стран, как, например, Польша и Румыния, Болгария и Венгрия, или вовсе игнорируется, или по меньшей мере недооценивается. Встречаются и иные варианты: явление национальной культуры какой-либо из стран региона отнимается у народа, его породившего, и передается другой национальной культуре.

Можно привести примеры из области разных видов искусства. Например, Ференц Лист рассматривался как композитор, принадлежащий немецкой, или австрийской, но не венгерской культуре. Выдающийся мастер второй половины XV — начала XVI в. Вит Ствош по традиции буржуазного немецкого искусствознания рассматривался как немецкий, а не как польский художник. Такого рода толкования в наши дни можно рассматривать как притязания реваншистски настроенных кругов Западной Германии — наследников тех, кто в годы войны похитил знаменитый алтарь Ствоша из Мариацкого костела в Кракове и увез в Нюрнберг.

Советское искусствознание, опираясь на исторические факты, возвращает национальной культуре Венгрии, Польши и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы то, что принадлежит им по праву и что узурпировалось реакционным буржуазным искусствоведением. Но дело далеко не сводится только к этому. Можно смело утверждать, что систематическое изучение художественной культуры европейских стран, ставших на путь строительства социализма, явилось существенным и очень значительным завоеванием именно советской науки об искусстве.

Утверждать это — вовсе не значит зачеркивать или умалять значение того, что было сделано в этой области в дореволюционную эпоху. Бессспорно, немало ценного по интересующей нас теме мы находим в высказываниях крупнейших представителей нашей отечественной эстетической мысли. Достаточно вспомнить, что писали о замечательном польском живописце Яне Матейко такие деятели культуры, как В. В. Стасов и И. Е. Репин. Стасов не только высоко оценивал творчество создателя «Люблинской унион» и «Проповеди Скарги», но, что особенно важно, видел в Матейко художественный центр, как он говорил, складывающейся польской национальной школы живописи¹.

С такого рода подходом и связано преемственное изучение художественной культуры европейских социалистических стран советскими искусствоведами. В уже появившихся, вошедших в научный обиход работах особенно отчетливо проявляется стремление не просто оценить от-

дельно взятый факт искусства, но и уяснить его место в историческом процессе формирования национальной культуры. Такого рода изучение приобрело достаточно широкий, целенаправленный характер, уже стало системой в нашем искусствоведении.

В Программе КПСС подчеркнуто, что социализм сближает народы и страны. В этом важнейшем документе в качестве одной из основных задач указано на развитие форм культурного сотрудничества и общения народов социалистических стран, взаимного обмена культурными достижениями, поощрения совместной творческой деятельности работников науки, литературы и искусства, активного содействия взаимообогащению национальных культур, сближению жизненного и духовного склада народов. Очевидно, что изучению искусства стран социалистического содружества в деле решения этой задачи принадлежит важное место.

Конечно, многое предстоит сделать в этой области. Однако было бы неправильно недооценивать и того, что уже достигнуто, что находится в стадии осуществления, открывая перспективы на будущее. Не будем пытаться дать сколько-нибудь полный, а тем более исчерпывающий обзор вышедших работ по искусству европейских социалистических стран. Отметим лишь попутно, что сам перечень их занял бы немалое место. Важнее все же не количество книг и статей, а их направленность, характер постановки вопросов и охват материала, выступающего предметом исследования. В настоящее время работа ведется уже на достаточно широком фронте. Изучение современного искусства социалистических стран идет параллельно и в тесной связи с изучением их классического наследия.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967) особо подчеркнуто, что потребности науки и практики выдвигают необходимость организации комплексных исследований по всем важнейшим направлениям развития общественных наук². Это имеет самое прямое отношение к искусствознанию и, в частности, к изучению художественной культуры социалистических стран. Можно даже сказать,

¹ См.: Стасов В. В. Избранное. М.; Л.: Искусство, 1951, т. II, с. 212.

² См.: Правда, 1967, 22 авг.

что применительно к этому кругу материалов создание комплексных трудов, охватывающих основные сферы со-зидания новой социалистической художественной культуры, имеет особенно важное значение. Только при сравнительно-историческом изучении могут быть раскрыты закономерности формирования социалистического искусства, отдельные виды которого развиваются и функционируют в неразрывной и тесной связи между собой.

Первостепенное значение приобретает исследование проблемы генезиса социалистического искусства и его исторического развития. Буржуазное искусствоведение пытается представить социалистическое искусство, его основной творческий метод — социалистический реализм как результат некоего «административного акта». Тем самым социалистическое искусство изображается его противниками в виде явления, произвольно декретированного, а не в качестве закономерного результата объективного исторического процесса развития мировой художественной культуры, ее высшей ступени.

Поэтому столь важно проследить процесс зарождения социалистического искусства, в известном смысле предысторию его утверждения, как принципиально новой художественной системы. Этой теме посвящен коллективный труд, подготавливаемый во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусствознания Министерства культуры СССР, — «Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». В первом томе этого комплексного труда становление социалистического искусства рассматривается от его истоков до 1917 г. Вторая часть исследования (1917—1933) также завершена и передана в издательство; работа над третьей частью (1933—1945) ведется тем же авторским коллективом.

Разработка указанной проблемы на материале искусства европейских стран, ныне входящих в социалистическое содружество, обоснована не только общностью их роли в современном мире, хотя и это само по себе имеет немаловажное значение. Право на такое целостное рассмотрение дает и то, что в исторических судьбах развития их художественной культуры и в прошлом есть немало общего. Так, для многих из них путь к созданию самобытной художественной культуры вел через участие в национально-освободительной борьбе. Вместе с тем для

ряда этих стран характерен весьма интенсивный процесс развития как пролетарской литературы и искусства на рубеже XIX—XX вв. (в Германии и Польше), так и марксистской эстетической мысли (в Болгарии).

Большое значение имеет и непосредственный контакт в художественном развитии некоторых стран исследуемого региона (прежде всего Болгарии, Польши и Чехословакии) с передовой русской культурой, который именно в пору зарождения социалистического искусства играл важную роль. Кроме того, в отдельных странах региона мы встречаемся с фактами ускоренного развития искусства на определенных этапах их истории, что тоже делает типологически близкими процессы становления социалистической художественной культуры.

Применительно к отдельным видам искусства вопросы общности и различий путей их формирования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы закономерно привлекают все большее внимание исследователей. Важное значение в разработке вопроса о месте театра в становлении национальной культуры на этапе ее формирования имеет сборник, подготовленный Институтом славяноведения и балканстики АН СССР³. Труды такого рода помогают выявлению закономерностей развития художественной культуры стран этой зоны Европы и на позднейших этапах, к которым относится рождение социалистического искусства.

Чрезвычайно важным является изучение передового революционного искусства социалистических стран Европы в межвоенные годы. Особое место при этом занимает во многих отношениях имеющая ключевое значение проблема воздействия идей Октябрьской революции и рожденного ею советского искусства на упрочение позиций революционного искусства в мировой художественной культуре. Учитывая это, сектор искусства европейских социалистических стран ВНИИ искусствознания подготовил два сборника под единым названием «Искусство, революцией призванное» (1969 и 1972 гг.). В них рассматриваются различные явления искусства (театра, музыки, кинематографии, живописи и графики) Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии,

³ Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976.

Югославии, связанные в той или иной степени с революционной борьбой рабочего класса, с идеями Октября. Включенные в эти сборники статьи еще не дают полной картины развития пролетарского и близкого ему искусства демократической, антифашистской направленности 1920-х, 1930-х гг., но несомненно подготавливают обобщающие работы, посвященные подъему социалистического искусства в столь насыщенный событиями период.

Чтобы оценить значение такого рода исследований, необходимо помнить о настойчивых попытках буржуазных идеологов смазать принципиально новое качество социалистического искусства, затушевать его социально-классовую природу. Стремление применить к искусству и к эстетической теории псевдонаучную концепцию о так называемой конвергенции влечет за собой попытки скрыть те процессы идейного размежевания, которые проходили в сфере художественной культуры и в прошлом и в новейшее время, приобретая все большую определенность и остроту. Поэтому исследование современного искусства социалистических стран не может быть отделено от изучения его истории.

Опыты осмысления с марксистских позиций развития отдельных видов искусства в странах интересующего нас региона за последние два десятилетия уже дали свои вполне ощутимые результаты. Не пытаясь дать полный перечень вышедших работ, сошлемся на отдельные примеры, подтверждающие сказанное.

В шести томах «Истории западноевропейского театра»⁴, подготовка которых была начата под руководством проф. С. С. Мокульского в 1956 г., по сути дела впервые в исследовании процесса становления европейского театрального искусства нашли свое место характеристики этапов истории театра Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехии, Словакии и Югославии. Появились работы, посвященные театральному искусству отдельных стран⁵. Наряду с историко-театральными работами на тему о том или ином периоде формирования национального сценического искусства изданы монографии, посвященные отдельным крупнейшим деятелям художественной культуры. О значении романтической традиции для

⁴ История западноевропейского театра. М.: Искусство, 1956—1974, т. 1—6.

⁵ Солнцева Л. П. Театр Чехии и Словакии. М.: Искусство, 1977.

современного театрального искусства Венгрии и Польши пишут в своих книгах А. А. Гершкович, Б. И. Ростоцкий⁶. Вслед за широко известными работами И. Ф. Бэлзы по истории музыкальной культуры Чехословакии и Польши созданы исследования о чешской опере, об оперном творчестве Л. Яначка⁷, о Б. Бартоке⁸. В числе работ, затрагивающих примечательные страницы исторического развития изобразительного искусства стран социалистического содружества, книги Л. И. Тананаевой и Е. К. Виноградовой⁹.

Исследования, обращенные по своей тематике в прошлое, имеют значение и сами по себе, заполняя существенные лакуны в изучении художественной культуры, и как необходимая исходная позиция при подходе к раскрытию закономерностей современного развития искусства социалистических стран. Естественно, что именно изучение творческого вклада мастеров социалистических стран в мировое искусство наших дней составляет важнейшее направление исследований советских искусствоведов.

Если даже ограничиться работами, подготовленными в этой области сектором искусства европейских социалистических стран ВНИИ искусствознания, то они дадут вполне отчетливое представление о том, что наша научная мысль постепенно все более и более расширяет круг осваиваемого материала, чаще всего впервые вводимого в обиход систематического научного рассмотрения¹⁰.

⁶ Гершкович А. А. Поэтический театр Петефи. М.: Наука, 1970; Ростоцкий Б. И. Адам Мицкевич и театр. М.: Наука, 1976.

⁷ Полякова Л. В. Оперное творчество Леоша Яначка. М.: Музыка, 1968.

⁸ Нестьев И. В. Бела Барток: Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1969.

⁹ Тананаева Л. И. Польское изобразительное искусство эпохи Пропаганды: Живопись. Рисунок. М.: Наука, 1968; Она же. Очерки польской графики: Первая половина XX в. М.: Наука, 1972; Виноградова Е. К. Графика и проблемы чешского искусства конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975.

¹⁰ Гершкович А. А. Современный венгерский театр. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Греков П., Обретенова А., Цапенко М. Архитектура социалистической Болгарии. М.: Стройиздат, 1970; Рубанова И. И. Польское кино: Фильмы о войне и оккупации. 1945—1965. М.: Наука, 1966; Савов С. М. Героико-революционная драма Болгарии. М.: Наука, 1964; Светлов И. Е. Скульптура Народной Венгрии. М.: Наука, 1971; Он же. Современная румынская скульптура. М.: Изобразит. искусство, 1974; Он же. Скульптура Народной Польши. М.: Наука, 1976; Солнцева Л. П. Чехословацкий театр сегодня.

Чрезвычайно важный круг проблем, который должен и в дальнейшем привлекать внимание исследователей, связан с ответственной и благодарной темой взаимосвязей и взаимодействия между художественной культурой социалистических стран и искусством народов Советского Союза как до, так и после Великой Октябрьской социалистической революции. Еще в 1963 г. был опубликован сборник о русско-польских музыкальных связях¹¹. Позднее сектор выпустил сборники, в которых под тем же углом зрения исследовались все основные виды искусства¹².

Разработка такого рода проблематики может вестись наиболее плодотворно в прямом сотрудничестве с учеными соответствующих стран, как это и имело место при подготовке уже выпущенных в свет книг и полностью сохраняет свое значение и при работе над готовящимися сборниками. Результативность сотрудничества ученых советских с зарубежными искусствоведами наглядно проявилась и в сборнике «Дискуссия о традиции», вышедшем в 1974 г. в Варшаве на польском языке. Эта книга, посвященная вопросу о значении передовых национальных и народных традиций для развития социалистического искусства, явилась плодом симпозиума, проведенного сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания Министерства культуры СССР и Института искусства Польской академии наук. Этот пример достаточно показателен. Совершенно очевидно, что, определяя перспективы изучения искусства стран социалистического содружества, необходимо учитывать и необходимость расширения и упрочения сотрудничества с искусствоведами этих стран.

М.: Искусство, 1962; Швидковский О. А. Градостроительная архитектура социалистической Чехословакии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. См. также статьи Н. З. Башинджагян о театре Народной Польши: Башинджагян Н. З. Польская пьеса и современность.—Театр, 1969, № 10; Она же. Польский революционный рабочий театр: эстетика и драматургия. (Театральные искания В. Вандовского и Б. Есенского).—В кн.: Искусство, революцией призванное. М.: Искусство, 1972.

¹¹ Русско-польские музыкальные связи: Статьи и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

¹² Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М.: Наука, 1970; Советско-венгерские связи в художественной культуре. М.: Наука, 1975.

VI. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. А. Дьяков

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Учитывая ограниченность объема и специфические задачи настоящей работы, автор этих строк ни в коей мере не претендует на библиографическую полноту в рассмотрении вышедшей за последнее время литературы по истории славистики. Напротив, ниже сознательно называется минимум исследований и далеко не все специалисты, занимающиеся данной проблематикой. И это представляется оправданным, поскольку речь идет не о перечислении и оценке отдельных конкретных работ, а о выявлении важнейших тенденций, о попытке охарактеризовать достигнутый научный уровень и определить пути дальнейшего развития данной отрасли славяноведения.

История науки в каждой из ее отраслей имеет большое теоретическое и практическое значение; славяноведение в этом смысле не является исключением. Между тем не составляет большого труда доказать, что история славистики до сих пор разрабатывалась у нас очень слабо и является весьма отстающим участком. При решении почти каждой конкретной славистической проблемы, разумеется, дается более или менее обширный обзор относящейся к ней литературы. Иногда, по случаю юбилея или по иному оперативному поводу, мы обращаемся к анализу творчества отдельных крупных славистов. Один из последних примеров такого рода — только что вышедший в свет сборник статей, сообщений, публикаций в честь Влади-

димира Ивановича Пичеты¹. Впрочем, и такого рода работы немного, а содержащийся в них конкретный материал, как правило, не охватывает историю славистики в целом, а освещает лишь отдельные более или менее частные вопросы.

Если же говорить относительно попыток обобщения истории отечественного славяноведения, то здесь можно фактически назвать только соответствующие разделы в отдельных томах «Истории исторической науки», подготовленные в Институте славяноведения и балканстики краткие обзоры², а также статьи в энциклопедиях: Большой, Исторической и Литературной. Названные работы весьма содержательны и полезны, но каждому из нас ясно, что они представляют собой лишь самые первые шаги в разработке историографического аспекта славяноведения.

Проблемы истории славистики освещались и освещаются в трудах, посвященных развитию исторической науки, языкоznания, литературоведения³. При этом, однако, славянской теме отводится второстепенное место, процесс ее развития анализируется не самостоятельно, а как маловажная деталь развития всеобщей истории, языкоznания или зарубежной литературы. Отдельные крупные ученые, оставившие важный след в различных областях славистики, рассматриваются в этих работах односторонне, либо в качестве историков, либо в качестве лингвистов, литературоведов, фольклористов, этнографов и т. д.

Все это связано не только с недостатками координации, но и с неразработанностью очень важного теоретического вопроса, который имеет первостепенное значение

¹ Феодализм у славян: К столетию со дня рождения академика Владимира Ивановича Пичеты. М.: Наука, 1978.

² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955, с. 495—501; т. II. М., 1960, с. 484—507; т. III. М., 1963, с. 498—513; т. IV. М., 1966; Советское славяноведение: Краткий обзор литературы 1945—1963 гг./Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептулов И. М., Шердаимова С. А. М., 1963; См. также статьи С. Б. Бернштейна, В. И. Злыднева, В. Д. Королюка (Сов. славяновед., 1967, № 5).

³ Кроме уже упоминавшейся «Истории исторической науки» (М.: Наука, 1965), назовем здесь коллективные труды: Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975; Традиции русского языкоznания на Украине. Киев: Наукова думка, 1977. Более подробный обзор литературы по истории филологической части славистики см. в статье С. С. Смирнова настоящего сборника

не только для истории славистики, но и для самого славяноведения. Вопрос этот — определение предмета славяноведения, уяснение круга и характера взаимодействия тех научных дисциплин, которые в него входят. К сожалению, для изучения этого вопроса в теоретическом плане и с точки зрения смены представлений, существовавших в науке, сделано до сих пор слишком мало. Специальных исследований, написанных по этому вопросу в советское время, практически не существует. Необходимость же таких работ едва ли нужно доказывать, особенно очевидной она становится тогда, когда речь идет о комплексной разработке славистической проблематики, а именно на это мы ориентируемся в последние годы.

Говоря об изучении вопросов, связанных с пониманием предмета славистики, необходимо сказать несколько слов о недавно вышедшем из печати сборнике статей «Методологические проблемы истории славистики» (М.: Наука, 1978). Этот сборник издан Институтом славяноведения и балканстики в сотрудничестве с возглавляемой чл.-корреспондентом АН СССР Д. Ф. Марковым Комиссией по истории славистики при Международном комитете славистов. По инициативе комиссии на международной основе готовятся к изданию еще четыре сборника, которые будут посвящены важнейшим этапам истории мировой славистики и должны выйти в Чехословакии (развитие славистики до середины XIX в.), Югославии (вторая половина XIX в.), Болгарии (с конца XIX в. до 1918 г.) и Польше (межвоенный период).

В сборнике, посвященном методологическим аспектам, предмету славяноведческих исследований целиком посвящены статьи Д. Ф. Маркова и чешского ученого Милана Куделки; частично же соответствующие вопросы затрагиваются и другими авторами, особенно австрийским ученым проф. Хаммом. В статьях Д. Ф. Маркова и М. Куделки рассмотрены теоретические аспекты проблемы и факты, говорящие о том, как постепенно менялись у славистов их представления о предмете исследования. Авторы пришли к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что славяноведение является комплексом научных дисциплин, прежде всего истории, языкоznания и литературоведения. Именно — комплексом наук, а не единой наукой, ибо каждая из названных дисциплин имеет свои собственные приемы и методику исследования.

При определении предмета приходится учитывать, что в славянских странах по чисто практическим соображениям не принято включать в славяноведение отечественную проблематику. Безусловно, это изъятие имеет условный характер, но его также нельзя забывать. Что касается истории славистики, то она должна непременно иметь в виду весь названный комплекс дисциплин, учитывая каждую из его составных частей, но обращая особое внимание на то, что объединяет его в единое целое. Представления о предмете славистических исследований не оставались неизменными и потому история славяноведения, изучая конкретный ее этап, должна исходить прежде всего из господствовавших тогда представлений.

В сборнике «Методологические проблемы...» рассматриваются и весьма важные с теоретической точки зрения вопросы периодизации истории славистики (в специальной статье А. С. Мыльникова и в ряде других статей). При этом устанавливаются общие принципы и задачи периодизации, показывается, что развитие славяноведения в славянских странах идет иными путями, чем в странах неславянских, что основные этапы в истории славистики отдельных стран не совпадают с историей мировой славистики. Кроме того, в статье А. С. Мыльникова дается примерная периодизация истории славяноведения в дореволюционной России и в СССР.

Из конкретных вопросов периодизации развития отечественной славистики, по которым еще продолжаются споры, отметим два. Первый касается времени возникновения славистики как науки. В упоминавшейся статье А. С. Мыльникова эта грань относится ко второй половине XVIII в., тогда как все предшествующее накопление знаний и представлений рассматривается как предыстория. Хотя такая точка зрения признается обоснованной большинством специалистов, есть и ее противники. Второй вопрос, по которому нет полного единства мнений, связан с оценкой результатов воздействия марксизма на дореволюционное славяноведение. Необоснованным нам кажется утверждение, будто это воздействие практически было равно нулю⁴. Его можно отнести исключительно к официальной науке. Между тем развитие слависти-

⁴ Лаптева Л. П. Основные линии развития научного славяноведения в России в XIX — начале XX в.— Вестник МГУ. История, 1977, № 2, с. 65—66.

ки, особенно в методологической сфере, ни на этом, ни на предшествующих этапах вовсе не ограничивалось. Чтобы подтвердить сказанное, достаточно сослаться на разработку ряда славистических проблем декабристами и революционными демократами, назвать П. Л. Лаврова и Г. В. Плеханова, указать на первые славистические работы, написанные Г. А. Кулиным, В. В. Воровским и др. Можно назвать также ряд важных ленинских высказываний по проблемам славистики. Конечно, требуется еще значительная работа по сбору и изучению конкретного материала, относящегося к данной области.

Для истории славяноведения, особенно на начальных этапах его развития, существенное значение имела идея славянской солидарности и различные ее политические интерпретации. Написано по этому вопросу немало как до революции, так и в советское время. Но ясности пока нет; нередко высказываются крайние мнения, даются односторонние оценки различных концепций и отдельных деятелей. Положительную роль сыграли в этой области содержательная, хотя и не во всем бесспорная статья И. И. Лещиловской⁵, а также специальный раздел, написанный В. И. Фрейдзоном для коллективного труда «Освободительные движения угнетенных народов Австро-Венгерской империи» (подробнее об этом труде см. статью А. С. Мыльникова в настоящем сборнике). В сборнике «Методологические проблемы...» соответствующему кругу вопросов посвящена статья автора этих строк «Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.)». В ней доказывается, что идея славянской общности (взаимности, солидарности и т. д.) явилась закономерным продуктом исторического развития славянских народов в период формирования их национального самосознания. Особенностью существенным представляется то, что приводимые в статье факты позволяют сделать следующий вывод, важный для истории славистики: понимание и оценка любой политической интерпретации идеи славянской солидарности возможны только при тщательном учете конкретных условий, в которой она складывалась.

⁵ Лещиловская И. И. Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века.— Вопросы истории, 1976, № 12, с. 75—92.

Для истории отечественного славяноведения на советском этапе его развития большое значение имеет изучение первого послереволюционного десятилетия — оно практически еще не начато. Очень слабо исследованы программа и деятельность первого советского специализированного научно-исследовательского учреждения — Института славяноведения, существовавшего в Ленинграде в начале 30-х годов. Между тем по обеим названным темам есть печатные и архивные материалы, ждущие исследователей и содержащие немало материала для разного рода сопоставлений.

Продолжая рассказ о том, что уже сделано, делаются или запланировано на ближайшие годы, назовем недавно вышедший библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России». Он подготовлен Институтом славяноведения и балканстики, авторами его являются свыше 120 исследователей из Москвы, Ленинграда и других городов. Основу издания составляют библиографические статьи о всех крупных специалистах дореволюционного периода, а также об авторах путевых записок, теоретических, публицистических и других работ, затрагивающих славистическую проблематику. Словарь содержит вводную статью с общей характеристикой развития отечественного славяноведения на дореволюционном этапе, а также библиографию общих работ по данной тематике. Словарь в целом подводит определенные итоги сделанному и является исходным рубежом для последующих исследований.

Для современного состояния истории славистики жанр библиографического словаря явно не случаен. Усилиями М. Г. Булахова (Минск) подготовлен, как известно, словарь восточнославянских языковедов⁶. В него включены статьи о многих специалистах, занимавшихся наряду с иной проблематикой и зарубежными славянскими народами. Это издание, охватывающее дореволюционный и советский периоды, является, несомненно, весьма важным вкладом в историю славистики.

Обзор планируемых на ближайшее время работ можно начать с подготовленного харьковскими учеными С. И. Сидельниковым и Г. И. Чернявским второго, зна-

⁶ Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976, т. I (А—К); Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1977, т. II (Л—Я).

чительно дополненного издания справочника «Историки-слависты в СССР»⁷. К сожалению, пока не преодолены до конца затруднения, связанные с его изданием. Во Львовском университете (кафедра южных и западных славян) ведется работа над курсом лекций по славянской историографии. Весьма интересен замысел кафедры южных и западных славян Московского государственного университета, выступившей с планом создания двухтомной истории славистики в этом учебном заведении за дореволюционный и советский периоды. Московские слависты занимали видное место в истории науки. Поэтому можно только приветствовать замысел, осуществление которого, без сомнения, явилось бы серьезным вкладом в изучение отечественного славяноведения.

Из коллективных работ, планируемых на ближайшие годы, укажем еще две из пятилетнего плана Института славяноведения и балканстики. Во-первых, это сборник статей по отечественному и зарубежному славяноведению, охватывающий как дореволюционный, так и советский периоды. Во-вторых, коллективная работа, подготовляемая совместно советскими и польскими учеными: «Историческая наука в ПНР, 1945—1978». В этом последнем труде, объемом около 20 печатных листов, будет сделана попытка всесторонней характеристики польской марксистской исторической науки, включая сведения об исследовательских учреждениях, научных кадрах, периодических и полупериодических изданиях, а главное — об основных результатах изучения отечественной и всеобщей истории.

Последняя из названных тем напоминает нам об одном большом вопросе истории славистики — о недостаточном внимании к развитию славистических исследований в зарубежных странах. Мало изучается ситуация в социалистических странах, еще меньше мы знаем о развитии науки в странах капитализма. Сложностей здесь много, начиная от языкового барьера и кончая затруднениями в получении соответствующей литературы.

Называвшийся польский сборник Институт славяноведения и балканстики собирается дополнить аналогичными изданиями по Венгрии, Болгарии, а возможно и

⁷ Историки-слависты СССР: Библиографический справочник. Харьков, 1969 (ротапр.).

другим странам. Результаты работы по западной литературе предполагается собирать в реферативном сборнике «Славяноведение и балканистика за рубежом», который мог бы давать представление о круге и основном содержании выходящих в капиталистических странах научных работах. В этом смысле он дополнит имеющиеся издания ИНИОН.

Переходя от уже сделанного и утвержденных планов к более дальней перспективе, остановимся сначала на организационной стороне дела. Растущий интерес к истории славистики закреплен в последнее время определенными сдвигами в данной сфере. Научный совет по истории исторической науки усилил внимание к историографии социалистических стран Европы и планирует ряд мероприятий по ее изучению. Последняя Всесоюзная конференция историков-славистов, состоявшаяся в феврале 1978 г. в Донецке, не только впервые в своей истории образовала специальную историографическую секцию, но решила создавать их на будущих конференциях. Наконец, в Московском университете создана межфакультетская комиссия по истории славистики, включающая как филологов, так и историков. Все эти организационные шаги безусловно полезны и обнадеживающи. Перспективными представляются также исследования по историографической тематике, ведущиеся в Ленинградском, Тартуском, Воронежском и Харьковском государственных университетах.

Из замыслов значительного масштаба, более или менее отчетливо вырисовывающихся уже сейчас, назовем два труда, которые фигурируют в наметках перспективного плана Института славяноведения и балканистики.

Во-первых, это биобиблиографический словарь «Славяноведение в СССР», являющийся продолжением аналогичного издания по дореволюционному периоду. Концепция нового словаря пока не разработана. Ясно, однако, что он должен охватывать специалистов по всем дисциплинам, входящим в славяноведение, т. е. включать 1,5—2 тыс. персоналий. По этой и по другим причинам словарь едва ли сможет состоять из столь же подробных справок о каждом из них, как словарь по дореволюционному периоду. Вероятно, новое издание скорее должно походить на недавно вышедший справочник С. Д. Мильбанд «Советские востоковеды», т. е. состоять из макси-

мально кратких справочных данных об ученом плюс выбороочной библиографии.

Второй объект, который безусловно необходимо видеть в дальней перспективе, это обобщающий труд, охватывающий историю отечественной славистики в целом. Общая концепция труда и в данном случае еще требует тщательного продумывания и обсуждения. Следует ли иметь в виду две книги — одну по дореволюционному, другую по советскому периоду или лучше соединить все в едином томе? Какой принцип положить в основу структуры труда — хронологический, проблемный или дисциплинарный (т. е. с выделением истории, языкоznания, литературоведения)? Указанные и много других вопросов потребуют своего решения, хотя необходимость и возможность подготовки обобщающего труда такого масштаба едва ли может подвергаться сомнению.

* * *

Заканчивая, повторим оговорку о том, что сделанный обзор литературы не претендует на исчерпывающую полноту. К сожалению, он не охватывает, например, целого ряда весьма интересных историографических исследований, осуществленных и планируемых в некоторых научных коллективах, в особенности в Институте славяноведения и балканистики и в Московском университете. Думается, однако, что все сказанное дает общее представление о современном состоянии изучения истории славистики в СССР и тем самым обосновывает соответствующий раздел публикуемых ниже рекомендаций Начального совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В УНИВЕРСИТЕТАХ РСФСР И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ

Введение в первые послевоенные годы в учебный план университетов курса истории южных и западных славян способствовало тому, что в вузах постепенно начали складываться кадры историков-славистов. Своеобразными смотрами их научных достижений стали всесоюзные совещания историков-славистов, которые, начиная с 1962 г., периодически проводятся Министерством высшего и среднего специального образования СССР совместно с Академией наук СССР и другими учреждениями. Как можно судить по опубликованным программам этих совещаний, в настоящее время наибольшее число историков-славистов сосредоточено в университетах Украины и Белоруссии. На последней VIII Всесоюзной конференции в Донецке (февраль 1978 г.) университеты УССР были представлены 40, БССР — 14 и РСФСР — 37 докладами¹. Если не принимать во внимание МГУ, где существует специальная кафедра истории южных и западных славян, то оказывается, что на конференции в Донецке лишь 8,4% всех докладов были сделаны преподавателями университетов РСФСР. Это отражает тот факт, что до сих пор славистика занимает весьма скромное место в системе исторического образования. Кроме МГУ, ни в одном университете РСФСР нет кафедры истории южных и западных славян. Историки-слависты работают на кафедрах всеобщей истории или специальных кафедрах новой и новейшей истории, истории средних веков. Лишь в Воронежском университете создана совместная кафедра истории южных и западных славян и истории средних веков. В большинстве университетов РСФСР курсы истории южных и западных славян читаются преподавателями, не ведущими научных исследований по славистике. Об этом свидетельствуют те отчеты о научной работе,

которые университеты РСФСР представляют Головному совету по историческим наукам Минвуза РСФСР при Ленинградском университете.

Тем не менее в настоящее время в ряде университетов РСФСР сложились небольшие коллективы преподавателей, занимающихся научными исследованиями по истории южных и западных славян и смежными темами. Так, в Уральском университете темой исследований кафедры новой и новейшей истории являются международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке в 1939—1945 гг. Слависты Саратовского университета разрабатывают проблемы гуситского движения в Чехии, Воронежского — проблемы социально-экономического и национально-освободительного движения южных славян XIV—XX вв., Ленинградского — различные проблемы истории Польши, Северо-Осетинского и Кубанского — проблемы истории Болгарии.

В некоторых из этих университетов издаются тематические сборники, которые в последние годы превратились в межвузовские издания. Прочное место в советской славистике занял сборник «Вопросы истории славян» Воронежского университета.

Редколлегия заявила о своем намерении наряду с исследованиями конкретно-исторического характера публиковать также работы по теоретическим вопросам историографии и истории славянских стран². К сожалению, объем сборника значительно уменьшился.

Кафедра новой и новейшей истории Уральского университета продолжает начатую с 1968 г. традицию выпуска тематических сборников, посвященных международным отношениям в новейшее время, Балканам и Ближнему Востоку накануне и в начале второй мировой войны (тогда они выходили в рамках «Ученых записок»). В 1977 г. вышел в свет 6-й выпуск серии под названием «Балканы и Ближний Восток в новейшее время».

Слависты Саратовского университета опубликовали еще в 1972 г. «Славянский сборник», в котором наряду с традиционной для этого университета тематикой гуситских войн представлены статьи по другим проблемам славяноведения. В 1978 г. вышел из печати второй выпуск этого сборника.

¹ См.: Программа VIII Всесоюзной научной межвузовской конференции историков-славистов. Донецк, 1978.

² Вопросы истории славян. Воронеж, 1978, вып. 5, с. 4.

В 1975—1976 гг. Кубанским государственным университетом были опубликованы два тематических сборника: «Из истории социалистических и развивающихся стран» и «Из истории балканских стран», где наряду с основной для Кубанского университета темой — социалистические преобразования в Болгарии — нашлось место и для статей по средневековой истории южнославянских народов.

Наконец, работы по истории Болгарии опубликованы в тематических сборниках, издаваемых Северо-Осетинским университетом³.

Можно сказать, что сложилось уже пять основных центров славистических исследований в РСФСР — Воронеж, Свердловск, Саратов, Орджоникидзе и Краснодар, — вокруг которых группируются преподаватели ряда других университетов европейской части РСФСР.

Выпускаемые местными университетами тематические сборники по истории славян и балканской проблематике заслуживают внимания нашей научной общественности и оценки на страницах журнала «Советское славяноведение». Они не только дают возможность преподавателям ряда вузов публиковать свою научную продукцию, но и координировать исследовательскую работу университетов РСФСР в области славяноведения.

Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики мог бы предложить свои рекомендации на этот счет. Во-первых, одобрить инициативу Воронежского, Саратовского и Уральского университетов и рекомендовать им продолжить выпуск тематических межвузовских сборников по истории славянских и балканских стран, определить их периодичность (не менее одного раза в 2—3 года) и объем (не менее 10 печ. листов). Во-вторых, просить ученые советы Северо-Осетинского и Кубанского университетов рассмотреть вопрос о выпуске этими университетами совместных межвузовских тематических сборников по истории Болгарии и других балканских народов, учитывая близость научной тематики, которой занимаются историки-слависты двух университетов. В-третьих, рекомендовать редакционным коллегиям всех сборников расширить состав их авторов и шире

привлекать в их число преподавателей других университетов, а также пединститутов.

Вероятно, следует договориться о закреплении за каждым сборником примерного объема, определенного названия и периодичности с тем, чтобы ежегодно по крайней мере один славистический сборник выходил в свет. Осуществление всех этих рекомендаций позволит усилить координацию научных исследований славистов РСФСР.

В плане координации работы всех историков-славистов СССР целесообразно продолжать традиционные все-союзные совещания, которые позволяют периодически встречаться и обмениваться научной и иной информацией. При этом, однако, следовало бы, на наш взгляд, обратить внимание на то, что за 17 лет, прошедших после первого совещания, были опубликованы материалы лишь одного совещания в Минске в 1968 г.⁴ Было бы желательно изыскать возможность в будущем печатать хотя бы тезисы докладов.

Одной из важных задач координации усилий историков-славистов является координация университетской и академической славистики. Можно назвать имена ряда университетских историков, которые публикуются на страницах академических изданий. Это М. М. Фрейденберг (Калининский университет), Б. С. Попков (Петрозаводский университет), Б. Я. Табачников (Воронежский университет), С. М. Стецкевич и В. Я. Якубский (Ленинградский университет), В. С. Эйсмонт (Башкирский университет) и др.

Наконец, еще один аспект координации. В настоящее время все большее признание получают сравнительно-исторические исследования, дающие возможность широкого обобщения исторического процесса народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Как справедливо отмечалось в нашей научной печати, «сравнительно-исторический путь исследований способствует всестороннему раскрытию сложнейших общественных взаимоотношений народов, он ведет к установлению общих закономерностей исторического и историко-культурного процесса в международных рамках»⁵.

⁴ См.: Советское славяноведение. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1969.

⁵ Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках.— Вопросы истории, 1973, № 10, с. 85.

³ Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974; Вопросы рабочего движения, 1973, № 1; Вопросы новой и новейшей истории. Орджоникидзе, 1976.

Как известно, Институт славяноведения и балканистики уже начал сравнительно-исторические исследования восточноевропейского региона, о чем свидетельствует ряд его новейших изданий. Сравнительно-исторический метод исследования не менее чем в академической науке необходим в практике университетского преподавания. Кроме всего прочего, это дает возможность координировать научную разработку истории славянских и балканских народов в университетах с исследованиями широкого плана, ведущимися Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

П. А. Дмитриев

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И КООРДИНАЦИЯ УЧЕБНОЙ
И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
В ВУЗАХ СССР

Разработка проблем славянской филологии в вузах СССР ведется прежде всего в университетах, в которых имеются специализированные кафедры, готовящие филологов-славистов.

С 1943 г. широкую программу научно-исследовательской работы и работу по созданию учебников и учебных пособий осуществляет кафедра славянской филологии Московского университета. Назовем лишь некоторые, важнейшие работы московских славистов, чтобы напомнить круг основных научных интересов сотрудников кафедры и подчеркнуть важность и актуальность исследуемой ими проблематики. Так, литературоведы-слависты плодотворно работают над исследованием литературного процесса в славянских странах, связи славянских литератур с русской классической и советской литературой. Значительное место в их работах в последние годы занимает изучение закономерностей развития литератур в социалистических странах, общего и особенного в развитии национальных литератур. Это нашло отражение в коллектических сборниках «Октябрьская революция и славянские литературы» (1967), «Роман в современных литературах южных и западных славян» (1973), «Романтизм в славянских литературах» (1973). Значительным событием явились монографии Е. З. Цыбенко о польском социальном романе (1971), Н. И. Кравцова о проблемах сравнительного изучения славянских литератур (1973), Р. Р. Кузнецовой о становлении романа-эпопеи нового типа в чешской прозе (1975), работы З. И. Карцевой по истории болгарской литературы.

Научно-исследовательская работа славистов-языковедов в МГУ также ведется в нескольких направлениях. Сравнительно-историческое изучение славянских языков,

достойно представленное в 40—50-е годы работами А. М. Селищева по западнославянским и старославянскому языкам, получило еще более глубокую разработку в трудах С. Б. Бернштейна. Глубоко исследуется проблематика, связанная с формированием славянских литературных языков. В этой связи следует назвать статью А. Г. Широковой «Из истории формирования литературного чешского языка» (1954), а также подготовленный ею совместно с Г. П. Нещименко монографический очерк «Становление литературного языка чешской нации» (1978). Историю словенского литературного языка исследует О. С. Плотникова. В. П. Гудков занимается изучением формирования лексического фонда сербохорватского языка, роли русского языка и церковнославянского языка московского типа в истории литературного языка у сербов в XVIII — начале XIX в. Одной из центральных проблем в области грамматического строя славянских языков, подвергающейся комплексному изучению, является проблема славянского глагола. Из наиболее известных и важных работ по этой проблематике назовем докторскую диссертацию А. Г. Широковой «Многократные глаголы в чешском языке», ее статьи в ряде советских и зарубежных журналов и сборников, доклад на VII Международном съезде славистов «О функциональной нагрузке кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским)» (1973). О. С. Плотникова в 1975 г. защитила в качестве кандидатской диссертации исследование по глагольному видеообразованию и функционированию видов в словенском языке. Т. С. Тихомирова занимается грамматической проблематикой на материале польского языка: большинство опубликованных ею исследований посвящены адвербиализации падежных форм (в частности, творительного падежа). Сопоставительно-му изучению различных проблем грамматики, лексики, словообразования посвящены публикации и кандидатские диссертации В. Ф. Васильевой, И. М. Горшковой, С. А. Лебедь, Л. И. Новиковой, М. П. Киршовой, Т. И. Константиновой и др. Продолжается традиционное для этой кафедры изучение диалектов зарубежных славянских народов, находящихся на территории СССР (работы Е. В. Тимониной и Н. Е. Ананьевой).

Сотрудниками кафедры подготовлен ряд ценных учебников и учебных пособий: «Учебник болгарского языка»

(1948) и «Болгарско-русский словарь» (1970) С. Б. Бернштейна, «Очерк грамматики чешского языка» (1953) и «Чешский язык» (1961) А. Г. Широковой, «Сербохорватский язык» (1969) В. П. Гудкова, «Учебник чешского языка» (1973) А. Г. Широковой, П. Адамца и других, коллективная монография «Славянские языки» (1977). Подготовлена книга «Польский язык» Т. С. Тихомировой; Т. П. Попова работает над учебником по сербохорватскому языку для отделений русского языка; коллектив вместе с учеными Белградского университета готовит учебник сербохорватского языка для славистов.

Работа в области славянской филологии ведется и на других кафедрах МГУ. Широко известны труды Н. И. Толстого по славянской диалектологии, литературным языкам, фольклору, исследования К. В. Горшковой и Т. А. Хабургаева по праславянскому языку и диалектологии, Р. П. Усиковой по македонскому, В. Н. Зенчук по сербохорватскому языкам и др.

Интенсивно занимаются разработкой научной проблематики в области славянской филологии преподаватели Львовского университета, продолжая традиции, заложенные в 40—50-е годы такими учеными, как И. С. Свенцицкий, М. И. Онышкевич, С. В. Масляк и др. Из наиболее значительных тем, изучаемых на кафедре славянской филологии Львовского государственного университета, следует отметить прежде всего проблематику, связанную с историей лужицкого литературного языка. В этой связи назовем работы К. К. Трофимовича «Роль верхнелужицкого литературного языка в развитии культуры в период национального возрождения» (1975), «Национальное движение лужицких сербов и формирование верхнелужицкого литературного языка в 30—70-е годы XIX ст.» (1975), «Литературий язык как первоэлемент и средство развития культуры лужицких сербов в 30—70-е годы XIX в.» (1977), «Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX в.» (1978), «Верхнелужицко-русский словарь» (1974) и др. В настоящее время К. К. Трофимович завершает важное в научном, культурно-историческом и политическом отношении исследование «Становление и развитие верхнелужицкого литературного языка».

В. П. Андел готовит кандидатскую диссертацию на тему «Словообразование имен существительных с абст-

рактным значением в чешском языке добелогорского периода». Им опубликованы статьи: «О названиях состояния в чешском языке» (1973), «К вопросу о названиях следствия в чешском языке» (1974), «Типы абстрактных названий в чешском языке» (1975), «Абстрактные названия свойства в чешском языке добелогорского периода» (1976), «К формированию семантики абстрактных наименований в чешском языке» (1977) и др. Над кандидатскими диссертациями работают также В. Е. Моисеенко («Чешские лексические элементы в литературном языке хорватов 30—70-х годов XIX в.»), С. А. Парфенова («Становление польской научно-технической терминологии»), И. М. Тепляков («Фразеологические единицы со значением «много — мало» в чешском и русском языках»), Л. С. Гладкая («Тенденции в развитии склонения существительных в современном чешском языке») и др. Ряд статей по славянским литературам опубликован А. И. Грибовской: «Русская поэзия в польских переводах» (1974), «Тема освободительной борьбы болгарского народа в русской литературе второй половины XIX в.» (1975), «Великий Жовтень і слов'янські літератури» (в соавторстве с В. Моторным, 1977) и др. На кафедре подготовлены учебные пособия по истории болгарской литературы IX—XX вв. (А. И. Грибовская, 1973) и по введению в славянскую филологию (В. П. Андел, 1976).

С 1970 г. возобновлен прием на славянское отделение Киевского университета. Начиная с 1972 г. здесь ведется преподавание по четырем циклам: по польской, чешской, болгарской и сербохорватской филологии. Главное внимание в научной работе обращено на взаимодействие и взаимовлияние славянских языков на лексическом уровне. В этом направлении работают Н. С. Зарицкий и его ученики. Исследуются также такие проблемы, как «Лингвистические проблемы перевода чешской ономастики на русский и украинский языки», «Лексико-семантическая группа названий цвета в болгарском языке (сопоставительно с украинским и русским)», «Гласные переднего ряда в современном польском и русском языках» и др. С. И. Левинская изучает польско-украинские литературные связи. Т. П. Лапинская защитила кандидатскую диссертацию на тему «Болгарская революционная поэзия 20—30-х годов».

Сотрудниками кафедры подготовлены учебные пособия по введению в славянскую филологию (Н. С. Зарицкий), по фонетике и орфографии польского и чешского языков (С. И. Левинская, В. В. Волейник и В. К. Житник), по истории польской и чешской литератур (С. И. Левинская, В. К. Житник), по болгарской литературе 20—40-х годов (Т. В. Лапинская).

В Ленинградском университете сотрудники кафедры славянской филологии работают над несколькими темами. На основе комплексного сравнительно-типологического исследования литературного процесса литературоведы приступили к изучению национального и интернационального в литературах социалистических стран. Эта проблематика исследуется в монографии В. Д. Андреева «Проблемы реализма в болгарской литературе XX в.» (1977) и в запланированной им работе «Проблемы развития прозы в литературе славянских социалистических стран (национальный опыт Болгарии)». Значительное место в научных планах по-прежнему занимает традиционная тема взаимосвязей славянских литератур и культур. М. Л. Бершадская занимается изучением словенской литературы 60—90-х годов XIX в.; Н. К. Жакова работает над темой «Проблемы восприятия русской романтической поэзии в чешской литературе»; М. П. Мальков завершает кандидатскую диссертацию «Русская литература и Я. Ивашкевич»; И. М. Порочкина — докторскую диссертацию «Л. Н. Толстой и зарубежные славяне»; Г. И. Сафонов продолжает разработку темы «В. Караджич и русская наука и культура»; В. Б. Оболевич занимается исследованием литературы эпохи польского Возрождения.

Сравнительно-сопоставительное изучение грамматического строя, лексики, фразеологии и стилистики славянских языков привлекает внимание большинства языковедов кафедры. Защищено две докторские диссертации: В. М. Мокиенко «Противоречия фразеологии и ее динамика» (1977); Г. А. Лилич «Роль русского языка в становлении словарного состава чешского национального литературного языка (конец XVIII — начало XIX в.)» (1978). Словосочетания, выражающие пространственные отношения в болгарском языке (сопоставительно с русским), изучает Е. А. Захаревич. Сопоставительному изучению служебных слов в русском и болгарском языках

посвящена кандидатская диссертация, над которой работает Г. В. Крылова. Г. К. Волошина завершает кандидатскую диссертацию на тему «Интонационно-синтаксическая структура поэм Ю. Словацкого». В. С. Золотова работает над докторской диссертацией «Польский литературный язык второй половины XVII в.» (на материале публицистики). С. В. Зайцева готовит публикацию статей по диалектологии сербохорватского языка. М. П. Рускова занимается исследованием лексики Котлинского дамаскина XVII в. На кафедре начато комплексное изучение процессов, отражающих в славянских языках явления, связанные со строительством социализма. Первые опыты изучения этой темы представлены в статье Г. А. Лилич «Взаимодействие чешского и русского языков в эпоху социализма» (1978) и в докладах, обсужденных на юбилейной студенческой сессии, посвященной 60-летию Октябрьской революции. Исследованию этой проблемы посвящена запланированная Р. Х. Тугушевой работа «Лексика словацкого языка эпохи социализма (в сопоставлении с другими славянскими языками)».

Продолжается работа при Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина по созданию объяснительных двуязычных словарей к произведениям славянских писателей. Совместно с кафедрой немецкой филологии подготовлена к печати коллективная монография «Очерки по двуязычной лексикографии».

За последние пять лет изданы: монография «Морфологический строй польского языка» (ч. I, 1975; ч. II, 1976) Я. В. Мацюсович, учебное пособие П. А. Дмитриева и Г. И. Сафонова «Сербохорватский язык» (1975), Е. А. Захаревич и Г. В. Крыловой «Синтаксис болгарского языка. Сложное предложение» (1978), В. М. Мокиенко «Учебное пособие по развитию навыков чешского разговорного языка» (1978), Р. Х. Тугушева совместно с А. Мистроиком (ЧССР) работают над учебником словацкого языка. Завершают работу над пособиями по развитию навыков разговорной речи М. П. Рускова (болгарский язык), Г. К. Волошина (польский язык), С. А. Зайцева и Н. И. Сокаль (сербохорватский язык). Готовится к печати «Очерк грамматики болгарского языка» Ю. С. Маслова. Вс德ется работа по созданию учебных пособий по синтаксису польского (Я. В. Мацюсович) и сербохорватского (О. И. Трофимкина) языков.

Научной работой в области славянской филологии занимаются также ученые, работающие на других кафедрах Ленинградского университета: А. Герд, С. С. Волков, Л. А. Ивашко, В. В. Колесов, Э. И. Коротаева, Н. А. Мещерский и др.

Даже краткий обзор по нескольким кафедрам показывает, что в вузах ведется большая научно-исследовательская работа. Жизнь убедила в том, что дать студентам глубокие знания, воспитать у них любовь к науке, к творческому поиску, обеспечить высокий уровень преподавания может лишь тот преподаватель, который сам интенсивно занимается научной работой. Сейчас, после введения новых учебных планов, славянские языки преподаются во всех университетах. И каждый преподаватель в той или иной степени занимается научной работой. В этой связи остро встает вопрос о координации работы этого большого отряда славистов.

Координацию научной работы преподавателей-славистов должны взять на себя Научный совет АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и его отделения. Формы координации могут быть различными. Было бы целесообразным заблаговременно (до составления планов работы вузов) ознакомление преподавателей с научными планами совета. Преподавателей вузов следует шире привлекать к участию в проводимых советом конференциях, симпозиумах, в разработке общих научных проблем, в изданиях совета и Института славяноведения и балканистики АН СССР. В настоящее время в РСФСР издаются два славистических межвузовских сборника: «Славянская филология» в Ленинграде и «Материалы по русско-славянскому языкоznанию» в Воронеже. Думается, что полезно организовать издание еще нескольких межвузовских сборников по славянской филологии. Журналу «Советское славяноведение» следует чаще печатать сообщения о научной работе славистов вузов.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКОГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

История лингвистических учений всегда привлекала внимание исследователей. Для наглядности приведем количественные данные об опубликованных за годы Советской власти работах, в которых рассматривается история русского и славянского языкоznания. За основу взят библиографический указатель «Славянское языкоznание», охватывающий период 1918—1970 гг. При этом мы опираемся на два раздела указателя: «История и современное состояние славянского языкоznания» и «Personalia».

Годы	Общее количество опубликованных работ	Из них по истории русского и славянского языкоznания	%
1918—1955	7 411	584	8
1956—1960	7 346	351	4,8
1961—1965	10 296	459	4,4
1966—1970	9 807	427	4,35

Как показывают эти данные, история русского и славянского языкоznания наиболее интенсивно разрабатывалась с 1918 по 1955 г. Это объясняется, в частности, тем, что наука о русском языке в послеоктябрьский период явилась в значительной мере дальнейшим развитием тех идей, которые были высказаны в трудах дореволюционных ученых, прежде всего А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, их учеников и последователей. Кроме того, стремление к новому пониманию грамматического строя русского языка (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов) обусловило необходимость выяснения того положительного, что имелось в трудах предшественников. Поскольку новое понимание грамматической системы создавалось с учетом единства значения и формы, то внимание исследователей было обращено прежде всего к научному наследию А. А. Потебни

и А. А. Шахматова, у которых именно эта сторона представлена наиболее сильно. Недаром за указанный период А. А. Шахматову было посвящено 64 работы, А. А. Потебне — 44. Проблема создания теоретического языкоznания на основе марксистско-ленинской философии обусловила большой интерес не только к социологии языка, трудам классиков марксизма-ленинизма, но и к лингвистическому наследию русских революционных демократов.

Наиболее значительными историографическими работами рассматриваемого периода были: посвященные А. А. Шахматову «Известия ОРЯС» (1922, т. 25), книга Е. Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (Л., 1926), монография Т. И. Райнова «Александр Афанасьевич Потебня» (Пг.: Колос, 1924). В 1955 г. книгой «Вячеслав Николаевич Щепкин» (М.: Изд-во МГУ) С. Б. Бернштейна и при его активном участии началось издание серии «Замечательные ученые Московского университета».

Однако нельзя не отметить, что историографические труды этого периода нередко грешат излишне критическим подходом к предшествующей традиции (одна из форм самоутверждения) и односторонними философскими оценками. Особенно это характерно для таких работ В. В. Виноградова, как «Современный русский язык» (М.: Учпедгиз, 1938, вып. 1), «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова и «Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия»¹.

В 1956—1960 гг. количество историографических работ резко уменьшилось. Дело в том, что академическая «Грамматика русского языка» утвердила теоретические принципы акад. В. В. Виноградова, а внедрение структурных методов в советское языкоznание только начиналось. Даже изданный в 1953 г. проспект «Очерки по истории языкоznания в СССР» никак не стимулировал исследовательскую работу в этой области. Правда, за эти годы вышло несколько трудов обобщающего характера. Больше всего работ было опубликовано о А. А. Потебне (37), И. А. Бодуэне де Куртенэ (13), А. А. Шахматове (10).

¹ В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950.

В 60-е годы число опубликованных историографических работ остается в основном на прежнем уровне. Но их основная масса, особенно в первое пятилетие, представляет собой юбилейные статьи, некрологи, а также статьи на тему «из истории вопроса». Первые из них имеют историографическое значение в том смысле, что фиксируют основные этапы деятельности того или иного ученого и дают ее предварительную оценку. Но такие работы носят эпизодический характер и обычно не являются результатом серьезного исследования. О случайности подобных статей говорят такие факты: в 1961—1965 гг. о М. В. Ломоносове было опубликовано 46 работ, в 1966—1970 гг.—только 1, соответственно о А. А. Потебне—24 и 3, о В. В. Виноградове—16 и 17. Более исследовательский характер имеют статьи типа «из истории вопроса», но и их историографическое значение весьма относительно. Рассматривая историю разработки той или иной проблемы (например, видов синтаксической связи, отдельных типов предложения и т. п.), авторы обычно отрывают ее от системы взглядов ученого и общей эволюции лингвистической мысли².

Некоторое оживление в лингвистической историографии отмечается во второй половине 60-х годов. В связи с празднованием 50-летия Октября вышли сборники «Советское языкоzнание за 50 лет» (М.: Наука, 1967), «Теоретические проблемы советского языкоzнания» (М.: Наука, 1968), «Мовознавство на Україні за п'ятдесят років» (Киев: Наукова думка, 1967) и многочисленные статьи, в которых характеризовались основные этапы развития советского языкоzнания, в том числе в изучении русского и других славянских языков. В 1968 г. появилась монография Ф. М. Березина, который первым наиболее полно осветил лингвистические взгляды представителей казанской и московской школ на фоне европейского младограмматизма³.

Новый этап в разработке истории русского и славянского языкоzнания начинается с 70-х годов. Он характеризуется следующими особенностями.

² Чемоданов Н. С. Сравнительное языкоzнание в России. М.: Учпедгиз, 1956; Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М.: Наука, 1958; Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1958.

³ Березин Ф. М. Очерки по истории языкоzнания в России (конец XIX—начало XX в.). М.: Наука, 1968.

1. Интерес к истории русского и славянского языкоzнания распространяется вширь и вглубь. Если раньше этими проблемами занимались немногие ученые, то сейчас ряды историографов лингвистической науки быстро растут. Никогда не выходило так много книг и статей по истории языкоzнания, как в эти годы. Достаточно сказать, что только за 1975—1977 гг. было выпущено больше 10 монографий, сборников и учебных пособий, посвященных лингвистической историографии. Многие журналы, особенно «Русская речь», «Русский язык в школе», отчасти «Вопросы языкоzнания» и «Русский язык за рубежом», публикуют статьи о русских и славянских языковедах.

2. Работы по истории языкоzнания приобретают все более исследовательский характер. Прежде всего это проявляется в значительном расширении фактического материала и стремлении к обобщениям, к установлению основных этапов развития лингвистической мысли и определению их места в общей эволюции науки о языке.

Открывается новый этап выходом в свет сборника «Русское языкоzнание в Петербургском-Ленинградском университете» (Изд-во ЛГУ, 1971) под редакцией проф. Н. А. Мещерского. Но особенно большую роль в создании истории русского языкоzнания сыграли капитальные труды Ф. М. Березина «Хрестоматия по истории русского языкоzнания» (М.: Высшая школа, 1973), «История лингвистических учений» (М.: Высшая школа, 1975), «Русское языкоzнание конца XIX—начала XX в.» (М.: Наука, 1976). В них впервые основательно рассмотрены общетеоретические взгляды русских языковедов и дана им философская оценка, введен новый фактический материал, в том числе архивный, намечена периодизация истории лингвистической мысли в России. Значительным событием в науке явился выход библиографического словаря М. Г. Булахова⁴, в котором дана оценка научной деятельности русских, украинских и белорусских языковедов дореволюционной России и СССР. Этот словарь наглядно отразил все, что сделано и предстоит сделать по истории русского и славянского языкоzнания. Из других работ необходимо также упомянуть монографию «Тради-

⁴ Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976—1978, т. 1—3.

ции русского языкоznания на Украине» (Киев: Наукова думка, 1977).

В целом можно сказать, что к настоящему времени история русского и славянского языкоznания в России более или менее изучена в своих главных чертах и главных представителях. Но эта изученность носит весьма неравномерный характер. Ряду языковедов посвящено уже значительное количество исследований. Например, с 1918 по 1970 г. о М. В. Ломоносове написано 76 работ, о А. А. Потебне — 108, о А. А. Шахматове — 98. Научная деятельность многих языковедов, однако, оказывается совершенно не изученной (А. С. Будилович, С. К. Булич, А. Л. Дювернуа, К. Ф. Калайдович, Н. М. Каринский, П. И. Кеппен, А. А. Котляревский, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин, Г. К. Ульянов, Т. Д. Флоринский и др.). Остается неиспользованным значительный фактический материал, особенно журналный и архивный.

Неудовлетворительно обстоят дела с освещением истории зарубежного славянского языкоznания. Пока имеются работы лишь о некоторых, наиболее известных славистах (А. Бернолак, И. Добривский, В. Караджич, П. Шафарик, И. Юнгман, Ф. Миклошич). Среди небольшого числа исследований монография П. А. Дмитриева и Г. И. Сафонова «Из истории русско-югославянских литературных и научных связей» (Изд-во ЛГУ, 1975) остается до сих пор чуть ли не единственной. Слабая изученность истории славяноведения отражается и на обобщающих работах. Например, в указателе имен в «Очерках по истории лингвистики» Т. А. Амировой, Б. А. Ольховикова и Ю. В. Рождественского (М.: Наука, 1975) отмечено 433 ученых, из них славянских всего 16.

Одной из насущных задач современной науки о языке является создание истории славянского языкоznания. Для этого необходимо прежде всего разработать принципы и метод исследования. Такими принципами могли бы быть следующие.

1. Языкоznание как наука имеет свои собственные («внутренние») закономерности развития. Внутренняя логика развития самой науки позволяет ставить и решать проблемы в определенной последовательности.

2. В то же время языкоznание не существует изолированно, а входит как составная часть в систему наук. Это означает, что оно использует и данные других, смежных

наук для объяснения ряда языковых фактов и само является частью духовной культуры человечества.

3. История языкоznания есть наука о закономерностях возникновения и развития различных школ и направлений, зарождение которых обычно связано с появлением и дальнейшим развитием (усовершенствованием) того или иного метода исследования. Однако новое направление или школа в науке о языке никогда полностью не исключает и не отменяет прежнего языкоznания, а только открывает в языке какую-то новую сторону, дополняющую существующие представления. С этой точки зрения абсолютизация любой лингвистической системы не имеет под собой никаких исторических оснований.

4. При изучении истории лингвистических учений надо исходить из того, что, во-первых, анализ наследия наших предшественников должен проводиться в свете достижений современности, сегодняшнего дня науки, и, во-вторых, прошлые этапы развития языкоznания следует рассматривать в контексте соответствующей историко-культурной эпохи. При этом необходимо помнить следующее высказывание В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»⁵.

5. Лингвистические концепции, как правило, опираются на ту или иную философскую систему, отражают в той или иной мере мировоззрение автора. Поэтому, анализируя взгляды ученых прошлого, необходимо в соответствующих случаях давать и их философскую оценку на основе марксистско-ленинской теории и методологии.

6. Основой истории языкоznания, несомненно, является содержание идей, представленных в науке о языке. Эти идеи, с одной стороны, отражают общее состояние лингвистики в тот или иной период, а с другой — являются продолжением и развитием национальных научных традиций. Однако при изучении истории лингвистических учений немалое значение имеет и глубокое понимание личности отдельных языковедов. Как бы ни стремился ученый к полной объективности, в его научных исследованиях всегда присутствует его индивидуальность. Индивидуальность ученого сказывается и в выборе тематики,

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

и в том, как эта тематика освещается. В то же время каждый ученый выступает как представитель духовной культуры своего народа в определенный этап ее развития.

История языкоznания как самостоятельная область исследований имеет и свой метод, который условно можно назвать историографическим. Сложность и многоликость языка как общественного явления, различные пути и методы его изучения требуют многопланового подхода и к разработке истории языкоznания вообще, славянского и русского в частности. Поэтому, опираясь на имеющиеся работы, в историографическом методе можно выделить три аспекта.

Страноведческий. Он дает возможность выяснить закономерности развития языкоznания внутри одной страны и поставляет материал для более широких обобщений. Это важный и необходимый этап описания, ибо без знания истории науки в отдельных странах невозможно сделать обобщения межнационального характера.

Исторический. Рассмотрение всех проблем в их становлении и развитии, учет исторически сложившихся научных связей (ср. переплетение славянской филологии в России и Чехии, сравнительно-исторического языкоznания в России и Германии), обобщение достижений ряда стран и народов способствует установлению уже более общих закономерностей истории лингвистической мысли.

Комплексный. Задача целостного изучения любого периода в истории языкоznания сама по себе приводит к комплексности научного анализа. Например, содержание русского и славянского языкоznания в России в первой половине XIX в. обусловливается не только внутренней логикой развития самой науки о языке и предшествующей лингвистической традицией, но и социально-культурными потребностями общества, общим состоянием науки, взаимосвязями с научными традициями других стран и народов и т. д. Этим определяется необходимость проведения комплексных исследований как в пределах одной науки, так и на базе интеграции разных наук.

Таким образом, история языкоznания есть прежде всего единство истории и языкоznания, т. е. она должна представлять собой изложение развития лингвистической мысли в конкретных исторических условиях и формах ее существования. Пока они в значительной мере существует-

ют в разобщенном виде: история языкоznания преимущественно сводится к изложению мнения ученых по тем или иным вопросам. Но без истории как таковой освещение лингвистических учений теряет свою внутреннюю связь, превращается в набор поставленных друг возле друга систем и концепций.

При таком понимании история языкоznания должна включать в себя не только систематизацию теорий, историю лингвистических проблем и их решений, но и социальные условия становления и развития науки о языке, историю личностей ученых, историю и библиографию их работ, педагогическую деятельность. Такой подход позволяет правильнее определить место и значение каждой эпохи, народа, направления, школы и отдельного ученого в развитии лингвистической мысли. Языкоzнание перестает осознаваться кабинетной, оторванной от жизни наукой, а становится составной частью всего историко-культурного процесса.

История языкоzнания может быть частной и общей. Частная рассматривает историю изучения отдельного языка или группы родственных языков (например, это может быть история русского языкоzнания, славянского и индоевропейского). Общая история языкоzнания должна изучать уже историю общелингвистических проблем и их решений, а также общие тенденции и закономерности развития науки о языке.

Отсюда следует ряд выводов.

1. При таком разграничении общей и частной истории языкоzнания состав ученых и выбор концепций, характеризуемых в каждой из них, окажется различным. Например, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ войдут в историю общего, индоевропейского, славянского и русского языкоzнания; Н. И. Греч и В. И. Даля — только в историю русского языкоzнания. Другими словами, если в национальную историю языкоzнания войдут все языковеды данного народа, то частную историю языкоzнания будет представлять меньшее число языковедов, и круг их будет тем уже, чем уже сам предмет этой частной истории языкоzнания.

2. Исходным пунктом анализа должна быть личность ученого с его мировоззрением, трудами, концепцией. Но вместе с тем, знакомя со взглядами какого-либо языковеда, важно соотнести их с содержанием и решением

лингвистических проблем у предшественников и современников. Без этого нельзя определить его вклад в развитие науки.

3. Подробное освещение деятельности отдельных лингвистов (не ограничиваясь лишь ведущими представителями) создает фундамент для истории национального языкоznания, которая имеет уже больше возможностей отразить своеобразие становления и развития лингвистической науки у данного народа, показать ее связь с научными традициями других народов, охарактеризовать содержание языковедческой проблематики разных эпох и ее решение.

4. Сравнение русских лингвистических традиций со славянскими и индоевропейскими, а также с историей изучения других языковых семей создает возможность для выяснения всеобщих тенденций и закономерностей развития науки о языке в целом.

Одной из актуальных задач историографии является уточнение понятийного аппарата, в том числе понятия «научная школа». Некоторые ученые считают, что представители одной школы должны во всем придерживаться единых взглядов, пользоваться общими методами и принципами. С. Б. Бернштейн, возражая против такого понимания школы, писал: «О школе мы можем говорить в том случае, если группу ученых объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфическим сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии»⁶. Такой подход нам представляется более гибким и перспективным.

Важной задачей лингвистической историографии является также расширение объекта и материала исследования. Необходимо в первую очередь заняться изучением тех славистов, научная деятельность которых еще специально не исследовалась. Что касается исторических источников, то особенно полезно было бы начать с систематического просмотра всех журналов и сборников XIX—XX вв., а также многочисленных архивов в СССР и за рубежом.

⁶ Бернштейн С. Б. К вопросу о научных школах и направлениях в языкоznании.— В кн.: Общее и романское языкоznание. М.: Изд-во МГУ, 1972, с. 142.

Г. Л. Ариш

СЕРИЙНОЕ ИЗДАНИЕ «БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

После второй мировой войны в СССР и в других странах отмечается быстрое развитие балканстики — комплексной гуманитарной дисциплины, изучающей историю и культуру балканских народов. Развитие любой науки неизбежно приводит к появлению научной периодики соответствующего профиля. Балканстика не является исключением в этом отношении. Первые периодические издания по балканстике возникли уже в начале нашего века. В настоящее время специальные балканстические журналы и другие периодические издания выходят во всех балканских странах (кроме Албании)¹. Периодические и продолжающиеся издания по балканстическим проблемам появились и в целом ряде других стран.

В СССР с конца 60-х годов также начали выходить продолжающиеся издания по балканстике различного профиля. С 1968 по 1974 г. Академия наук МССР выпускала сборники, посвященные истории балканских народов². С 1968 г. Уральский государственный университет систематически издает сборники, в которых рассматриваются проблемы новейшей истории Балкан и Ближнего Востока³. Все эти издания, несомненно, играли и играют важную роль в развитии балканстики в СССР. Однако они затрагивают только исторические проблемы и не отражают в полной мере комплексный характер этой науки.

¹ Balkan studies. Thessaloniki, 1960; Revue des Etudes sud-est europeennes, Bucaresl, 1963; Etudes balkaniques. Sofia, 1964. Balcanica. Beograd, 1971; Güney Dogu Avrupa arastirmalar dergisi. Istanbul, 1972.

² Балканский исторический сборник. Кишинев; Штиинца, 1968—1974, вып. 1—4.

³ Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны.— Ученые записки/Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1968, № 74. Сер. историческая, вып. 5. Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973—1975, вып. 2—4; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941). Свердловск, 1976; Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1943). Свердловск, 1977.

Основным научно-исследовательским и координационным центром по балканистике в СССР является Институт славяноведения и балканстики АН СССР. Наряду с выпуском монографий, тематических сборников, охватывающих определенные исторические⁴, историко-культурные⁵, литературоведческие⁶ и лингвистические⁷ проблемы балканского региона, институт с 1974 г. публикует серийное издание «Балканские исследования». Оно выпускается в виде проблемных сборников. К настоящему времени вышли четыре выпуска. Первый выпуск посвящен истории международных отношений на Балканах в новое и новейшее время. Второй состоит из сообщений, подготовленных советскими участниками состоявшегося в 1974 г. в Бухаресте III Международного конгресса по изучению Юго-Восточной Европы, и охватывает широкий круг исторических и историко-культурных проблем балканского региона. Третий выпуск главным образом посвящен проблемам освободительной борьбы на Балканах от средних веков до новейшего времени. Четвертый целиком посвящен значению русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для освобождения балканских стран от османского ига в связи со столетием этого знаменательного события⁸.

Вышедшие тома «Балканских исследований» являются первым в советской литературе опытом балкановедческих исследований комплексного профиля. В выпуске 2

⁴ См.: Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. М.: Наука, 1972; Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1974; Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; и др.

⁵ См.: Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1971; Культура и общество в эпоху становления наций: Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII—70-х годах XIX в. М.: Наука, 1974; Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1976; и др.

⁶ См.: Литература славянских и балканских народов конца XIX—начала XX в.: Реализм и другие течения. М.: Наука, 1976.

⁷ Балканское языкознание. М.: Наука, 1973; Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1975—1977; Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977, и др.

⁸ Балканские исследования: Международные отношения на Балканах. М.: Наука, 1974 [вып. 1]; Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976 [вып. 2]; Балканские исследования: Освободительные движения на Балканах. М.: Наука, 1978, вып. 3; Балканские исследования: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М.: Наука, 1978, вып. 4.

рассматривается такая важнейшая проблема балканстики, как преемственность этнического и культурного развития балканских народов с древнейших времен и до наших дней. Проблема эта ставится на базе этнографического, исторического, лингвистического материала. Можно указать, например, сообщение В. С. Зеленчука и Ю. В. Поповича «Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — начало XX в.)», где путем ретроспективного анализа народных обрядов обнаруживаются древние культурные связи восточнороманских народов и болгар с фракийскими племенами. В других сообщениях этого выпуска прослеживаются некоторые общие черты в развитии общественной мысли, литературы, устного народного творчества балканских народов. В сообщении Д. Ф. Поплыко «О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму» в сравнительном плане дается анализ социальной программы Н. Бэлческу, В. Пелагича, Хр. Ботева и других выдающихся балканских политических деятелей и революционеров. Е. И. Демина посвятила свое сообщение типологической характеристике раннего этапа формирования балканских литературных языков (вторая половина XVI—начало XVIII в.)⁹. В сообщении И. М. Шептунова «Жанры хайдукского фольклора» дается жанровая классификация песен хайдуков, ускоков, качаков, клефтов — народных борцов за свободу на Балканах в период османского господства. Некоторые сходные черты болгарского, румынского и сербского изобразительного искусства эпохи борьбы народов этих стран за национальное освобождение раскрываются в сообщении Е. П. Львовой. В ряде статей показана взаимопомощь и взаимодействие балканских народов в процессе национального освобождения. Так, в статье Е. Ю. Гуськовой «Достижение Сербией автономии и национально-освободительное движение на Балканах» выдвигается тезис о том, что Сербия, одна из первых стран на Балканах добившаяся автономии, стала примером и в определенной степени опорой для

⁹ Недавно Институт славяноведения и балканстики АН СССР издал специальный сборник по этой проблеме. См.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978.

других балканских стран в их национально-освободительной борьбе.

Комплексность балканстики предусматривает включение в сферу научного исследования всех без исключения балканских стран. Известно, что в дореволюционной русской науке, а до недавнего прошлого и в советской науке наибольшее внимание уделялось славянским балканским странам, что было связано с научными традициями развития славяноведения в нашей стране. В последние десятилетия расширились исследования по истории и культуре Греции, Албании, Румынии, по истории Османской империи¹⁰. Эта тенденция нашла свое отражение и в «Балканских исследованиях». В содержательных статьях П. В. Советова и Д. М. Драгнева рассматривается экономическое развитие Дунайских княжеств на протяжении XV—XVIII вв. [вып. 2]¹¹. В том же томе опубликована статья А. Д. Новичева «Ташзимат и балканские народы (1839—1853)». Здесь показано, что реформы, проводившиеся в середине XIX в. в Османской империи, несмотря на всю их ограниченность и половинчатость, имели определенное положительное значение для порабощенного населения Балкан.

Новейшей истории Албании посвящена статья Н. Д. Смирновой «Албанский вопрос в итальянской внешней политике 1932—1934 гг.» [вып. 2]. В статье этого автора, опубликованной в 3-м выпуске, рассматривается важный и малоизученный эпизод антиимпериалистического, демократического движения в Албании — восстание 1934 г. в Фиери. Творчество выдающегося греческого писателя конца XIX — начала XX в. К. Кавафиса, оказывающее большое влияние на развитие современной греческой литературы, стало темой исследования С. Б. Ильинской [вып. 2]. Публиковались также неизвест-

¹⁰ В результате была подготовлена почва для создания обобщающих трудов по истории всех балканских стран (кроме Греции). См.: История Болгарии. М.: Наука, 1954—1955; т. I—II; История Югославии. М.: Наука, 1963, т. I—II; Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М.: Наука, 1965; История Румынии, 1848—1917. М.: Наука, 1971; Новичев А. Д. История Турции. Л.: Наука, 1963—1978, т. I—IV.

¹¹ См. также монографии указанных авторов: Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972; Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII—начало XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1975.

ные документы о греческой национально-освободительной организации «Филики Этерия», обнаруженные в советских архивах [вып. I]¹².

Исторические и историко-культурные процессы на Балканах рассматриваются в сборниках не изолированно, а в связи с аналогичными процессами, происходившими в других регионах. При этом авторы широко пользуются методом сравнительно-исторического исследования. Ю. В. Иванова в сообщении «Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа» [вып. 2], взяв для сравнительного изучения отдаленные друг от друга регионы, доказывает универсальный характер важного общественного института эпохи разложения родового строя. В сообщении М. Х. Сванидзе «Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцихского (Чилдырского) лашалыка» отмечаются сходные черты интеграции части феодального класса доосманского периода в османскую военно-ленную систему на Балканах и в грузинских землях [вып. 2].

Значительное внимание в сборниках уделено взаимодействию между балканским и восточноевропейским регионами. Так, сообщения С. Б. Бернштейна, Г. И. Клепиковской, Н. А. Демченко [вып. 2] показывают связь между балканской и карпатскими зонами на различных материалах: в лингвогеографическом аспекте, на примерах конкретных исследований скотоводческого и земледельческого хозяйства. Подобные связи, относящиеся к области искусства, рассматриваются в сообщении А. И. Рогова «Русско-византийские фрески в Польше и культурные связи восточных славян с балканскими странами». Внимание исследователя привлекли так называемые русские фрески XV в., сохранившиеся в некоторых древних польских костелах. Их создание рассматривается как результат интенсивного культурного общения между Польшей, Русью, Украиной, Белоруссией и Балканами.

Изучение исторических связей между нашей страной и Балканами относится к числу важнейших проблем

¹² История деятельности «Филики Этерии» в России и другие аспекты истории греческого национально-освободительного движения подробно рассматриваются в работах: Ариш Г. Л. Этеристическое движение в России. М.: Наука, 1970; Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. М.: Наука, 1976.

советской балканистики. В сборниках представлен широкий спектр политических и культурных связей от эпохи Византии и до начала XX в. Значительный интерес в этом плане представляет сообщение Б. Н. Флори «Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XVI — начало XVII в.)» (вып. 3). В литературе традиционно существует представление о том, что иноземные отряды русской армии состояли исключительно из «немцев» (т. е. выходцев из Западной Европы). Сообщение Б. Н. Флори вносит корректиды в это представление, так как доказывает существование в начале XVII в. в русской армии отдельных отрядов из сербов и греков.

Содержательный и объективный анализ политики царской России на Балканах в конце XVIII — начале XIX в. дан в статье И. С. Достяна «Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г.» [вып. 1]. Здесь прослеживается эволюция целей и методов русской политики на Балканах на протяжении более чем полустолетия, показан рост национально-освободительного движения балканских народов, с которым царское правительство, несмотря на свою враждебность революционным идеям, было вынуждено в определенной степени считаться¹³. В том же выпуске опубликована статья А. М. Станиславской «Россия и конституция 1803 г. Республики Семи Соединенных островов», в которой речь идет о роли России в формировании политической системы Ионической республики — первого автономного греческого государства нового времен¹⁴. В сообщении Н. И. Хитровой «Россия и черногорско-герцеговинские события 50-х — начала 60-х годов XIX в.» [вып. 2] основное внимание удалено периоду после Крымской войны, когда в политике царского правительства на-

чали проявляться славянофильские тенденции¹⁵. Русско-румынским отношениям эпохи империализма посвящены сообщения В. Н. Виноградова и Б. Б. Кросса [вып. 2].

Среди некоторых зарубежных балканистов имеется тенденция «заканчивать» историю Балкан началом XX в. Советская балканистика уделяет серьезное внимание и новейшей эпохе балканской истории. Об этом свидетельствует целый ряд материалов «Балканских исследований», посвященных международным отношениям в эпоху империализма, а также коммунистическому и демократическому движению на Балканах в межвоенный период. Так, в сообщении Е. И. Сливаковского «Из истории распространения ленинизма коммунистическими партиями балканских стран в период между двумя мировыми войнами» [вып. 2] говорится об изучении и пропаганде опыта большевистской партии коммунистическими партиями Болгарии, Греции, Румынии и Югославии в межвоенный период. Автор отмечает, что изучение этого опыта помогло компартиям балканских стран при выработке на различных этапах своих конкретных программных, стратегических и тактических решений, в выборе форм и методов борьбы¹⁶.

Большое место уделено в сборниках героической борьбе балканских народов против фашистской агрессии, роли Советского Союза в освобождении Юго-Восточной Европы. Вопрос этот рассматривается в различных аспектах. В сообщениях В. В. Зеленина «Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Юго-Восточной Европы», Л. Б. Валева и Г. М. Славина «Отклики Сталинградской битвы на Балканах» [вып. 2] говорится об огромном воздействии, которое оказывала на патриотические силы балканских стран героическая борьба Красной Армии, всего советского народа против гитлеровской Германии¹⁷.

¹³ В широком плане русско-балканские политические связи первой трети XIX в. рассмотрены в монографии этого же автора. См.: Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972. О русско-балканских революционных связях второй половины XIX в. см.: Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973.

¹⁴ После публикации статьи вышла в свет фундаментальная монография: Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX века: Политика России в Ионической республике. 1798—1807 гг. М.: Наука, 1976. Русско-греческим политическим связям второй половины XIX в. посвящена монография: Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М.: Наука, 1970.

¹⁵ См. также: Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения. 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1978.

¹⁶ См.: также коллективный труд: В. И. Лепин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

¹⁷ О движении Сопротивления в балканских странах и боевых действиях советских войск на территории этих стран в 1944—1945 гг. см. также: Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашиз-

В статьях Л. Я. Гибианского, посвященных обсуждению проблем Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях и дипломатическим аспектам национально-освободительной борьбы в Югославии [вып. 1—2], показано, что твердая и последовательная позиция Советского Союза помогла сохранить и упрочить результаты глубоких социально-экономических преобразований, произошедших в большинстве балканских стран в годы второй мировой войны. Читатель найдет в сборниках материалы и о современной культурной жизни и быте балканских народов.

В этом кратком обзоре не было возможности назвать все статьи и сообщения, опубликованные в «Балканских исследованиях». В его задачи входило лишь выделить некоторые основные проблемы советской балканистики, нашедшие отражение на страницах этого издания. Четвертый выпуск посвящен крупной и важной проблеме — подъему национально-освободительного движения на Балканах в 70-е годы XIX в., и о нем следует сказать особо.

Известно, что специалисты находят целый ряд общих черт в языке, фольклоре, литературе, архитектуре балканских народов. Эти «балканцы» являются результатом длительного и тесного взаимодействия населяющих Балканы народов в экономической и культурной областях, их совместной борьбы за национальное и социальное освобождение. Одним из важнейших этапов этой совместной борьбы и были 70-е годы XIX в.

В четвертом выпуске «Балканских исследований» дается более или менее целостная, в масштабе всего региона, картина мощных национально-освободительных выступлений на Балканах в 1875—1881 гг., рассматривается значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для всех без исключения балканских стран. Показано глубокое воздействие национально-освободительных выступлений и войны 1877—1878 гг. не только на политическую жизнь, но и на искусство и фольклор балканских народов¹⁸. Ма-

ма. М.: Наука, 1964; *Лебедев Н. И. Падение диктатуры Антонеску*. М., 1966; *Кирьякис Г. Д. Греция во второй мировой войне*. М., 1967; *Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы*. М., 1967; и др.

¹⁸ Проблема «Национальное освобождение Балкан и русско-турецкая война 1877—1878 гг.» всегда вызывала интерес в отечественной историографии. Столетие этих событий было отмечено выходом в

териалы этого выпуска дополняются опубликованными в предыдущем выпуске статьями и документами, посвященными 100-летию освободительных восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии.

В настоящее время готовится к печати пятый выпуск «Балканских исследований». Он также будет иметь комплексный профиль. В нем будут подведены итоги изучения за последние десятилетия балканских стран советскими историками, историками культуры, лингвистами, этнографами, литературоведами, а также опубликованы материалы, относящиеся к предыстории отечественной балканистики.

Вышедшие в свет выпуски «Балканских исследований» получили положительную оценку в советской и зарубежной печати¹⁹. В рецензии, опубликованной журналом «Новая и новейшая история» (1978, № 1, с. 173—177), отмечается, что они являются единственным периодическим изданием по балканистике в СССР. Здесь также высказывается пожелание о более широком участии в «Балканских исследованиях» специалистов, работающих в университетах и пединститутах, и превращении этого издания в ежегодник. Предложения эти, несомненно, заслуживают внимания.

свет новых значительных работ. См.: Русско-турецкая война 1877—1878 годов. Таллин, 1977; 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. М., 1978; и др.

¹⁹ См. рецензии: М. Тодоровой в «Etudes balkaniques» 1976, N 4, p. 132—134; К. Джамбазовского в ежегоднике «Balcanica», Beograd, 1976, t. VII, s. 398—399; K. X. Ceskoslovenský časopis filosofický Praha, 1977, N 6, s. 920—921.

VII. ДОКУМЕНТЫ ЗВЕНИГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

*

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЛАВЯНОВЕДЧЕСКИХ И БАЛКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ»

14—16 марта 1978 г. в г. Звенигороде Московской области состоялась научная конференция «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации», организованная Научным советом АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. В конференции приняли участие 33 научно-исследовательских учреждения Академии наук СССР и академий наук союзных республик, высших учебных заведений, учреждений, различных ведомств: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт археологии АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и его Ленинградское отделение, Институт истории СССР АН СССР, Отделение истории АН СССР, Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Научный совет «Теория советского языкоznания», Институт истории АН УССР и его Черновицкое отделение, Институт археологии АН УССР, Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР, Институт общественных наук АН УССР, Институт истории АН БССР, Институт литературы им. Я. Купалы АН БССР, Институт языко-

знания им. Я. Коласа АН БССР, Институт истории АН МССР, Отдел этнографии и искусствоведения АН МССР, Научный совет АН МССР по проблеме «Славяно-воловские связи и происхождение молдавского народа», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Львовский государственный университет им. И. Франко, Ужгородский государственный университет, Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола, Калининский государственный университет, Тартуский государственный университет, Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, ВНИИ искусствознания Министерства культуры СССР, журнал «Общественные науки и современность».

В работе конференции участвовали представители различных общественных наук: историки, археологи, этнографы, историки культуры, лингвисты, литературovedы, искусствоведы и др. Участники прибыли на конференцию из 11 городов Советского Союза (Москва, Ленинград, Киев, Львов, Ужгород, Черновцы, Минск, Кишинев, Тарту, Калинин, Воронеж).

Конференция была организована с целью дальнейшего развития и активизации в масштабах страны научного сотрудничества советских славистов и балканистов. Участники конференции собрались для того, чтобы подвести итоги разработки актуальных проблем славяноведения и балканистики, определить перспективы их дальнейшего изучения на ближайшие годы, наметить конкретные формы координации научно-исследовательской работы в этих областях. Главное внимание конференция сосредоточила на сравнительно-исторических и комплексных (междисциплинарных) проблемах славяноведения и балканистики. На конференции рассматривались также проблемы социалистического этапа развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе проблематика социалистического строительства, становления и развития социалистического содружества, комплексные проблемы социалистической культуры.

Участники конференции констатируют, что за период, прошедший после Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961 г.), советские ученые добились немалых успехов

в разработке наиболее важных вопросов истории, истории культуры и истории литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Опубликован ряд ценных исследований, освещающих социально-политическое и культурное развитие народов указанного региона, подготовлены крупные работы в области изучения литературы и языков южных и западных славян. Развивается и крепнет творческое сотрудничество советских ученых с учеными стран социалистического содружества.

Ведущим научным центром в СССР по изучению проблем истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы является Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Центральное место в его деятельности занимают сравнительно-исторические и комплексные исследования, сочетающиеся с исследованиями страноведческими. Актуальная в научно-политическом отношении исследовательская работа в области славяноведения и балканистики ведется и в других институтах союзной и республиканских академий, а также в высших учебных заведениях и неакадемических научных учреждениях страны. Деятельность этих центров призвана координировать созданный в 1975 г. Научный совет АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. Положительную роль в деле координации играют периодически созываемые всесоюзные межвузовские конференции историков-славистов. Важное место в налаживании делового сотрудничества ученых различных научных центров страны занимают совместно планируемые и подготавливаемые труды, посвященные актуальным проблемам славяноведения и балканистики, а также материалы, публикуемые в журнале «Советское славяноведение» и в серии «Балканские исследования».

Конференция положительно оценивает специальные межвузовские издания «Вопросы истории славян» (Воронежский университет), «Славянский сборник» (Саратовский университет), «Балканы и Ближний Восток в новейшее время» (Уральский университет), а также аналогичные исторические и филологические издания университетов РСФСР и других союзных республик. Вместе с тем конференция отмечает, что координация этих изданий осуществляется недостаточно и считает целесообразным обратить внимание Головного совета по историческим наукам Минвуза РСФСР (проф. В. В. Мавродин) и дру-

гих органов с такими же функциями на желательность точного определения профиля, оптимальной периодичности и объема каждого издания, в чем Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики мог бы оказать свое содействие.

Обсудив на плenарном заседании состоящие и задачи дальнейшего развития научно-исследовательской работы в области истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы, участники конференции считают, что усилия советских славистов и балканистов должны быть направлены на дальнейшее изучение наиболее важных в научном и политическом отношении комплексных проблем истории, истории культуры и языков народов называемого региона.

Конкретное обсуждение этих проблем проходило в пяти секциях сообразно структуре Научного совета.

1. Секция «Этногенез славянских и балканских народов»

По мнению участников секции, в последнее время в изучении проблематики этногенеза достигнуты определенные успехи. Эти успехи можно отнести в большей мере за счет археологических разысканий, в меньшей мере — лингвистических, антропологических и этнографических. Такая неравномерность объясняется не только недостатками планирования, но и отсутствием согласованных научных задач, вокруг которых объединились бы ученые разных научных дисциплин.

Дальнейшая активизация изысканий в области этногенетической проблематики в первую очередь зависит от реального налаживания комплексного изучения с привлечением накопленных данных археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклора, антропологии, с применением новых методов и расширением полевых исследований. При этом особое внимание нужно обратить на изучение проблем духовной культуры как на одну из перспективных областей, тесно связанных не только с собственно этногенетическими аспектами, но и с изучением истоков национального самосознания и самобытности славянских и балканских народов.

2. Секция «Проблемы формирования наций Центральной и Юго-Восточной Европы»

Обсуждение показало, что в последние 5—7 лет достигнуты существенные результаты в области изучения

истории национально-освободительных движений и процессов формирования наций в данном регионе. Ряд изданных и подготовленных к печати коллективных исследований демонстрирует плодотворность сравнительно-исторического подхода в изучении национально-освободительных движений и важнейших факторов, определивших процессы складывания и развития наций. Важно подчеркнуть, что в ходе подготовки этих трудов были объединены усилия представителей разных научных дисциплин. В результате произошло качественное продвижение как в осмыслении сложной комплексной проблематики формирования наций, так и в обогащении новой исследовательской методикой отдельных научных дисциплин.

В целях дальнейшего развертывания исследований в этой области конференция рекомендует сконцентрировать усилия на разработке и уточнении методологии и методики комплексного изучения различных взаимосвязанных аспектов процесса формирования наций, на всемерном развитии сравнительно-исторических и сравнительно-типологических исследований во всех областях истории и истории культуры, создающих надежную базу для многостороннего обобщения закономерностей и региональных особенностей формирования и развития наций и национальных культур.

3. Секция «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов»

В этой области науки в последние годы наметился важный сдвиг в сторону усиления историко-системного подхода к многосоставному объекту исследования. Отдельные сферы культуры, общественного и художественного сознания рассматриваются в ряде вышедших трудов в диалектическом взаимодействии, в общем комплексе исторического процесса народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно заметные позитивные результаты достигнуты в исследовании культуры эпохи формирования наций.

Широкое внедрение и применение комплексных и сравнительно-исторических методов исследования остается, однако, главной задачей ученых, работающих в области истории культуры. Это относится как к ранним историческим эпохам, так в особенности к современному этапу развития культуры периода строительства социализма. Учитывая объективно возрастающую значимость

этой проблематики, конференция обращает внимание на необходимость систематической подготовки кадров специалистов в области истории культуры на исторических факультетах ведущих университетов страны.

4. Секция «Славянские и балканские народы в системе международных отношений»

В этой области исторических исследований за последнее время оживилась научная деятельность по ряду важных проблем международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Особенно много сделано в советской историографии по изучению отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами. Ведется также изучение истории антифашистской национально-освободительной борьбы в годы второй мировой войны и международных аспектов возникновения европейского социалистического содружества. Необходимо отметить, что проблематика международных отношений становится предметом широких сравнительно-исторических исследований с учетом многообразия фактов, формирующих эти отношения. В итоге изучение международных отношений входит важной составной частью в широкий комплекс исследований истории народов этого региона.

Для дальнейшего развития этого перспективного направления конференция рекомендует сосредоточить особое внимание на международных аспектах возникновения независимых государств на Балканах в новое время, на международном значении Октябрьской революции и ее роли в образовании новой системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, на международных аспектах становления стран социалистического содружества в Европе.

5. Секция «Историография и источниковедение»

Конференция считает, что само осмысление славяноведения и балканстики как комплекса научных дисциплин невозможно без глубокого изучения истории их возникновения и развития. В этой связи особо важное методологическое значение приобретают развернувшиеся в последнее время исследования, посвященные разработке истории славяноведения и балканстики в рамках каждой отдельной страны и во всемирном масштабе, изучение особенностей идейно-теоретических направлений и

научных школ в этих областях, эволюции понимания предмета славяноведения и балканстики как в прошлом, так и в настоящее время.

Заслуживают поддержки исследования, проводимые в Институте славяноведения и балканстики АН СССР, Московском университете, Львовском университете и других учреждениях, направленные на систематическую разработку проблем истории отечественной славистики. Необходима активизация подобных исследований и в области балканстики как комплексной научной дисциплины с определенным внутренним единством и спецификой своего развития. Следует усилить внимание к зарубежной историографии по проблемам славяноведения и балканстики, используя ее объективные достижения и давая отпор враждебным, антисоциалистическим тенденциям.

* * *

Заслушав и обсудив доклады и сообщения, проблемно-тематические секции конференции приняли развернутые решения, в которых содержатся соответствующие рекомендации по дальнейшему развитию и активизации комплексных и сравнительно-исторических исследований в области истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (см. приложения).

В целях совершенствования координации и успешного развертывания научных исследований в области славяноведения и балканстики конференция принимает следующие общие рекомендации.

1. Конференция считает, что успешная разработка названных выше проблем, организация их комплексного изучения возможны лишь при четкой координации работы по этим направлениям всех заинтересованных научных учреждений и центров. В этих целях конференция рекомендует при разработке планов научно-исследовательской деятельности учреждений на следующее пятилетие учитывать высказанные в ходе обсуждения предложения и в интересах согласования и создания сводного плана работы направлять эти планы в Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканстики.

2. Конференция считает целесообразным ввести в практику Научного совета регулярное (не реже одного раза в пять лет) проведение пленарных сессий совета, приурочиваемых к моменту разработки планов научно-исследовательской работы на очередное пятилетие. В ин-

тересах конкретной координации активизировать работу секций совета, планируя выездные заседания секций в различных научных центрах страны.

3. Учитывая позитивный опыт научно-координационной работы Ленинградского отделения Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканстики, рекомендовать создание аналогичных координационных центров (отделений Научного совета) на Украине (Киев, Львов), в Белоруссии (Минск) и Молдавии (Кишинев). Целесообразно проведение региональных проблемно-тематических координационных совещаний, симпозиумов по актуальным проблемам славяноведения и балканстики.

4. Конференция констатирует назревшую необходимость усиления координации научных исследований в области изучения комплексных проблем социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, формирования и развития социалистического союзничества. Возрастающая научно-политическая значимость этой проблематики, широкая география научных центров, ведущих ее разработку, обострение идеологической борьбы по этим проблемам в историографии требуют активизации координационной работы в данной области исследований на базе Института славяноведения и балканстики АН СССР, а также секции по истории социалистического строительства, существующей в составе Научного совета АН СССР «Мировая социалистическая система». Вместе с руководством этого совета конференция предлагает обсудить вопрос о путях дальнейшего развертывания работы и целесообразности возможного преобразования секции по истории социалистического строительства в самостоятельно действующий совет.

5. Участники конференции считают, что необходима всенарядная популяризация среди широких кругов читателей результатов комплексных исследований в области истории, истории культуры и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

6. Придавая важное значение состоявшемуся плодотворному обмену мнениями, участники конференции просят Институт славяноведения и балканстики АН СССР опубликовать материалы конференции, а журнал «Советское славяноведение» — издать в ближайшем номере документы, принятые конференцией.

Приложение 1

Рекомендации секции «Этногенез славянских и балканских народов»

Секция считает, что решающим фактором в координации научно-исследовательских работ по славянскому этногенезу является комплексное изучение, привлечение материалов археологии, истории, лингвистики, этнографии, фольклористики, антропологии. Исследование подлежит весь этнический процесс от древности, от вероятных районов прародины славян и до формирования народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе в период раннего феодализма.

Различные этапы этого процесса предполагают неодинаковое место названных дисциплин в его изучении, а следовательно, и разный уровень координационных усилий.

Исходя из этого, секция предлагает следующие основные направления координационной работы.

I. Материальная культура и антропология

А. Проблема реконструкции славянской материальной культуры в археологическом, лингвистическом и этнографическом аспектах. Комплексные методы реконструкции.

Б. Проблема зарубинецкой, пшеворской, черняховской и ряда других археологических культур.

В. Древности азов и склавинов. Славянский археологический атлас.

Г. Антропологическая характеристика современных и древних славян.

Д. Этногенез восточных романцев и славян.

По пунктам А, Б, В головной институт — Институт археологии АН СССР с участием Института археологии АН УССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории АН БССР. Только по пункту В — Отдел этнографии и искусствоведения АН МССР.

По пункту Г головной институт — Институт этнографии АН СССР с участием кафедры антропологии Московского университета, Института археологии АН УССР.

По пункту Д головной институт — Отдел этнографии

и искусствоведения АН МССР с участием Института истории АН МССР, Черновицкого отдела Института истории АН УССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Сотрудничество и консультации: с археологами ПНР ЧССР, ГДР, СФРЮ.

II. Духовная культура и этнос

А. Проблема реконструкции славянской духовной культуры в лингвистическом, этнографическом, историческом и фольклористическом аспектах. Комплексные методы реконструкции. Проблема соотношения этногенеза и глоттогенеза.

Б. Проблема комплексного этнолингвистического изучения архаических славянских зон в языковом и этнокультурном отношении (белорусское и украинское Полесье, Карпаты, русский Север и др.). Методика полевых исследований. Составление программ-вопросников.

В. Проблема праславянского диалектного членения в лингвистическом и культурно-мифологическом аспектах. Славянские лингвистические атласы.

Г. Проблема славянской и балканской топонимики и ономастики. Общеславянский опомастический атлас. Славянская и индоевропейская (в том числе балтийская и иранская) этноимика.

Д. Проблема исследования древней славянской культуры. Сравнительно-исторический и этимологический анализ лексики. Славянская и балтийская лексика на индоевропейском фоне.

Е. Проблема славянских культурных древностей. Древнейший состав славянской эпической поэзии. Древнейшая структура славянского языческого обрядового цикла — его общие моменты и локальные различия. Славянская мифология и ее «диалектология». Народное и «книжное» в древней славянской культуре (литературе, обрядности и фольклоре).

Проблема славянского язычества: генетические и типологические связи с другими традициями (балканской, балтийской, иранской, индоевропейской, финноугорской, кавказской и др.).

Ж. Славянское самосознание на основе свидетельств письменных источников (I—XII вв. н. э.).

З. Образование славянских и восточнороманских народностей. Головные институты — Институт славянове-

дения и балканистики АН СССР, Институт этнографии АН СССР с участием Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР, Института общественных наук АН УССР, Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, Ужгородского отделения Института истории АН УССР, Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Институт языкоznания АН УССР, Институт языкоznания АН БССР, Московский университет, Ленинградский университет, Белорусский университет, Гомельский университет, Житомирский и Ровенский педагогические институты.

По пункту В, Д головным является Институт русского языка АН СССР.

По пункту Г — Институт языкоznания АН СССР.

Желательно привлечение историков, этнографов, лингвистов и археологов ЧССР и ПНР, БНР, СФРЮ.

Практические задачи

а) Подготовка и публикация древнейших свидетельств о славянах и древнейших славянских исторических свидетельствах;

б) активизация полевых исследований. Создание комплексных (лингво-фольклорно-этнографических) групп;

в) публикация сборника материалов полевых исследований;

г) подготовка молодых специалистов через аспирацию, стажировку, ФПК (Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Московский, Ленинградский, Белорусский, Гомельский и Томский государственные университеты);

д) публикация и перевод классических трудов по славянскому этногенезу и славянской духовной культуре (книга Д. К. Зелепина о восточнославянской культуре, книга Э. Гаспарини «Славянский матриархат» и др.);

е) публикация атласов: Общеславянского лингвистического атласа, Русского лингвистического атласа (Институт русского языка АН СССР), Украинского диалектологического атласа (Институт языкоznания АН УССР), Общекарпатского диалектологического атласа (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), Белорусского лексического атласа (Институт языкоznания

АН БССР), Атласа житомирского Полесья Н. В. Никончука, Атласа Нижней Припяти Т. В. Назаровой, Атласа надсянских говоров М. М. Онышкевича, Закарпатского лингвистического атласа И. А. Дзендулевского. Подготовка Атласа полесской духовной культуры (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).

Публикация областных словарей: бойковского М. О. Онышкевича, закарпатского Н. А. Грицака, буковинского, туровского, смоленского, архангельского, псковского, брянского, ярославского и др.;

ж) проведение конференций по темам II А, Б, В, Е — «У истоков славянской духовной культуры. Принципы и методы изучения древней славянской духовной культуры». Октябрь — ноябрь 1979 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР; октябрь — ноябрь 1980 г. — Институт языкоznания им. А. А. Потебни АН УССР, октябрь — ноябрь 1981 г. — филологический факультет Ленинградского государственного университета, октябрь — ноябрь 1982 г. — Институт языкоznания АН БССР, Белорусский государственный университет.

По теме I Б: рекомендуется организация симпозиума в Киеве и Каменец-Подольске (в течение 1979 г.), преимущественно археологического с участием этнографов и историков.

По теме I В: рекомендуется проведение симпозиума (1980 г.) с участием историков в Кишиневе.

Приложение 2

Рекомендации секции «Формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»

Секция отмечает, что за последние годы достигнуты определенные результаты в разработке закономерностей развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму, в частности в изучении истории национально-освободительных движений, процессов формирования наций и национальных культур. Результаты исследований отражены

в коллективных и индивидуальных монографиях, в тематических сборниках, в журнальных статьях и публикациях документальных материалов. Важную координационную роль призвана сыграть серия «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры».

Особенностью этих исследований является переход к новому, более высокому этапу — комплексному сравнительно-историческому изучению проблематики в масштабах всего региона. Заметным шагом в этом направлении стали коллективные труды «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М.: Наука, 1977) и в известной мере также коллективный труд «Театр в национальной культуре» (М.: Наука, 1976), в котором становление национального театра рассмотрено в органической связи с общеисторическим процессом. О значительном сдвиге в изучении вопросов складывания литературных языков региона свидетельствует коллективный труд «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (М.: Наука, 1978). Успешно ведется работа по исследованию национальных литератур этого периода и их роли в формировании национального художественного сознания. В этой связи заслуживают упоминания коллективные труды по проблемам романтизма, выполненные советскими учеными совместно со специалистами зарубежных социалистических стран («Польский романтизм и восточнославянские литературы»). Дальнейшее развитие комплексного подхода представляет собой подготовленная к печати коллективная монография «Освободительные движения народов Австро-Венской империи». В этом синтетическом труде конкретно-историческая разработка проблемы в рамках исторически сложившегося государственного комплекса сочетается с историко-теоретическими обобщениями.

Секция отмечает, что исследование комплексной проблемы закономерностей развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму и формирования наций и национальных культур имеет не только конкретно-историческое, но и более широкое теоретическое, типологическое значение.

Учитывая сказанное, а также принимая во внимание содержащиеся в докладах мнения и предложения, секция рекомендует:

1. Считать первостепенной задачей дальнейшую подготовку обобщающих трудов комплексного и сравнительно-исторического характера по истории и культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму (например, таких, как «Польша на путях перехода от феодализма к капитализму», «Чешская нация на заключительном этапе ее формирования», «Основные проблемы истории Венгрии в эпоху перехода от феодализма к капитализму», «Просвещение и романтизм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы» и др.).

2. Продолжить углубленное исследование проблем экономики, социальных структур, политических и государственно-правовых институтов, культуры и языка народов региона с учетом межэтнических и межнациональных контактов, в особенности на территории со смешанным составом населения (проблемы взаимовлияния и взаимодействия). Важной задачей является комплексный анализ системы экономических, политических и культурных взаимоотношений народов Центральной и Юго-Восточной Европы во внутринациональном и в международном масштабах.

3. При изучении процессов формирования наций паряду с рассмотрением факторов базисного характера обратить внимание на вопросы развития общественной мысли, науки, просвещения, книжного дела, художественной культуры, фольклора и народного искусства в этнокультурном контексте, а также на роль культурных центров в формировании национального самосознания. Стремиться к освещению изучаемых явлений с учетом их более широкого типологического осмысления и с привлечением материалов по другим регионам.

4. Продолжить исследование процессов формирования отдельных национальных литературных языков народов региона (прежде всего сербохорватского, словенского и польского) как в историко-культурном, так и в лингвистическом планах. Приступить к изучению вопросов становления и развития венгерского и румынского литературных языков в связи с общей проблематикой формирования наций. Признать актуальной задачу срав-

нительно-типологического изучения национальных литературных языков, а также их взаимодействия и взаимовлияния.

5. Целесообразно продолжить исследование закономерностей формирования национальных литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, специфики этого процесса в условиях национального гиста, типологических тенденций литературного развития, функций литературы в складывании национального самосознания, типов и характера литературных связей эпохи.

6. Обратить особое внимание на подготовку обобщающих трудов по истории и культуре балканских народов, имея в виду необходимость всестороннего освещения истории освободительных движений и роли России в становлении и укреплении национальной государственности на Балканах, а также научное обоснование периодизации освободительных движений балканских народов, роли в этом процессе литературы и искусства.

7. Сосредоточить внимание на дальнейшей разработке и взаимном обсуждении вопросов методологии комплексных сравнительно-исторических исследований. Шире использовать с этой целью научные методы, находящие применение в советской философии, этнографии, социологии и других науках общественного комплекса.

8. Учитывая важность объединения научных сил для изучения первоочередных вопросов формирования наций и развития освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы, обратить особое внимание на совершенствование координации и организации исследований в этой области в общесоюзном масштабе. В частности, желательным является привлечение к решению этих вопросов не только историков, историков культуры и филологов, но и этнографов, искусствоведов, историков философии, права и представителей других наук. С этой целью наладить систематический учет информации о работах, ведущихся по данной проблематике, шире привлекать к ее разработке научные силы учреждений Академии наук СССР и республиканских академий наук, университетов, библиотек и других научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Минска и других городов.

Периодически проводить научные конференции и симпозиумы, шире практиковать взаимные научные командировки ведущих специалистов из различных научных учреждений.

Одним из важных аспектов успешной разработки комплексной проблемы формирования наций представляется дальнейшее углубление сотрудничества с соответствующими научными центрами братских социалистических стран.

Принимая во внимание практическую важность координационной деятельности и необходимость совершенствования ее методики и системы (включая уточнение круга ведущих учреждений-участников), подготовить по этим вопросам конкретные предложения и обсудить их на очередном рабочем заседании секции Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканстики.

9. В целях обеспечения реализации намеченных задач считать целесообразным расширение состава секции «Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» за счет дополнительного включения сюда представителей научных учреждений, в которых разрабатывается эта проблематика; регулярно проводить пленарные заседания секции Научного совета, посвящая их обсуждению отдельных вопросов комплексной темы.

Приложение 3

Рекомендации секции «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов»

В настоящее время общепризнано, что глубокое и всестороннее познание общественного развития невозможно без изучения культуры как его неотъемлемой части. Исследование истории культуры имеет первостепенное значение для плодотворной разработки и освещения исторического развития отдельных народов, а также их взаимодействия.

Поскольку культура представляет собой сложное многогранное явление, то ее история является комплекс-

ной научной дисциплиной, требующей сосредоточения усилий специалистов разного профиля.

Во время работы секции «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов», в которой приняли участие представители Института славяноведения и балканстики АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания Министерства культуры СССР, Института этнографии АН СССР, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Института литературы АН УССР, Института искусствознания, этнографии и фольклора АН УССР, Института литературы АН БССР и Института мировой литературы АН СССР, были обсуждены следующие аспекты состояния исследований в области культуры:

1. Проблемы, связанные с изучением культуры славянских и балканских народов эпохи средневековья и, в частности, вопрос о координации исследований в области межславянских культурных связей.

2. Проблемы изучения культуры в эпоху формирования наций славянских и балканских народов.

3. Проблемы изучения современной социалистической культуры в европейских странах социализма.

4. Проблемы изучения славянского и балканского фольклора в контексте народной культуры.

В изучении указанных областей культуры в последние годы достигнуты определенные положительные результаты, важнейшими из которых является ориентация на постановку и исследование комплексных проблем, что нашло, в частности, отражение в изданиях Института славяноведения и балканстики АН СССР, в подготовленном труде ВНИИ искусствознания по синтетическому изучению социалистической художественной культуры.

Развивались исследования и отдельных областей культуры — по литературе, фольклору, изобразительному искусству, театру, музыкальной культуре.

Секция отмечает возрастающую роль специалистов по истории культуры в написании общенисторических трудов.

Культурная проблематика координируется между научными центрами Советского Союза, она стала объектом международного сотрудничества между Академией наук СССР и академиями социалистических стран, сотрудни-

чества по линии международной организации ЮНЕСКО.

В области социалистической культуры исследования велись в плане изучения процесса культурной революции, культурного сотрудничества, изучения развития отдельных видов культуры. Появились монографии и тематические сборники по данной проблематике. В настоящее время в Институте славяноведения и балканстики АН СССР ведется работа над коллективным трудом «Национальное и интернациональное в социалистической культуре». Участники секции считают целесообразным:

1. В связи с выполнением плановых исследований и разработкой перспективных планов с целью осуществления в дальнейшем обобщающих комплексных исследований, а также для объединения научных сил разных исследовательских центров страны продолжать координацию исследовательских планов, организовать систематический обмен информацией между отдельными научными учреждениями.

2. Продолжить исследования по основным направлениям и историческим периодам, считая необходимым обратить внимание на следующие аспекты:

По эпохе Средневековья:

а) становление культур славянских народов и народов балканского региона в период складывания их государств;

б) взаимоотношения славянских культур с культурой Византии и Западной Европы;

в) межславянские культурные связи в эпоху Средневековья.

По этим проблемам необходимо координировать работу с Институтом археологии АН СССР, институтами мировой и русской литературы, ВНИИ искусствознания, республиканскими институтами, славистическими кафедрами МГУ, а также с научными учреждениями социалистических стран.

По истории культуры эпохи формирования наций:

а) общие закономерности и особенности формирования национальных культур;

б) отдельные области культуры в историко-культурном процессе;

в) взаимодействие национальных культур славянских и балканских народов, их место в системе общеевропейского культурного развития.

По социалистической культуре:

а) продолжить изучение конкретных процессов развития культуры этих стран на различных этапах строительства социализма, как в однодисциплинарном («отраслевом»), так и в комплексно-систематическом и сравнительно-историческом плане;

б) продолжить исследование проблемы генезиса и развития социалистического искусства;

в) особое внимание уделить изучению процессов сближения и интернационализации социалистической культуры (социалистического искусства) и складывания культурной общности мировой системы социализма.

Повысить внимание к изучению славянского и балканского фольклора как явления народной культуры, участвующего в обогащении национальной культуры на разных исторических этапах. Провести консультации по комплексному изучению культуры Полесья, установив координацию по этой проблеме с фольклористами УССР и БССР (академические институты и вузы).

3. В связи с недостаточной разработанностью методологии и методики комплексных и сравнительно-типологических исследований включить методологическую проблематику в программы исследований научных центров.

Для реализации программы исследований участники секции считают целесообразным.

1. Провести в 1980 г. на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР координационное совещание представителей ведущих научных центров страны, занимающихся проблемами социалистической культуры европейских стран социалистического содружества. В порядке подготовки к этой конференции провести в 1979 г. на базе сектора современных литератур совещание по изучению современных литератур социалистических стран.

2. Провести в 1981—1982 гг. Всесоюзную научную конференцию с докладами, отражающими состояние комплексной разработки проблем культуры славянских и балканских народов в ее историческом развитии.

3. Учитывая важность сравнительного изучения национальных культур, обратить внимание на разработку проблем взаимообогащения литератур и на дальнейшее исследование культурных взаимоотношений. В связи с

этим провести в 1980—1981 гг. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР конференцию по проблемам сравнительного изучения литератур.

4. Исходя из неотложности и важности изучения истории культуры, усилить внимание к подготовке специалистов в этой области. В связи с этим обратиться в Министерство высшего и среднего специального образования СССР с ходатайством о введении на исторических и филологических факультетах, в институтах по художественному образованию курсов лекций (спецкурсов, семинаров) по истории культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы и особенно по социалистической культуре европейских социалистических стран.

5. При организации всесоюзных конференций историков-славистов предусмотреть включение в их программу секций по историко-культурным проблемам, а также расширить проблематику культуры (искусства) на этих научных форумах.

Приложение 4

Рекомендации секции «Славянские и балканские народы в системе международных отношений»

Заслушав и обсудив ряд докладов, секция с удовлетворением констатирует, что за последние годы оживилась научная деятельность по многим важным проблемам истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в новое и новейшее время. Активизировалось изучение международных отношений в Юго-Восточной Европе в первой половине XIX в., связанных с историей возникновения первых независимых государств в этом регионе. Появились новые работы по истории внешней политики России на Балканах в XIX в. В связи со столетием Восточного кризиса 1875—1878 гг. резко возросло внимание к событиям этого периода, что выразилось в проведении соответствующих научных конференций и симпозиумов. Усилилось изучение империалистических противоречий в конце XIX — начале XX в. Заметным событием в этом отношении явился выход в свет в 1977 г. коллективного труда «Дранг нах

Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (1871—1918)». Много сделано в советской историографии и по изучению отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами. Ведутся исследования по истории антифашистской национально-освободительной борьбы в годы второй мировой войны и международным аспектам возникновения стран социалистического содружества в Европе.

Секция констатирует, что проблематика международных отношений становится предметом широких сравнительно-исторических исследований с учетом многообразия факторов, формирующих эти отношения. В итоге изучение международных отношений входит в важной составной частью в широкий комплекс исследований истории народов этого региона.

Вместе с тем секция отмечает, что многие важные проблемы истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе еще не стали объектом исследования со стороны советских историков, в том числе и по таким проблемам, по которым ведутся интенсивные исследования как в европейских социалистических странах, так и в историографии западных держав. К их числу относятся отдельные проблемы истории русской политики на Балканах в XIX — начале XX в., политики западных держав по отношению к странам региона, а также истории международных отношений в межвоенный период (складывание новой системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе после первой мировой войны, их внешнеполитические концепции, процессы блокообразования и т. д.). Недостаточно изучаются связи и отношения между самими странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Вызывает тревогу наметившееся отставание советских исследователей в использовании нового архивного материала.

Секция полагает, что в будущем необходимо выделить следующие проблемы, по которым желательна координация исследований.

1. Международные проблемы возникновения первых независимых государств на Балканах в новое время.

2. Международные аспекты развития национально-освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

3. Балканы и Восточный вопрос.

4. Восточный кризис 1875—1878 гг.

5. Империалистические противоречия и национально-освободительная борьба в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в.

6. Революционные связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проблемы пролетарского интернационализма.

7. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы в годы первой мировой войны.

8. Октябрьская революция и образование новой системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе.

9. Место и роль стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Версальской системе международных отношений (1919—1939).

10. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы в международных отношениях накануне и в годы второй мировой войны.

Секция считает, что для дальнейшего развития исследований в относящейся к ее компетенции области и улучшения координационной деятельности необходимо создание нового серийного издания под названием «Международные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе», на страницах которого могли бы найти освещение перечисленные выше проблемы.

С удовлетворением было принято к сведению сообщение о подготовке сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР коллективного труда «История международных отношений на Балканах» (в 3-х томах), который охватит период с конца XVIII в. до 1918 г., а также о плане создания коллективного труда «Очерки истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенный период».

Секция подчеркивает, что в настоящее время на передний план выдвигаются проблемы координации исследований советских историков по международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно в новейшее время. Для активизации работы секции и ее координирующей роли целесообразно создать бюро секций и ввести в него представителей крупнейших научных учреждений, занимающихся разработкой данной

проблематики: Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории СССР и Института всеобщей истории АН СССР, Института истории АН УССР, Института общественных наук АН УССР, Института истории АН БССР, Института истории АН МССР, университетов в Ленинграде и Свердловске. Представляется также целесообразным создать в наиболее крупных центрах научных исследований (таких, как Ленинград, Киев, Минск, Кишинев, Львов, Свердловск) координационные группы в области изучения международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Считать необходимым проведение периодических сессий секции и заседаний бюро секции для обсуждения конкретной деятельности по координации исследований важнейших проблем и постановки теоретических и методологических докладов.

Приложение 5

Рекомендации секции «Историография и источниковедение»

1. Положительно оценивая результаты расширявшейся за последние годы работы над теоретическими и методологическими вопросами в области историографии (в частности, выходящий из печати сборник статей «Методологические проблемы истории славистики»), секция рекомендует продолжать их разработку. По мнению секции, первостепенного внимания заслуживают следующие вопросы:

- а) определение предмета славяноведения и балканстики как на современном этапе, так и на предшествующих ступенях развития этих отраслей знания;
- б) разработка научно обоснованной периодизации истории славяноведения и балканстики;
- в) изучение важнейших идеино-теоретических направлений и научных школ, выяснение их соотношения друг с другом, а также с общественно-политическими течениями, направлениями и школами в каждой из тех научных дисциплин, которые образуют славяноведение

и балканстику, т. е. в исторической науке, языкоизнании, литературоведении и т. д.;

г) глубокое и всестороннее исследование той положительной роли, которую сыграло в развитии славяноведения и балканстики воздействие различных прогрессивных идеино-теоретических концепций, прежде всего тех, которые вытекают из материалистического понимания общественного развития, из марксистско-ленинской теории.

2. Секция отмечает, что библиографическим словарем «Славяноведение в дореволюционной России», подготовленным Институтом славяноведения и балканстики, аналогичным справочником «Восточнославянские языковеды», издаваемым М. Г. Булаховым, положено хорошее начало широкой разработке проблем истории отечественной славистики. Секция одобряет и поддерживает работу над следующими планируемыми в этой области изданиями:

- а) История славистики в Московском университете (кафедра южных и западных славян МГУ);
- б) Славяноведение в СССР. Библиографический словарь (Институт славяноведения и балканстики АН СССР);
- в) Курс лекций по историографии зарубежных славян (кафедра южных и западных славян Львовского университета).

Секция выражает уверенность в возможности и необходимости подготовки к 1985 г. обобщающего коллективного труда «История славяноведения в дореволюционной России и в СССР» (Институт славяноведения и балканстики АН СССР). Секция считает, что основные планируемые на ближайшие годы историографические работы должны в той или иной мере служить накоплению фактического материала, выводов, оценок, которые могли бы стать базой для указанного труда.

3. Секция с удовлетворением отмечает появившиеся в печати работы по истории балканстики, а также специальный выпуск «Балканских исследований», посвященный вопросам историографии, который готовится к изданию. Однако секция констатирует, что историографическое изучение проблематики балканского региона (особенно в том, что касается неславянских стран) развивается с отставанием и призывает научные учреж-

дения и отдельных исследователей обратить внимание на соответствующий круг вопросов. Специального рассмотрения требуют теоретические вопросы, касающиеся определения балканистического комплекса научных дисциплин, периодизации истории балканистики, характеристики основных научных направлений и школ.

4. Важным и первоочередным делом секция считает изучение историографии европейских социалистических стран. Отмечая, что подготавливаемый в Институте славяноведения и балканистики коллективный труд «Историческая наука ПНР в 1945—1975 гг.» является достойным одобрения положительным явлением, секция призывает специалистов к дальнейшему развертыванию работы в этой области как путем подготовки аналогичных страноведческих исследований, так и исследований проблемно-тематического характера, охватывающих всю Центральную и Юго-Восточную Европу.

5. Большую озабоченность секции вызвало состояние разработки западной историографии по славяноведению и балканистике. Специалистов по этим вопросам слишком мало, силы их разобщены, издательская база практически отсутствует. Секция поддерживает идею создания Институтом славяноведения и балканистики (совместно с Институтом научной информации по общественным наукам) продолжающегося издания в форме информационно-реферативного сборника «Славяноведение и балканистика за рубежом», где можно было бы публиковать обзоры и рефераты, дающие представление о важнейших работах, которые выходят на Западе.

В то же время секция призывает специалистов усилить внимание к западной историографии при рассмотрении каждой из конкретно-исторических проблем славяноведения и балканистики, которые разрабатываются соответствующими учреждениями и отдельными исследователями.

6. Секция отмечает, что в славяноведении и балканистике практически отсутствует координация в разработке источниковедческих вопросов, что интерес исследователей к этой важной области за последнее время заметно снизился, хотя слависты и балканисты широко участвуют в публикации источников. Общий уровень соответствующих изданий мог бы быть более высоким, а круг публикуемых источников более всеобъемлющим,

если бы уделялось больше внимания обобщению опыта и теоретическому осмыслинию практической работы, если бы имелась издательская база для публикации важных источников небольшого объема. В связи с этим секция поддерживает высказанное VIII Всесоюзной конференцией историков-славистов в Донецке пожелание о возобновлении специального источниковедческо-публикаторского продолжающегося издания типа выходившего ранее «Славянского архива», считая, что в теперешних условиях издание должно охватывать всю Центральную и Юго-Восточную Европу.

7. Для рассмотрения научных и научно-организационных вопросов по ее тематике секция считает необходимым систематически проводить свои рабочие заседания, а наиболее важные вопросы выносить на пленарные заседания совета. Первое рабочее заседание, посвященное теоретическим вопросам истории славистики в целом и особенно методологии истории славянского языкознания, решено провести в Ленинграде в 1979 г. на базе Ленинградского отделения Научного совета (А. С. Мыльников) и филологического факультета Ленинградского университета (П. А. Дмитриев).

VI. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>В. А. Дьяков.</i> Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории славистики	221
<i>С. М. Стецкевич.</i> Изучение истории южных и западных славян в университетах РСФСР и некоторые вопросы координации	230
<i>П. А. Дмитриев.</i> Разработка проблем славянской филологии и координация учебной и научно-исследовательской работы в вузах СССР	235
<i>С. В. Смирнов.</i> Изучение истории русского и славянского языкоznания	242
<i>Г. Л. Арш.</i> Серийное издание «Балканские исследования»	251

VII. ДОКУМЕНТЫ ЗВЕНИГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Общие рекомендации научной конференции «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований: вопросы координации»	260
<i>Приложение 1</i>	
Рекомендации секции «Этногенез славянских и балканских народов»	268
<i>Приложение 2</i>	
Рекомендации секции «Формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»	271
<i>Приложение 3</i>	
Рекомендации секции «Проблемы истории и культуры славянских и балканских народов»	275
<i>Приложение 4</i>	
Рекомендации секции «Славянские и балканские народы в системе международных отношений»	279
<i>Приложение 5</i>	
Рекомендации секции «Историография и источниковедение»	282

Этногенез славянских и балканских народов. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. История культуры славянских и балканских народов. Славянские и балканские народы в системе международных отношений. История культуры славянских и балканских народов в эпоху социализма. Историография и источниковедение. Документы Звенигородской конференции.

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

